Людмила Рублевская

Рыцари и Дамы Беларуси

Исторические очерки

Минск
Мастацкая літаратура

ВСТУПЛЕНИЕ

Белорусская история все еще зачастую воспринимается однобоко, как история крестьянского забитого народа, у которого почемуто не рождалось своих поэтов и философов, не было рыцарей и дам... Да как же не было?! Неужели наши предки на какомто диком острове жили среди Европы? Стоит только заглянуть в глубь веков — и убеждаешься, что у нас, белорусов, была своя аристократия и замечательный рыцарский век! Что когдато перед Минской ратушей проводились карнавалы, рыцарские турниры и состязания лучников... Что в наших городах есть древние катакомбы с привидениями, легенды и предания...

В белорусской истории хватает сюжетов не менее драматичных и увлекательных, чем те, которые использовал для написания своих пьес Шекспир. Нешуточных страстей человеческих бушевало здесь не меньше, чем в средневековой Италии или Дании. Только вот мало мы знаем этих удивительных историй, а герои, достойные появиться на сценах, экранах и страницах, исчезают в тумане времени... Давайте же знакомиться с рыцарями и дамами нашей истории... По праву рядом с ними занимают место рыцари самой истории — летописцы и ученые, посвятившие жизнь открытию белорусской Атлантиды.

ПРЕДСЛАВА, ГОРДИСЛАВА, ЗВЕНИСЛАВА... ЕВФРОСИНИЯ ПОЛОЦКАЯ (между 1101 и 1105–1173)

> История несправедлива.
>
> Имена в ней вспыхивают и гаснут... Одни сияют вечно, другие остаются в тени просто потому, что оказались рядом с более яркими...

Имя просветительницы нашей земли, святой благоверной Евфросинии Полоцкой, известно всем. Она одна из первых канонизированных восточнославянских святых. Хотя почитание ее тоже переживало разные времена. В эпоху, когда слово «святой» в официальных документах писалось только в кавычках, Евфросинию Полоцкую называли «мракобеской»... В начале 20х годов прошлого века специальная комиссия совершила кощунство: рака с нетленными мощами святой была вскрыта, советские ученые сделали

заключение, что «труп мумифицировался вследствие благоприятных почвенных условий», после чего останки полоцкой княжны демонстрировались на атеистической выставке в Москве, потом — в Витебском краеведческом музее...

Забавно и печально оценивать усилия бесчисленных шариковых по упрощению и уплощению мира... Оплаченные кровью, их прожекты рушились, история шла дальше, имена святых подвижников сияли над миром...

Сравнивать всегда полезно — обычаи, нравы. Вот как мы воспринимаем двенадцатилетнего ребенка? Как... ребенка. И в школу побежим заступиться за него, наругать приставучего одноклассника... Тарелку под нос подсунем, пока за компьютером сидит, а то, бедненький, голодным останется...

В Полоцком княжестве девочка, особенно знатного рода, в 10—12 лет должна была стать чьейто женой, хозяйкой дома, соправительницей (если дозволит муж).

Полоцкая княжна Предслава в двенадцатилетнем возрасте (хотя есть версии, что была постарше) оказалась способна на большее — настояла на праве принять венец невесты Христовой. Маленькая девочка пошла наперекор отцу, князю СвятославуГеоргию, убедила тетку, игуменью Романову... Тетя боялась постригать племянницу: «Отец твой, уведав, со всяким гневом возложит вред на голову мою, и еще юна еси возрастом, не можеши понести тяготы мнишескаго жития, и како можеши оставити княжение и славу мира сего?» Евфросиния отвечала: «Госпоже и мати! Вся видимая мира сего красна суть и славив, но вскоре минует, яко сон, яко цвет увядает». То бишь вся красота мира пройдет, как сон, и увянет, как цветы. Только невидимое, Божественное вечно.

Можно много списать на обязательный подгон событий под каноны, но невозможно отрицать, что Евфросиния обладала сильным характером и действительно готовилась свершать духовные подвиги. Неудивительно, что она определила не только свою судьбу, но и судьбу своих сестер.

Сегодня мы поговорим именно о них — полоцких княжнах Гордиславе и Звениславе, просиявших рядом с яркой звездой ПредславыЕвфросинии.

Гордислава была младшей сестрой Евфросинии. Именно на нее пал выбор святой, когда нужно было искать помощников. Для начала она обратилась к отцу с просьбой отпустить к ней в монастырь сестру Гордиславу, чтобы та научилась грамоте.

Из этого делают вывод, что сестры получили не вполне одинаковое воспитание. Евфросиния, как известно, приняв монашество, уединилась в кельеголубце Софийского собора, чтобы изучать и собственноручно переписывать книги, то есть по меркам эпохи принадлежала к ученой элите. К ней отовсюду приезжали побеседовать на богословские темы — ее знания и поступок изумляли еще почти языческий мир. Гордислава, по всей видимости, не была такой ученой, как сестра. Нет сомнения, что ей прочили обычную судьбу — выйти замуж, обеспечив династические связи и продолжение княжеского рода. Была бы она счастливее, сложись все так? Но Гордислава приехала в монастырь к старшей сестре и вскоре уже была монашкой с христианским именем Евдокия. Имя сестре Евфросиния дала сама. Пострижение состоялось тайно. Иногда можно встретить утверждение, что оно было насильным,— но вряд ли этому можно верить. Евфросиния была для младшей сестры примером — разумеется, повлияла на нее, убедила...

Как отреагировали родители? Поступок старшей дочери, убежавшей из дому в обитель, опечалил их несказанно. А теперь и младшая ушла из мира. Летопись сохранила их горестные слова: «Для того ли мы родили вас, чтобы вы в этих черных ризах водворились в монастыре и лишили нас тех утех, которых мы ждали от вас?»

Говорят, блаженная Евфросиния имела такой дар духовный, что «на кого взирала очами своими, тотчас узнавала, есть ли в нем дух добродетели и может ли он быть сосудом, избранным для Господа». Пример с Евдокией это подтверждает. Младшая сестра стала лучшей ученицей просветительницы, потом — ее помощницей. В монастыре на Евдокии лежали хозяйственные дела. Когда Евфросиния Полоцкая уехала в свое последнее паломничество в Иерусалим, именно на Евдокию она оставила оба монастыря — и женский, и мужской. Ученые предполагают, что Евдокия вела переписку с Кириллом Туровским.

Звенислава была двоюродной сестрой Евфросинии, дочерью князя Бориса, старшего брата князя Святослава. Ее династический долг был еще выше: дочь правителя Полоцкого княжества! А Полоцк был городом могучим, стоял на перекрестье торговых путей. То, что в нем появился храм Святой Софии,— знак величия: такие храмы строились в центрах христианской культуры — Киеве, Константинополе. Звениславу ждал брак с очень знатным человеком. Но было время междоусобных войн. Отец Звениславы умер. Киевский князь захватил Полоцк и сослал всю семью Бориса в Византию. Есть версия, что Звенислава предпочла ссылке и неопределенной девичьей судьбе

постриг, несомненно, под влиянием Евфросинии. Приданое отдала монастырю, сказав: «Вся красота этого мира мне не нужна». Иногда с именем Звениславы связывают старинную полоцкую легенду о красавице, полюбившей своего брата и ушедшей от греха подальше в монастырь... Но это не более чем домыслы.

Евфросиния выбрала для двоюродной сестры, ставшей монашкой, имя Евпраксия и тоже занялась ее духовным воспитанием. Насколько святая игуменья обладала властью над людьми, показывает факт: когда к ней приехал погостить брат Вячеслав с семьей, Евфросиния просто объявила, что двух племянниц, Киринию и Ольгу, оставляет в монастыре. Родители горько плакали, но не посмели перечить, и их дочери спустя какоето время стали монашками.

Хотя Евдокия оказалась рядом с Евфросинией на духовной стезе раньше, историки сходятся на том, что именно Евпраксия стала самой близкой ее соратницей. И были они «как одна душа в двух телах». Евпраксия руководила переписыванием книг, а дело это было сложное, ремесло редкое и очень доходное: книги стоили не дешевле золотабриллиантов. Вела занятия в основанной Евфросинией школе для девочек. Сама Евфросиния занималась налаживанием связей между Полоцким княжеством и Византией, строительством церквей и монастырей...

Как видим, уход в монастырь не стал для княжон заточением. Наоборот — неизвестно, смогли бы столь важную роль в истории своего народа сыграть Евфросиния и ее сестры, оставаясь в миру?

Евпраксия сопровождала старшую сестру во время паломничества в Иерусалим к Гробу Господню... Присутствовала при ее смерти... Именно ее перу, как считают ученые, принадлежит знаменитое «Житие Евфросинии Полоцкой». Радзивилловская летопись даже говорит, когда и где умерла сестра Евпраксия, в миру Звенислава: 1202 год, село Кидекла на Нерли. Ее похоронили на родине, в Бельчицком Борисоглебском монастыре.

Три звезды духовного созвездия... Сохранились сведения о том, что они были красивы не только духовно. Род полоцких княжон вообще славился красотой: вспомнить хотя бы Рогнеду, изза которой совершил столько кровавых деяний князь Владимир...

Както я вычитала в книге русского писателяисторика Берестова интересный случай... Экспедиция поехала в русскую глубинку. Ученым предложили поселиться в избе, где была очень добрая и скромная хозяйка. Правда, лицом страшная... Как только замуж взяли? Пошел парень из экспедиции в избу. Поворачивается к нему хозяйка, вся в стареньком, неброском... А лицо — глаз не оторвать.

Большие глаза, высокий лоб, точеный нос, маленькие изящные губы... Не лицо — лик... Гость — комплименты говорить, красавица — в плач... Оказывается, в этой деревне почитался совсем другой тип красоты: круглое румяное лицо, курносый нос, кудри... И никто не мог понять, почему самый красивый парень деревни выбрал себе «уродину» да еще любовался ею, сам не зная, почему...

Каноны красоты меняются со временем, становятся смешными или непонятными потомкам. Но некие критерии все же есть, и мы их придерживаемся, сами того не осознавая...

Вспомните полоцкие фрески, предполагаемый портрет Евфросинии: изящный овал лица, огромные глаза... Внутренний свет и благородство... Именно так выглядели княжны земли нашей. Их красота — от вечного, а не от фотошопа. От молитвы, а не из косметического салона. Красота людей, которые предпочли «славе мира сего» духовное служение. Вспоминая просветительницу и небесную покровительницу нашей земли святую Евфросинию, не забудем же и ее сестер, земных и небесных, Евдокию и Евпраксию.

СКАЗ О ПОСЛЕ СОЛТАНЕ.
АЛЕКСАНДР СОЛТАН
(первая пол. XV в.–
конец XV в.)

Зачастую историю Беларуси мы представляем как нечто локальное, местечковое... Забывая, что она часть истории европейской... И среди белорусов были свои «граждане мира», странники и путешественники, причастные к событиям, знакомым нам по пьесам Шекспира, романам Вальтера Скотта, Александра Дюма и Мориса Дрюона...

Таким был Александр Солтан. «Зацепилась» я за это имя, прочитав в одном историческом документе, что гдето в середине XV века некий Александр Солтан с Брестчины, подскарбий Великого Княжества Литовского, в Иерусалиме был посвящен в рыцари таинственного Ордена Святого Гроба Господня, подобно Ричарду Львиное Сердце и Леонардо да Винчи... Потом выяснилось, что этот же Солтан получил из рук герцога бургундского Карла Смелого орден Золотого руна... Стало еще интереснее.

Постепенно накапливались факты, гипотезы и... смысловые туманности. О них я вам и расскажу, не претендуя на научность и не углубляясь в политическую и религиозную подоплеку.

Начнем с того, что упомянутого Александра Солтана часто путают с его отцом, Александром Юрьевичем СолтаномПересвитом или Пересветом, который считается основателем рода. В 1443—1454 годах он занимал должность подскарбия земского при дворе короля Казимира IV Ягеллончика, то есть фактически был министром финансов. Еще один известный Александр Солтан вошел в историю в связи с обретением иконы Жировичской Божией Матери — именно в его владениях пастушки обнаружили на груше странный светящийся камень — и основанием монастыря, в котором до сих пор с почетом пребывает чудодейственная икона. Кем он приходится нашему герою или это он же и есть? Прочитала о копии старого «сарматского» портрета, сделанной в 1913 году художником Вацлавом Вейко. Картина хранилась в Жировичском монастыре в келье архиепископа Ермогена, на ней была надпись: «Александр Солтан, кавалер Гробу Господнего и Золотого руна, подскарбий ВКЛ, при котором Икона Чудотворная Девы Марии явилась в Жировицах лета Господня 1470». Но автор найденной мной статьи уверяет, что надпись перепутана: титул взят от деда, Александра Александровича, на картине —

тезкавнук, при котором и произошло явление иконы, причем гораздо позже указанной даты. Во всяком случае известно, что Жировичи были пожалованы Солтанам в 1493м, а до этого принадлежали шляхетскому роду Гойцевичей. Да и в 1470 году Александр Солтандед был весьма далеко от Жировичей...

На польском троне — Казимир Ягеллончик. Православные шляхтичи Великого Княжества Литовского, желая защитить свои права, обращаются с жалобами даже к Папе Римскому... Некоторым кажется, что религиозные разногласия можно преодолеть с помощью переговоров и разумных компромиссов. 20 апреля 1467 года в Гродно представитель рода православных магнатов Александр Солтан получает от Казимира Ягеллончика рекомендательное письмо к европейским монархам и отправляется в путешествие. Конечная цель его благородна и священна — паломничество к Гробу Господню. Впрочем, дипломатическими заданиями король Солтана также нагрузил...

Только в декабре, то есть спустя восемь месяцев после получения королевского письма, Александр оказывается при дворе австрийского императора Фридриха III. Изза постоянных войн, в том числе с родственниками — претендентами на корону, Фридрих постоянно переезжал из города в город. Его королевский двор располагался то в Граце, то в Линце, то в ВинерНойштадте. Не знаю, где точно произошла аудиенция, но Солтан представился императору, засвидетельствовав, что мечтает посетить как можно больше стран и научиться рыцарскому ремеслу.

Далее Солтан попадает в Италию, ко двору короля Сицилии и Неаполя Фердинанда Арагонского. Фердинанд стал королем Неаполя по завещанию своего отца, но сыном он был незаконным. Ему пришлось отстаивать право на трон с оружием в руках. В то время, когда как к его двору прибыл Александр Солтан, король уже упрочил свое положение, не без помощи Папы. Возможно, именно Фердинанд и помогает Солтану добиться аудиенции Павла II, который принял православного литвина очень благосклонно. Более того — есть сведения, что Павел II лично причастил литвина, не потребовав от него перехода в католичество. После этого визита Александр смог осуществить свою заветную мечту — отправиться в Святую Землю, в Иерусалим. Там и происходит его посвящение в рыцари Гроба Господня... Вот тут опять место мифам и домыслам. Например, российский исследователь Александр Трубников утверждает, что в то время, когда Палестину посещал Солтан, этот орден как бы не существовал, просто в период между 1312м и 1496м давался

неформальный светский титул «рыцаря Святого Гроба», а посвящение проводилось под патронатом францисканцев.

Вернувшись из Палестины, новоиспеченный рыцарь отправился к князю Милана, Марии Сфорца Галарео. Это было в декабре 1468 года. А в марте Солтан выехал в Португалию, к королю Альфонсу. Португалия в то время была могучей империей, благодаря флоту, открытию новых земель... За десять лет до визита Солтана Альфонс даже отозвался на призыв Папы Каллиста организовать очередной крестовый поход для освобождения Константинополя. Собрал войско в 12 тысяч человек... Но Папа умер, и войско было отправлено на юг, завоевывать Северную Африку. Так что Солтан мог увидеть при португальском дворе многие диковины, привезенные из дальних странствий. Португальский король Солтана принял хорошо. Александр получил очередные рекомендательные письма и... отправился в Бургундию.

Бургундией правил герцог Карл Смелый, соперничавший с французским королем Людовиком XII, желавшим стать его сюзереном. Солтан попал к Карлу в удачный период — тот только что расправился с Людовиком, который даже вынужден был присутствовать с бургундской эмблемой на шляпе при казни своих соратников. Через пару лет король возьмет реванш, но покамест Карл праздновал победу. Солтан застал герцога в городе Картрей. Белорусский рыцарь пришелся ему по душе. Наверное, Солтан достаточно хорошо разобрался в тайнах бургундского двора, потому что Карл назначил его своим почетным советником и наградил орденом Золотого руна, которым могут похвастаться даже не все монархи.

Наверное, Александр мог сделать неплохую карьеру при дворе, где ценились рыцарские добродетели... Но он взял у Карла Смелого рекомендательное письмо к английскому королю Эдуарду IV и вновь отправился в дорогу.

И попал в разгар сражений. Война двух родов, Плантагенетов и Йорков, за английский престол вошла в историю под названием «Война Алой и Белой розы». Эдуард IV был из рода Плантагенетов, потомок Ричарда Львиное Сердце. Как раз в 1470 году, приблизительно в то время, когда там мог быть Александр Солтан, престол временно перешел Генриху IV Йорку. Неизвестно, принимал ли участие Солтан в столь бурных исторических событиях, но вероятно, он все же повоевал на стороне Плантагенетов. Потому что Эдуард наградил его золотой цепью, а это был знак пэрства. Так что наш земляк стал еще и английским пэром.

Завершил свой впечатляющий круиз Солтан не ранее 1476 года. На родине его встретили поразному. Например, католики в Вильно отнеслись с явным недоверием к вести о том, что Папа взял его под свое покровительство без повторного крещения, и потребовали письменного свидетельства, которого рыцарь Гроба Господня не имел. Солтана даже обругали с амвона собакой. Нужно заметить, что и Александр, и его потомки во всех документах значатся как православные. Именно к нашему герою некоторые историки относят слова из письма супрасльского архимандрита Сергия к киевскому митрополиту Макарию II: «А пан Солтан — благочестивый и мудрый пан, который же света того не малую часть обышол, хотячи положение его светское и духовное видети, и, по апостолу, лучшое от хужьшого разделяя и в себе то, яко губа воду, взимая. И бы был его милость бачил в нем што несправного и церкви святой негодного, знать бы его з оных стран не вынесл». Дипломатические свои задачи Александр, похоже, выполнил удачно. Согласно актам 1480—1483 годов, он был маршалком Великого Княжества, наместником слонимским, затем новоградским, маршалком и наместником бельским. Под письмом православных магнатов ВКЛ к Папе Сиксту IV от 14 сентября 1476 года под номером 16 (после князя Бельского, князя Алельковича, печерского архимандрита) значится его имя со всеми регалиями. Ясно, что Солтан был человеком неординарным и образованным. Он основал в своем имении Шишкини под Вильно скрипторий — там переписывались книги богослужебного содержания, святоотческие труды. Скрипторий действовал и после смерти основателя — так было положено начало будущей библиотеке Солтанов.

Имел Александр двоих сыновей, они, как и отец, продолжали государственную службу. Казимир Ягеллончик умер в 1492 году. А в 1493 году великий князь Александр пожаловал Солтанам имение Старые Жировичи. Сюда была перевезена библиотека, которую позже хозяева подарили Жировичскому монастырю, здесь и была принесена одному из Солтанов (которому — уточнят историки) чудотворная икона.

ОБЛИЧЬЯ
КНЯЗЯ ГЛИНСКОГО.
МИХАИЛ ГЛИНСКИЙ
(1470–1534)

Судьбы тихих благополучных людей редко остаются в истории. Подробнее всего описаны самые извилистые, изломанные судьбы. Пример — наш земляк Михаил Глинский.

1508 год. Слуцким княжеством управляет княгиня Анастасия, оставшаяся вдовой. Она уже прославилась тем, что самолично возглавила оборону своего города, одевшись в латы... Историк Матей Стрыйковский пустил в оборот версию, что Глинский решает посвататься к красавице. Якобы он, князь, вдовец тридцати восьми лет, проезжая через Слуцк, решил завладеть столь желанными трофеями: сердцем, рукой и богатыми владениями княгини Анастасии. Это ничего, что король Жигимонт жаждет крови изменника Глинского и его войска готовы вступить в битву с княжескими вассалами. Михаила воспитывали, как принца, он убежден, что сам может стать королем. А если удастся завладеть Слуцкой крепостью, сможет и с Жигимонтом Старым повоевать.

Посватался... Но Анастасия отказала. Михаил разгневался и попытался заполучить гордую красавицу силой. Дважды его войска ходили на штурм Слуцкой крепости. Но стены, устоявшие перед татарской ордой, не дрогнули и теперь... В летописи осталось только: «Глинский некто в Литве много зла починил... Он Слуцка хоте взяти под Анастасиею княгинею Симеоновою, но не може, только волость ея якоже Татаре поплени и Копыль, и Туров доста и Мозыр».

Не все историки верят Стрыйковскому. Из переписки Глинского с Василием III следует, что Слуцк осаждал не Михаил Глинский, а его двоюродный брат князь Андрей Дрождж.

Но если бы сватовство состоялось, могла ли Анастасия отказать Глинскому? В одном из романов наш герой описывается так: «Князь Михаил был огромен, вопреки обычаю, никогда не брил головы, и волосья густыми прядями свешивались на его плечи. К тому же он слыл таким сквернословом и задирой, что его, как чуму, за многие версты обходили ближние бояре». Конечно, такому человеку, хотя он был потомком золотоордынских ханов по мужской линии и Рюриковичей по женской, вручать судьбу свою тревожно. Но было время, когда Глинский считался одним из самых завидных и куртуазных кавалеров Европы...

Отец Михаила, князь Лев Глинский, участвовал в заговоре 1481 года против короля Казимира и послал сына подальше от греха — за границу, учиться. Михаил Львович путешествовал по Западной Европе 12 лет. Он выучил все основные европейские языки. Освоил военное дело на службе в войсках императора Священной Римской империи Максимилиана I Габсбурга. Более того, стал личным другом Максимилиана, как, впрочем, и многих других венценосных особ Европы. Затем поступил на военную службу к еще одному своему другу — саксонскому курфюрсту Альбрехту, участвовал в войне во Фрисландии, прошел все ступени воинской службы, получил орден Золотого руна. Как писал в мемуарах немецкий посол Сигизмунд Герберштейн, он «усвоил изящные манеры и рыцарские обычаи, был проворен в воинских упражнениях: скачках, фехтовании, борьбе, прыжках, а также в развлечениях вроде танцев и всевозможной куртуазии, чем снискал себе особую, более прочих, известность». Но это была только одна сторона его натуры. Михаил был наделен острым умом. Он окончил медицинский факультет Болонского университета и фактически стал первым в нашей истории дипломированным врачом. В Риме увлекся живописью, перерисовал немало юных натурщиц. Поучился также на факультете богословия, занимался астрономией...

Италия эпохи Возрождения — только представьте эту среду! Михаил даже принял тайно католическую веру. И это не помешало ему соблазнить герцогиню Анну, племянницу самого Папы. Неизвестно, как бы дальше сложилась судьба Михаила, если бы не очередная кабацкая драка: он ударил кружкой по голове незнакомого юношу, а тот оказался племянником декана... Рука у Глинского мощная... Пришлось переодеваться простым матросом и удирать на корабле.

Полгода Глинский плавал, превращаясь в морского волка. Управлялся со снастями, буянил в портовых кабаках, учился сквернословить поматросски... Затем заскучал, сошел в Любеке на берег и послал письмо отцу, умоляя обеспечить деньгами. Родитель ответил суровой отповедью, но денег прислал. Михаил, задетый словами о своей бесполезности, взялся за ум и попытал счастья как купец... В вольном городе Гамбурге он стал торговать недвижимостью и вскоре отправил отцу золотую статуэтку Афродиты как доказательство своей оборотистости. Но и эта карьера прискучила. Михаил перебрался в Испанию. Здесь он попал ко двору испанского короля, которого настолько очаровал, что тот решил женить Михаила на своей племяннице. Но Глинский остепеняться не хотел, да и помнил строгий наказ отца: брать невесту только из родных краев!

Нечего привязываться к чужбине... Тут собственных земель — полкняжества!

И вот такой всесторонне образованный, талантливый, авантюрного склада человек возвратился на родину... Женился на дальней родственнице великого князя литовского Александра. Александр Ягеллон тоже был очарован Михаилом. И, будучи избран на польский трон, забрал друга и советчика с собой, сделав маршалком дворным, командиром придворной гвардии и руководителем виленского монетного двора. Фактически Михаил правил всем Великим Княжеством Литовским... Естественно, магнаты разделились: одни поддерживали Глинского, другие, в том числе Радзивиллы, пытались ограничить его влияние на короля. В 1506 году произошло событие, навсегда вписавшее имя Михаила Глинского в историю. Тридцатитысячное войско крымских татар перешло границы ВКЛ и двинулось в глубь страны. Войско княжества возглавил Михаил Глинский. Перед лицом общего врага распри были забыты, рядом с Глинским встали даже его извечные враги и соперники Радзивиллы... Битва состоялась на реке Лань, у Красного Става неподалеку от Клецка. У маршалка было десятитысячное войско. У князя БитиГирея — в три раза большее. Но ВКЛ одержало убедительную победу. Во многом это случилось благодаря воинскому таланту и бесстрашию Глинского. Было освобождено 40 тысяч человек, которых татары захватили в плен, чтобы продать в турецкое рабство. А взятые в плен татары поселились в Беларуси, часть из них — в Минске, где образовался целый район — Татарский конец.

Михаил успел сообщить о победе умирающему другукоролю... Александр умер бездетным. Началась борьба за престол. Одним из претендентов стал Глинский, в его партии в основном были православные дворяне ВКЛ. Партию противников возглавляли канцлер Ян Лаский и гродненский староста Ян Забрезинский. Был пущен слух, что Глинский отравил короля с помощью доктора Балинского. Когда по приказу канцлера лекаря арестовали, Глинский помог тому бежать в Краков, тем самым вызвав еще большие подозрения... На трон взошел младший брат Александра, Жигимонт I Ваза. В Вильно Жигимонт ехал с железной клеткой, в которую по наущению приближенных собирался посадить Михаила Глинского. Но тот, опытный царедворец, встретил короля почтительно, протягивая скипетр... Жигимонт пообещал Глинскому оставить звания и владения. Но любви между новым монархом и фаворитом старого не возникло. Король отобрал у брата Глинского Ивана Киевское воеводство. Давний враг Михаила Забрезинский постоянно клеветал

на него при попустительстве короля. Тогда Глинский ворвался в имение Забрезинского и учинил свой суд: отсек врагу голову, насадил на пику и долго возил с собой. А вскоре поднял мятеж против Жигимонта, мечтая при поддержке московского князя создать свое государство. Глинский использовал европейские связи, установил дипломатические отношения с крымским ханом и молдавским господарем... Рядом были братья: Иван, воевода киевский, и Василий, воевода брестский. Союзник — московский князь Василий III — прислал войска под Вильно. Началась междоусобица... Казалось, победа в руках мятежников. Но на самом деле союзники не желали создания еще одного независимого государства в Европе, роль Глинскому была отведена не самая почетная — ослабить внутренним мятежом сильного противника. Войска Михаила были разбиты, московский князь заключил с Жигимонтом мирное соглашение, оговорив возможность Глинскому с семьей перебраться в Москву.

Глинский, надеявшийся с помощью Василия III удовлетворить свои амбиции, сильно просчитался. Московский князь не спешил допускать к власти перебежчика, хотя использовал его воинский талант. Когда Михаил отвоевал у бывшего сюзерена Смоленск, Василий не разрешил ему присоединить этот город к своим владениям, как вначале обещал: и так, мол, земель у князя довольно. Тогда Михаил вновь переметнулся к Жигимонту, но был перехвачен по дороге. Глинский успел высказать московскому князю в лицо все, что думает о его скупости, был закован в цепи и брошен в яму. Измученный Глинский в сопровождении стражи должен был время от времени ходить по улицам Смоленска, который мог стать частью его вотчины, и собирать в медный стакан монеты на свое содержание. Вступился давний друг Максимилиан, император Священной Римской империи. Трижды он направлял послов к князю Василию с просьбой отпустить к нему славного воина. Глинскому смягчили режим... Но под арестом ему было суждено пробыть тринадцать лет.

Неудивительно, что Глинский и его семейство казались жителям Московского княжества какимито экзотическими существами. В Московии был «исконный» уклад с теремами и кокошниками, а дворяне Великого Княжества Литовского привыкли к балам, театральным представлениям и светским беседам. К Глинскому приехала на жительство вдова его брата Василия с дочерью Еленой. Говорят, Глинский, тогда уже женатый, положил глаз на красивую племянницу, и та ответила взаимностью... В общем, вольность нравов этого дома шокировала благоверных московитян.

Красавица Елена была девушкой утонченной и образованной. Ее отец писал пьесы для домашнего театра, сам же в них и играл... А тут как раз московский князь стал подыскивать новую жену: старую отправил в монастырь, потому как не могла родить ему наследника. Василий увидел прекрасную Елену Глинскую... И вскоре посватался к ней. Многие бояре, рассчитывавшие сами породниться с великим князем, были в ярости... А Михаил, естественно, счастлив: теперь у него появился реальный шанс вернуть себе свободу и власть! Поначалу так и сбылось. Племянница выпросила для дяди помилование. А когда вскорости князь Василий умер, оставив Елену Глинскую с малолетним сыном, будущим царем Иваном Грозным, на руках, всем стало понятно, кто будет править — властолюбивый опекун наследника, дядя царицы. Кстати, и на этот раз пустили слух, что именно Глинский отравил Василия. Но вышла промашка: у Елены появился фаворит, боярин ОвчинаТелепневОболенский. В борьбе за власть между дядей и возлюбленным Елена отдала предпочтение последнему... Михаил вновь оказался в тюрьме. Никакой пощады не предвиделось. Глинского ослепили, и через несколько месяцев он умер. Так завершилось это увлекательное и трагичное представление на подмостках истории.

ПАНИ ЯДВИГА И ЕЕ ДОЧЕРИ.
ЯДВИГА ХРЕПТОВИЧ
(конец XV в. –
середина XVI в.)

Историю, которую я хочу вам рассказать, начнем со знакомства с персонажем, который при самих событиях уже не присутствовал.

Иван Литовор Хрептович был и рыцарем могучим, и магнатом властным и знаменитым. Особенно когда в 1492 году после смерти Казимира Ягайловича великим князем литовским стал Александр Казимирович. И сам молодой князь приблизил к себе Литовора Хрептовича, и шляхта однозначно признавала его авторитет, так что он стал маршалком княжества, фактически первой особой в государстве после великого князя. А еще — наместником слонимским и новогородским, то есть представителем великого князя в этих городах, владельцем многочисленных имений. В личной жизни тоже все складывалось хорошо: Иван женился на Ядвиге из рода Гольшанских, девушке красивой и с характером. Родилась дочь Анна...

...Однако время было самое что ни на есть кровавое. Бесконечные войны, в которых, разумеется, не могли не участвовать рыцари... 14 июля 1500 года Иван Литовор Хрептович принял участие в роковой битве на реке Ведроше под Смоленском, когда войском ВКЛ руководил еще молодой гетман Константин Острожский. Как пишут хронисты: «Было масквы 40 000 конных, апроч пешых, а літвы чатыры з паловай тысячы... і сышліся абодва палкі ў бітве, і біліся да шасці гадзін абодва палкі...» По словам историка Геннадия Сагановича, «маскоўскія ваяводы сціскалі стомленае доўгім маршам, зусім малалікае войска Астрожскага ды накідалі яму сваю тактыку бою. Нарэшце ўдар іх засаднага палка, які абышоў пабаявішча лесам ды каршуном наляцеў збоку, канчаткова вырашыў зыход няроўнага міжбою. Рэшткі гетманавых людзей кінуліся ўцякаць, аднак мала хто ўратаваўся. Пераможцы разбурылі мост праз раку Трасну ў тыле зможаных ды бязлітасна секлі іх, тапталі, тапілі — «зза трупаў конь не скакаў...».

В этой битве были взяты в плен многие шляхтичи. В том числе Иван Хрептович и Григорий Остик. Григорий Станиславович Остик в государстве тоже был человеком отнюдь не последним, а одним из первых: Остики и Радзивиллы — из одного корня. Московский плен

длился 9 долгих лет. За это время магнаты, видимо, сблизились — понятно, что совместно переживаемое несчастье сближает. Именно там, похоже, и договорились породниться — дочь Хрептовича Анна и сын Григория Остика Юрий как раз подходили друг другу по возрасту...

Настало перемирие. Знатных пленников выкупили, обменяли на московитов... Великим князем литовским в это время был Жигимонт Старый. Он благоволил и к Хрептовичу, и к Остикам. Так что Анне и Юрию предстояло, судя по всему, стать счастливой семейной парой.

И сюжета не получилось бы, если бы не трагическое событие — в 1513 году Иван Хрептович внезапно умирает. Его дочери Софье, родившейся уже после возвращения Хрептовича из Москвы, всего полтора года. Анна же по понятиям времени невеста вполне созревшая. И тут на сцене начинает активно действовать еще один персонаж. А именно — вдова Хрептовича пани Ядвига Гольшанская, мать Анны и Софьи, дочь князя Александра Юрьевича Гольшанского и Софьи Судимонтовичевны. По отзывам современников, это дама с крутым характером и авантюрной жилкой. И Юрий Остик в качестве зятя ей почемуто совсем не нравится. Более того, Ядвига нашла дочери другого супруга — своего старинного приятеля, подкоморого ВКЛ Андрея Довойну. Хотя по возрасту Довойна подходит в мужья пани Ядвиге куда более, чем ее юной дочери.

Анна, однако, проявляет характер и категорически отказывается от пожилого жениха: она любит Юрия Остика и даже тайно с ним венчается. Но мать отказывается признавать брак дочери — держит ее при себе, а Довойна готовится к свадьбе. И что вы думаете? Свадьба состоялась. Несмотря на сопротивление невесты и на то, что она в общемто уже была обвенчана. Ее силой венчают еще раз. Что ж — в подобных случаях обращали внимание не столько на чувства и приличия, сколько на материальные соображения. После смерти отца Анна стала богатой наследницей, например, ей принадлежал город Свержень с окрестностями. Мать же была опекуншей и могла распоряжаться имуществом дочери только до ее замужества.

Но и Юрий Остик тоже не собирается отказываться от законной жены. Можно представить, как юноша возмущен: он готов на любые, самые отчаянные поступки... Но его отец, трокский воевода Григорий Остик, уверен, что легко решит проблему законным путем. Ведь он имеет большое влияние на короля, который к тому же ему должен внушительную сумму — 2 тысячи коп грошей. Жигимонт принимает сторону приятеля, и к строптивой вдове отправляется королевская делегация — подскарбий Абрам Юзефович и князь Василий

Шахович,— дабы уладить дело о браке Анны с Остиком. Но пани Ядвига даже не пожелала принять послов.

Великий князь рассердился и отправил в дом Мнишеков, где в то время пребывали Ядвига Гольшанская с дочерью, новое посольство. На этот раз в него входит и Юрий Остик. Но Ядвига отказалась выслушать и эту делегацию.

В это время в доме находился старый Довойна с братом и свитой... Видимо, нелюбимый жених решил устранить проблему в духе леди Макбет. Когда незваные гости находились в сенях, произошло нападение... Сеча разгорелась нешуточная, кровавая. Неизвестно, чем бы кончилось, если бы Анне не удалось пробраться на шум битвы. Вся в слезах, девушка бросилась к молодому мужу, умоляя забрать ее с собой. И королевские посланники триумфально удалились с драгоценной добычей.

Не стоит удивляться дерзости вдовы, осмелившейся выступить против короля. Шляхетская вольница на наших землях была просто легендарной. «Шляхціц на загродзе роўны ваяводзе»,— говорили предки. История того времени — это и история склок между правителями и магнатскими группировками. Вскоре в суд поступают сразу три жалобы на Юрия Остика. Ядвига Хрептович обвиняет его в похищении дочери, мать Андрея Довойны — «невестки». А Мнишеки, в доме которых происходила битва, в нанесении их имению ущерба.

Григорий Остик поступает мудро: он добивается, чтобы судом руководил сам король, он же великий князь литовский. На суд была вызвана Анна Хрептович. Девушка высказалась твердо: она хочет остаться со своим законным мужем Юрием Остиком, которого любит, и не желает возвращаться ни к матери, ни к старому Довойне.

И король с полным правом и, несомненно, с внутренним удовлетворением утвердил брак Анны Хрептович и Юрия Остика.

А имущественные споры о приданом невесты тянулись еще долго. В них пару лет спустя тоже вмешался король, определив, что пани Ядвиге достаются во владение местечки Городок и Высокое, а остальное должно быть разделено между Анной и Софьей.

Впрочем, наверное, Анна была слишком занята своим личным счастьем, чтобы думать о юридических тонкостях. Впоследствии она завещала свою часть наследства сыну Николаю.

Проигранное дело на характер вдовы не повлияло. При ней оставалась еще одна дочь, Софья, которой на момент вышеописанных страстей было всего 4 года. Подросла и она. И в 10 лет была отдана замуж. Случилось это событие 22 июня 1523 года. Новым зятем Ядвиги Гольшанской стал Ян Аборский из Мазовии. Видимо, по

причине малолетства невесты она пока осталась жить с матерью. Дальнейшее можно было предположить. Взбалмошная дама резко разлюбила и этого зятя и попыталась от него избавиться. Похоже, ему тоже пришлось прибегнуть к силе, потому что в 1525 году в суд поступает очередная жалоба от Ядвиги Хрептович на кражу дочери. На этот раз — Софьи, увезенной в общемто законным мужем. Ядвига требует отменить брак Софьи и Аборского.

В дело снова вмешивается король. На время рассмотрения дела он приказывает Аборскому передать несовершеннолетнюю жену под опеку архиепископа Гнезненского Яна Лаского. Неизвестно, как на самом деле относилась к происходящему сама девочка, но ее муж смог представить суду достаточно свидетелей того, что она шла к алтарю добровольно и что венчание состоялось по всем правилам. Архиепископ утвердил брак и вернул Софью мужу.

Вновь пани Ядвига проиграла... И вторая дочь ее покинула.

Но вряд ли дама пала духом. Поскольку не забыла и о собственной личной жизни. В 1525 году, как раз в то время, когда пыталась разрушить брак Софьи и Аборского, она хлопотала перед королем о должности войта в местечках Высокое и Городок для... своего сына Казимира. То есть вдова успела повторно выйти замуж и родить. Сколько на то время было лет Казимиру, не знаю, поскольку должность княжескому сыну могла быть предоставлена и в младенческом возрасте.

Сказать по правде, у меня впечатление, что в этой истории есть еще масса драматических подробностей. Возможно, гдето они и зафиксированы...

Только представьте, сколько подобных сюжетов в семейных хрониках белорусских родов! Сериалов снимать не переснимать...

КРОВАВАЯ СВАДЬБА АННЫ.
АННА КОБРИНСКАЯ
(?–1518(19))

Даже в жизни обычных людей свадьба — событие отнюдь не рядовое... А что говорить, если сочетаются браком представители сильных мира сего?

Но часто браки между отпрысками знати становились не счастливым завершением любовного романа, а политическим событием, и о любви там речь шла в последнюю очередь. Случалось, что этот праздник использовали и вовсе неподобающим образом, безжалостно ломая судьбы не только молодым супругам...

Человечество знает немало кровавых свадеб, и не только из пьесы Федерико Гарсиа Лорки или из фильма «Крестный отец», случалось такое и в реальности. Знаменитая Варфоломеевская ночь состоялась через несколько дней после бракосочетания Генриха Наваррского с Маргаритой Валуа. В Париж на свадьбу приехало много именитых протестантов, считавших своим вождем Генриха,— их ждала резня... Есть версия, что изначально свадьба Генриха и Маргариты должна была стать ловушкой для гугенотов. Так или нет — не знаю, но событие с тех пор называют «парижской кровавой свадьбой». А во время бракосочетания испанского короля Альфонса XII с внучкой английской королевы Виктории произошло покушение на самих новобрачных. Да сколько история помнит такого!

Были кровавые свадьбы и в белорусской истории. Конечно, через века, по скупым словам хроник и летописей невозможно совершенно точно восстановить, что думали и чувствовали участники событий, разделить их на однозначно правых и виноватых... И все же есть судьбы, которые вызывают сочувствие и спустя столетия.

Хотя школьникам не рассказывают на уроках истории о княгине Анне Кобринской — несчастной девочке, ставшей жертвой политических игр,— ей посвятила поэму «Кон» поэтесса Зинаида Дудюк, о ней писали известные историки Микола Богодяж и Ирина Масленицына...

А случилось это в смутное время, когда после смерти Ягайло и Витовта ожесточилась борьба между разными группировками шляхты. Основная борьба была между Свидригайло, братом Ягайло, и братом князя Витовта Жигимонтом Кейстутовичем. В конце концов на трон взошел сын Ягайло и Софьи Гольшанской Ян Казимир Ягеллончик. Но наследство досталось ему сложное, далеко не все в

Великом Княжестве Литовском поддерживали молодого короля. На Казимира несколько раз устраивали покушения...

Пока царствовал старший брат, Казимир получил в Вильно титул великого князя литовского, как говорят летописцы, упоивши предварительно шляхту. Таким образом была устранена угроза раздела земель между разными группировками. Но вместе с тем шляхта великого княжества получила и повод для опасений. Магнаты были недовольны тем, что ущемляются права православных, надвигается уния, а Польша все больше контролирует земли княжества...

В группировке, враждебной Казимиру, состояли многие православные магнаты. В том числе князья Кобринские из рода Гедимина. Ничего удивительного, что юную Анну Кобринскую просватали за представителя той же политической партии Федора Бельского, тоже Гедиминовича.

Свадьбу Анны и Федора назначили на 15 апреля 1481 года. На ней должен было присутствовать король Казимир.

То, что столь важное событие в своей жизни Федор Бельский согласился использовать как ловушку для короля, можно, конечно, осуждать... Но, как вы уже поняли, это не было какимто исключением во времена кровавой борьбы за власть. Не может это свидетельствовать и о пренебрежении к невесте. Современники в голос утверждают, что между молодыми возникла искренняя симпатия. Просто политика не терпит сантиментов.

А ловушка была продумана идеально. Предусматривалось два варианта убийства: один — в замке, другой — на охоте. Происшествие на охоте так легко было выдать за несчастный случай...

В заговоре участвовали, кроме Федора Бельского, брат Анны Кобринской Иван, Михаил Алелькович, Иван Гольшанский — сильные магнаты, поставившие на кон в эту свадебную ночь все, что имели, вплоть до жизни.

Молодых обвенчали. Анна, разумеется, была счастлива... Девочку вряд ли посвящали в опасные дела. Но женой ей удалось побыть всего один день: заговор раскрыли. Вроде бы магнатов изобличил королевский слуга, случайно подслушавший подозрительный разговор... И утром новобрачному пришлось удирать из своего дворца, оставив юную жену. За его спиной кипела ожесточенная битва, лилась кровь. Никому, кроме Федора, уйти от гнева властителя не удалось.

Владимир Короткевич использовал эпизод с покушением на Казимира в своем романе «Чорны замак Альшанскі» — волей автора

предателем заговорщиков там становился зловещий князь Ольшанский. Однако, хотя среди мятежников был Иван Гольшанский, не нужно отождествлять его с персонажем Короткевича Петром Ольшанским. Как говаривал Дюмаотец, история — это гвоздь, на который писатель вешает свой роман... Послушаем же диалог героев Короткевича:

«— Гэта год змовы Міхайлы Алелькавіча, князя Слуцкага і яго стрыечніка Хвёдара Бельскага.

—Правільна. І іншых, сярод якіх Пятро Давыдавіч, князь Альшанскі. Што далей?

—Нуну, хацелі яны вялікага князя Казіміра на смерць прыправіць і самім правіць краінай. А як ужо не пашанцуе, то ўзняць край і трымацца да апошняга. А як і гэтага не атрымаецца, то з усімі сваімі ўладаннямі ад княства адсесці і шукаць падмогі ў Масквы.

—Так. І чым гэта скончылася?

—Змову раскрылі. Паляцелі галовы. Каго ў цямніцы прыдушылі, каго на плаху пры паходнях, каго, прасцейшага, на палю. Сотні ахвяр з тых людзей, што хацелі самастойнасці. Бельскі Хвёдар Іванавіч, кінуўшы ўсё, уцёк у Маскоўшчыну да Івана Трэцяга і прынёс яму ў «пасаг» «северскія землі».

Так и было... Федор Бельский оказался в Московии. Иван III принял его радушно, пожаловав городами... Бельский занимал высокие посты, руководил русскими войсками в важных сражениях. Все складывалось неплохо, если учитывать, что его товарищам по заговору, в том числе и князю Гольшанскому, отсекли головы.

Но во власти Казимира осталась Анна Кобринская. Жена одной ночи и, возможно, любовь всей жизни.

Как можно предположить, Анне жилось не слишком комфортно. Разумеется, она была под надзором, вечной заложницей, пленницей в своем замке. Потом, когда власти потеряли надежду, что муж вернется за ней и даст себя схватить, Анне стали предлагать заключить другой брак... Ведь княгиня стала очень богатой наследницей. Кобринскими землями владела жена покойного брата Анны. После того как она умерла бездетной, изза наследства началась свара. И король Александр, сменивший Казимира на троне, передал спорные земли в пользование Анны Кобринской — возможно, благодаря заступничеству своей жены, Елены Ивановны, дочери русского царя Ивана III. У нее у самой судьба была не из легких: на Елену смотрели как на чужачку, дочь врага, и ей довелось чувствовать себя пленницей...

А Федор Бельский все пытался вернуть себе жену. Иван III не один раз просил за него польского короля, но ответ был один: «Пускай приезжает и забирает».

Кстати, отчаявшийся Бельский в 1492 году собирался так и сделать. Но был схвачен уже московитами. Его попытку вернуться на родину расценили как предательство. Князь был сослан в Галич. Впрочем, через какоето время царь простил его и снова приблизил к себе.

Не удалось Бельскому вытребовать свою жену и у преемника Казимира, Александра. Личная неприязнь тут не главное. Анна была не просто женщиной — она была законной владелицей обширных земель. Кто унаследует их после нее? Что, если эти наследники будут подданными другого государства? Изза таких ситуаций иногда разгорались войны...

Федор 17 лет ждал встречи с княгиней Кобринской... О том, чтобы род Бельского не прервался, позаботился Иван III — он просватал за перебежчика свою племянницу, княжну Рязанскую, тоже Анну. Видимо, утратив всякую надежду возобновить первый брак, Бельский женился. Согласно родословной Бельских у Федора и Анны Рязанской родились четыре сына: Дмитрий, Иван, Семен и Григорий.

Анна Кобринская ждала своего мужа 21 год. В конце концов и она вышла замуж — за маршалка Вацлава Костевича, который был младше ее и после смерти жены получил в пожизненное владение ее земли. Детей у Анны не было, род прервался.

Так закончилась кровавая свадьба во дворце князей Кобринских...

ФИЛОН, ОРШАНСКИЙ СТАРОСТА. ФИЛОН КМИТА ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ (1530–1587)

Человек, о котором мы сейчас поговорим, был и полководцем, и дипломатом, и первым средневековым белорусским писателем, эпистолярное наследие которого использовал Владимир Короткевич. Его потомок стал прообразом любимого героя Генрика Сенкевича, рыцаря Кмитица. А сама его персона хотя сегодня не особенно на слуху, связана с настоящими легендами.

Звали его Филон КмитаЧернобыльский.

Родился он в Орше в 1530 году. Еще молодым прославился ратными подвигами, был назначен комендантом крепости Остер возле Киева, король Жигимонт II Август подарил ему Чернобыльское владение и Оршанское староство. Не нужно идеализировать политиков и военных: Филон воевал по законам своего времени, был и жестоким, и мужественным, и в делах дипломатических иногда хитрил, иногда был честным и смелым...

Наверное, самая любопытная часть биографии нашего героя начинается после того, как его покровитель, король Жигимонт Август, умер, оставив свой трон «бесхозным». Почему так получилось — известно из легенды о Черной Даме Несвижа. Король был влюблен в прекрасную Барбару Радзивилл, а после ее смерти, по общему мнению, от руки ее свекрови Боны Сфорца — так и не смог создать прочную семью, оставить наследников...

И вот Речь Посполитая и Великое Княжество Литовское охвачены смутой. Претенденты на престол интригуют, вербуют сторонников... Так получилось, что главными претендентами оказались... французский принц Генрих Валуа и русский царь Иван Грозный.

Ничего необычного в приглашении на престол иностранцев королевской крови нет — это нам еще из летописей известно. К тому же европейские правящие династии были сплошь повязаны родственными связями. Сторонниками «русского варианта» стали в основном те, кто был недоволен, что Великое Княжество Литовское попало в вассальную зависимость от Польского королевства. Православная шляхта опасалась еще и за свою веру. Так получилось, что в партии, которая хотела видеть королем Речи Посполитой Ивана Грозного или его сына Федора, оказался Филон КмитаЧернобыльский,

создавший себе воинскую репутацию, отважно разбивая московские войска под Смоленском и Полоцком. Его позицию может проиллюстрировать письмо к троцкому кастеляну Астафию Воловичу, в котором Филон изобличает обычаи, установившиеся в государстве: «Ото, государю пане, от таковых бед люди топятса! Ото с таковых нендз давятса! Ото с того в неволю даютса! Яко и говорят многие во вси стороны: «Не только абы московский князь государем быть мел, але, хотя бы вже дъябел с пекла, только абы крывды людей божых мстил, а в порадок привел».

Филон взял на себя сбор информации о Московии, а также дипломатические переговоры. Но затея не удалась, в апреле 1573 года на польский трон был избран французский принц. Очень повезло КмитеЧернобыльскому, что не был он вассалом русского царя, который расправлялся с боярами, не справившимися с его заданиями, способами простыми и максимально мучительными. А так царь всего лишь послал Филону голову козла — как оценку его дипломатических способностей. В письме к Теодоре из Воловичей, кастелянше Троцкой, Филон писал с досадой: «А московитин што лает, бо лепей николи не умел писать, ани мовить. Только б бог дал на сей соромоте от него перестать». Сенаторы ВКЛ, которые поддерживали кандидатуру Ивана Грозного и обманулись в ожиданиях, потребовали отдать оршанского старосту под суд — за провал миссии. Но опять ирония судьбы — Филона спасло коронование кандидата, против которого он действовал: за празднествами о суде забыли.

Может быть, и относился Филон к Генриху Валуа, как фанат хевиметалла — к мальчиковой попгруппе, но профессиональные политики руководствуются отнюдь не эмоциями. Оршанский староста организовал торжественную встречу нового монарха и отправил ему вежливое письмо: «Найяснейший милостивый господарю, королю наш милостивый! Иж пан бог сотворитель с презренья ласки своее божской рачил вашу королевскую милость, господаря нашого милостивого, з отчизн хвалебных вашей милости до тых, тут славных панств в добром здоровью принесть и на столицы незвытежоного королевства посадить».

В том же письме КмитаЧернобыльский сообщает новому королю о действиях «неприятеля вашей милости господарского — великого князя московского», которого еще недавно «протаскивал» на польский трон.

Царствование сына Екатерины Медичи, известного нам по романам Александра Дюма, в «дикой северной стране» продолжалось недолго. Генрих Валуа со свитой вызвали в Польше культурный шок:

их роскошные наряды, обычай мужчин накладывать косметику, носить серьги, обильно употреблять духи вызывали насмешки, обычаи гостей суровые шляхтичи «сарматской традиции» называли бабьими. Разумеется, это не помешало модникам и модницам Речи Посполитой в спешном порядке обновлять гардеробы в соответствии с завезенной гостями модой. Генрих польского языка совершенно не знал да и вообще принимать участие в управлении доставшейся ему страной не желал. Король вел ночной образ жизни, проигрывал в карты огромные суммы из королевской казны и в конце концов тайно от всех, ночью, сбежал домой. Причем накануне устроил для сенаторов пир, на котором, естественно, постарался всех напоить вусмерть. Причинами для побега послужили не только перезревшая невеста Анна Ягеллонка и сложности жизни в незнакомой стране. Умер старший брат Генриха, французский король Карл IX, а трон Франции был для Генриха куда желаннее, нежели польский.

КмитаЧернобыльский ужасно разгневался. В письме к Астафию Воловичу он негодует: «Дивные суть судьбы божи! Мы от ворот, а он дирою вон. Не только нам того розумети, але такого государского отъеханя всему свету не вместити! Неслыхана от веку, абы хто слепорожену отворыл очы; так и помазанцу божему тым способом од подданых своих уехати!»

«І КмітаЧарнабыльскі каралю,
Магнатам і чыноўнікам дзяржавы
Лісты пабеларуску слаў,
Зямлю
Сваёй лічыў,
Не пазычаў ёй славы»,— писал народный поэт Беларуси Рыгор Бородулин.

Эпистолярное наследие Филона КмитыЧернобыльского — настоящий клад, до сих пор дающий возможности для открытий. Вот хотя бы в письме от 5 августа 1574 года к Астафию Воловичу есть фраза: «Нещасный есьми дворанин, згиб есьми в нендзы, а больш з жалю: люди на кашы переели кашу, а я з голаду здох на сторожы! Помсти, боже государю, грехопадение, хто розумеет! Бо прийдет час, коли будет надобе Илии Муравленина и Соловья Будимировича, прийдет час, коли будет служб нашых потреба!» В этом отрывке оршанский староста, выпрашивая «материальную помощь», сравнивает себя с летописными богатырями Ильей Муромцем и Соловьем Будимировичем. Это считается первым упоминанием в письменных источниках легендарного Ильи Муромца.

Безусловно, Филон обладал литературным талантом. В его письмах много образов, фольклорных выражений типа: «А теж, як доробило лихо, прорежутся и зубы». Обладал он и публицистическим талантом: «Што за люди того панства?! Яких послушенств не мусило быть? Яких щодробливостей? — Только дай! Яковое справедливости? Богатому так, а убогому сяк! Которого сумненя? — Кого кто не пекне через ногу! А лакомство? — Бо, де, ввесь бы свет роздал, душ польских и литовских не насытить: все мало! А цнота всех справ? — Тая се, де, в них из ботов вызула!.. Всё кламство, всё лож, нет бога! Бий, забий, дери, лупи — то найлепшый пан и то рыцер!» — обрушивается он на нравы своего времени.

Первым в Беларуси заинтересовался письмами оршанского старосты Ефим Карский, использовавший их при написании своего фундаментального труда «Белорусы».

В письмах Филона довольно много упоминаний об отчетах его многочисленных агентов в соседних странах. «А я, слуга вашей панской милости, маючи таковую ведомость, того ж часу и тое годины другого есьми шпега, Олексея Надавца, там же еще до границ выслал, абы што певного и неомыльного, выведалшися, мне знать давали»; «По высланю до вашей панской милости отсюль з Оршы того хлопца моего Лосятинского сегодня, у во второк, марца второго, прислал до мене з заграничья шпег мой на имя Кузьма Труба посланьца своего, даючи знать, иж на днех теперешних блиско прошлых люду московского немалые, де, войска до Смоленска прибыли». То есть был КмитаЧернобыльский, если говорить прямо, начальником разведки, чтото вроде таинственного М. из сериала о Джеймсе Бонде. Особенно обширная агентурная сеть у него была в Московии. Иван Грозный об этом знал и принимал свои крутые меры с помощью опричников. Впрочем, и Филон не стеснялся допрашивать изловленных неприятельских шпионов.

Тайная сторона жизни Филона отразилась и на его смерти. До сих пор неизвестно, где он похоронен. Зато сохранилась эпитафия, написанная Ш. Старовольским: «Падарожны, пад гэтым каменем госць, мужны, праслаўлены ў Сарматыі сенатар Філон Кміта, гаспадар Смаленска, умелы на полі бою, першы сярод першых».

ВНУК
СЛУЦКОЙ АМАЗОНКИ.
КОНСТАНТИН ОСТРОЖСКИЙ
(1526–1608)

До чего хрупка и неверна память человеческая... В истории Беларуси было два великих Константина Острожских — отец и сын. И, разумеется, их все время путают.

Старший Константин — великий полководец, герой, вошедший в мировую историю ратного дела.

Но сегодня мы поговорим не о нем, а о его сыне, Константине Константиновиче Острожском, в крещении — Василии.

Константин Константинович родился всего за три года до смерти своего прославленного отца, в 1527 году. Он был сыном от второго брака: первая жена Константина Ивановича, Татьяна из Гольшанских, умерла, и Острожский, хотя и был далеко не молод, женился на представительнице богатого и славного рода — княжне Александре Слуцкой, дочери знаменитой Анастасии, защищавшей Слуцк с оружием в руках от нападения татар. Так что святой благоверный князь Константин Константинович Острожский был внуком Анастасии Слуцкой. Любопытно, что его двоюродная сестра, дочь брата Александры Слуцкой София, сегодня также признана святой благоверной... Впрочем, в роду Острожских и до рождения Софии и Константина имелись святые, а именно — святитель Феодор Острожский, похороненный в КиевоПечерской лавре. Там же похоронили и Константина Ивановича Острожского.

Появился на свет Константин Константинович в имении Дубно на Волыни, но детство его прошло в Турове, древнем белорусском городе, освященном личностью Кирилла Туровского. Образование магнатский отпрыск получал домашнее. Конечно, с детства была привита и вера, но представлять его аскетом с малолетства, наверное, слишком. Российский историк Н. Костомаров, например, пишет, что Константин Острожский, обладая огромными богатствами (около миллиона червонных золотых в год) и занимая важные должности: староста владимирский, маршалок волынской шляхты, киевский воевода,— «платил большую сумму одному каштеляну только за то, что тот два раза в год должен был стоять за его креслом во время обеда; ради своеобразности он держал при дворе своем обжору, который удивлял гостей тем, что съедал невероятное количество пищи за завтраком и обедом». Достигнув совершеннолетия, князь Константин

Константинович женился на дочери богатого и знатного галицкого магната графа Тарновского Софии и начал вести обычный образ жизни молодых магнатов.

Но со временем Острожский стал отдавать все больше сил тому, что было духовной стезей предков и что стало делом его жизни — защите своей веры. Его перестали интересовать воинские лавры и карьера. Неудивительно... Православная шляхта оттеснялась от власти, переходила в католичество, шли переговоры об унии... Острожский был сторонником автономии белорусских и украинских земель. Он не был фанатиком, но был человеком мыслящим, патриотом. И, чтобы отстоять веру предков, видел главный путь — просвещать народ в этой вере. Ведь пример с другой стороны имелся: иезуиты организовали свою систему образования, активно издавали литературу, аристократы охотно отправляли своих детей к ним на обучение... «Не от чего иного размножилося между людьми такое ленивство и отступление от веры,— писал Острожский в одном из своих посланий,— яко от того иж устали учители, устали проповедатели слова Божого, устали науки, устали казанья, а за тым наступило обнищанье и уменьшенье хвалы Божое в церкви Его, наступил голод слуханья слова Божого, наступило отступление от веры и закону».

Константин открыл в своем имении Острог славяногреколатинскую школу, вошедшую в историю как Острожская академия, и типографию. Это был культурнопросветительный центр, с деятельностью которого связаны имена Герасима и Мелетия Смотрицких, Стефана Зизания, Андрея Римши и многих других. В типографии работал молодой «словаліцец» из Заблудово Гринь Иванович, который отливал шрифты для Ивана Федорова и виленских издателей братьев Мамоничей. В Остроге издавались первые печатные белорусские школьные учебники... Ну и главное — в 1581 году была напечатана первая в Восточной Европе полная Библия. Историки утверждают, что Острожский решил последовать совету своего друга, русского князя Андрея Курбского, жившего в то время на Волыни, и напечатать Библию «на церковнославянском языке» не с «перепорченных» книг, но «от 72 блаженных и богомудрых переводчиков». Как пишет Костомаров, «во всех странах славянского рода и языка Острожский не мог найти ни одного правильного списка Ветхого Завета и получил его наконец только из Москвы» через посредничество польского посла Михаила Гарабурды прямо из библиотеки Ивана Грозного.

Первым ректором новой школы считается Г. Смотрицкий, отец Мелетия Смотрицкого, человек европейски образованный. В школе Острога учили чтению, письму, пению, русскому, латинскому и греческому языкам, диалектике, грамматике и риторике; наиболее способные выпускники отправлялись за счет Острожского в Константинополь, в высшую патриаршую школу.

А между тем в середине XVI века имя Константина Острожского звучало в связи со светским скандалом. Племянница Острожского ЕлизаветаГальшка была одной из самых завидных невест княжества. Отец умер еще до ее рождения, и Гальшка унаследовала огромные поместья на Волыни. Судьбой наследницы живо интересовались не только мать Беата и опекун Константин Острожский, но и польский король. Ведь на кону были реальная власть и немыслимые деньги! Но Гальшка захотела сама распорядиться своей судьбой. Ей пришелся по душе молодой Дмитрий Сангушко из рода Ольгердовичей — его поддерживал Константин Острожский. Беата вначале тоже была не против, но король кандидатуру православного жениха для богатой наследницы не одобрил. И тогда Константин Острожский помог Дмитрию Сангушко увезти тринадцатилетнюю Гальшку. Влюбленные тайно обвенчались... Мать невесты была в ярости и написала жалобу королю... Приговор дерзкому похитителю ужаснул шляхту: смертная казнь! Молодые пытались скрыться в Чехии, но их нагнали... Еще бы — погоню возглавлял Мартын Зборовский, один из претендентов на руку Гальшки! Дмитрий был жестоко убит, Константин Острожский — лишен права опекунства. А Гальшка превратилась в нечто вроде векселя на богатство. По приказу короля она должна была стать женой старого вдового графа Лукаша Гурко. Тут опять вмешалась мать, которой не понравился жених. Беата желала выдать дочь за князя Семена Слуцкого. Семен увез Гальшку во львовский доминиканский монастырь, где их обвенчали. Но Лукаш Гурко не собирался сдаваться: он захватил монастырь и увез Гальшку к себе в замок в Шамотулах. Однако бедная девочка проявила характер: она отказалась признавать старика своим мужем. Но Лукашу, собственно, ее прелести были ни к чему... Он получил права на имения, и этого ему было достаточно... Строптивая жена 14 лет просидела запертая в башне в полном одиночестве. Константин Острожский ничем не мог помочь племяннице. Только после смерти мужа ее наконец освободили, но она была уже не совсем в здравом рассудке. Константин взял ее в Острог, обеспечил, как мог, комфортную жизнь... О трагической любви Гальшки и Дмитрия Сангушки написал роман Всеволод Соловьев, писатель Серебряного века.

Кстати, Гальшка дала значительную сумму на Острожскую академию, основанную дядей.

Время то недаром называлось Смутным. Политические и религиозные деятели переходили от группировки к группировке, от государя к государю, от веры к вере... Взять хоть Мелетия Смотрицкого, который после горячей защиты православия перешел к столь же горячей пропаганде унии и католичества, или Курбского, бывшего приближенного Ивана Грозного, бежавшего в Польшу... В 1602 году Константин Острожский принимал у себя будущего царя Лжедмитрия I. Вручил ему «Книгу о постничестве» Василия Великого, отпечатанную в его типографии Петром Мстиславцем в 1594 году с дарственной надписью «Григорию — царевичу Московскому». Переписывался с Борисом Годуновым и даже принимал его у себя в Остроге. Если было нужно — проявлял себя как жестокий феодал, подавляя восстания казаков. Но в его замке находили приют все, кого преследовали за веру. Он строил храмы, монастыри, школы и организовал Брестский поместный православный собор, выступавший против унии... Это был очень смелый шаг, который привел к ссоре с королем Жигимонтом III. Судя по некоторым высказываниям, Острожский был готов с оружием в руках отстаивать права единоверцев. Но, впрочем, на войну не решился — наоборот, выступал за веротерпимость и толерантность. Жена его была католичкой, дочери вышли за протестантов... Посылая в 1600 году Львовскому братству декрет польского сейма против православных, Острожский писал братчикам: «Посылаю вам декрет последнего сейма, противный народному праву и святой правде, и даю вам не иной какой совет, как только, чтобы вы были терпеливы и ожидали Божья милосердия, пока Бог, по своей благости, не склонил сердца его королевского величества к тому, чтобы никого не оскорблять и каждого оставить при правах своих».

Твердая позиция не могла не вызывать ненависти. Острожского обвинили в том, что не укрепляет вверенных ему областей против возможного нашествия татар, требовали от него уплаты подымного сбора, которого насчитали 40 000 коп грошей. Но он был слишком влиятелен и богат, чтобы ему мог серьезно навредить даже король.

Умер князь глубоким стариком, ему было за 80. Оба его сына и дочь Анна стали католиками. Младшего сына, по некоторым предположениям, отравил слуга. Константина Константиновича похоронили в Остроге в Замковой Богоявленской церкви. И типография, и коллегиум вскоре перешли к католикам. А в 1636 году внучка Острожского Анна Алоизия, воспитанная фанатичной

матерью, приказала вынуть кости князя из гробницы, вымыть их, освятить по католическому обряду и перенести в католическую часовню.

Но остались книги, и церкви, и память.

В 2008 году православный князь Константин Константинович Острожский был канонизирован как благоверный.

БЛАГОРОДНЫЙ АФЕРИСТ.
ГРИГОРИЙ ОСТИК
(?–1580)

В каждом роду встречаются на протяжении столетий люди разные... И герои, и трусы, и интеллектуалы, и простецы... Как свидетельствует история, «громкое» имя — это только ответственность перед предками, но не гарантия высоких душевных качеств его обладателя.

Разные персонажи были и в славном роду Остиков... Старейшина рода Кристиан Остик в 1413 году принял герб «Трубы», один из его сыновей, Радзивилл, дал начало роду Радзивиллов, потомки другого сына Станислава, остались Остиками. В Беларуси владели Остики землями возле Осиповичей и на Минщине, но благополучие рода, а главное, его репутация прервались на Григории Остике. Этот самый Григорий стал главным героем поэмы, изданной в 1580 году в Вильно, в типографии Николая Криштофа Радзивилла. Хотя, правильнее будет сказать: не героем, а антигероем... Поэма называется «Плач несчастного Григория Остика, за его поступок лишенного чести и осужденного на смерть в 1580 году, месяца июня 15 дня в Вильно». Автор зашифровал свое имя в первых буквах строк предисловия к поэме: Станислаус Лаврентий. Впрочем, о нем, кроме имени, ничего не известно.

Первые строки поэмы звучат в переводе со старопольского так:

Плачу, вязень няшчасны, гора напаткаўшы,
На дурных сваіх справах галаву зламаўшы.
Наракаю на волю — воляй карыстаўся,
З ёй па свеце шырокім дзе хацеў бадзяўся.
За нішто стан лічыў свой, як і годнасць стану,
Не хацеў быць нікому верным і адданым.
Горда справу пачаўшы, ужо не мог спыніцца,
І не думаў, чым справа можа завяршыцца.
Не былі мне за прыклад годных продкаў справы,
Што памерлі, сканалі ў самы росквіт славы.

Что же такого натворил несчастный Григорий Остик, если сведения о его преступлении распространялись по Речи Посполитой даже в печатном виде?

С родом Остиков я столкнулась, когда писала об Иване Литоворе Хрептовиче, воеводе, попавшем в московский плен после битвы 1500 года на реке Ведроша вместе с другом, надворным маршалком Григорием Остиком, и другими знатными рыцарями. Остик и Хрептович, мужественно перенося тяготы неволи, договорились по освобождении поженить своих детей. Так вот, тот храбрый воин Григорий Остик, отказавшийся служить московскому князю и потому просидевший девять лет в темнице, ставший потом троцким воеводой, приходится нашему антигерою дедом.

У Григория Остика имелись два брата, Николай и Юрий, оба в поэме восхваляются. А вот Григорий с детства отличался характером авантюрным и буйным. Изначально богатства достались ему немалые, его женили на дочке витебского воеводы Юрия Насиловского, родился наследник. Но Григорию полюбилась другая. Он бросает жену и сына и открыто живет во грехе.

Вокруг буйного пана образовывается, как водится, целая компания таких же любителей пиров и азартных игр. Постепенно родительское наследство растрачивается... Благо в окружении хватает авантюристов и жуликов — Григорий Остик начинает грабить соседей. Подделывает печати, стряпает фальшивые документы и отсуживает имения и деньги. Не стесняется прибегать и к грубой силе. В поэме осталось страшное описание захвата им деревни Шевелянцы (Шавьи), в которой люди Остика вырезали всех мужчин, а женщин отдали в жены слугам:

Шавялянцы са мною доўга не змагліся,
І маёмасць, і хаты мне іх дасталіся.
Плачуць бедныя дзеці, па бацьках рыдаюць,
І сыны іх пакутна слёзы праліваюць.
З тых бацькоў хто забіты, хто пачвартаваны,
На варотах ля дома іншы ўкрыжаваны.
А саміх бедных жонак за сваіх малойцаў,
Канюхоў, выдаў тут жа, іх мужоў забойцаў.

Помимо всего прочего, Остик становится еще и фальшивомонетчиком. В своем имении Коварск устраивает целую фабрику по изготовлению поддельных монет и печатей, причем от мастеров, которые изготавливали оборудование, избавляется прямотаки в духе мафиози.

Брат Григория, Николай, умирает рано, а вот другой, Юрий, делает хорошую карьеру. Его назначают воеводой мстиславским,

потом смоленским, судьей браславским, он участвует в политике, приумножает имения. Приходится ему и помогать непутевому Остику. Григорий называет брата заступником... И не зря: тот не однажды спасает авантюриста от неминуемого наказания. Ведь в поисках поживы Остика не останавливают такие «эфемерные» вещи, как присяга и долг перед Родиной.

В 1572 году умирает король Жигимонт Август, не оставив наследников. Магнаты тут же создают группировки и начинают делить трон, становясь на сторону кандидатов. Одним из претендентов на польскую корону был Иван Грозный. И Остик предлагает русскому царю сотрудничество. Возможно, жестокий аферист просчитал, что при дворе Ивана Грозного ему самое место — на родине о Григории шла плохая слава, ему не находилось должностей и званий. Неизвестно, как много сведений Остик успел сообщить царю, но слуга, который вез его письма в Москву, был схвачен. Слугу казнили на месте, проще говоря, зарубили мечом, а вот Остика спас брат. Благо было бескоролевье, и поступок не посчитали шпионским. Григорий каялся, уверял Юрия, что подобное больше не повторится... Покорно внимал упрекам... Между тем Юрий умирает, не оставив наследников. Григорий не мог не воспользоваться ситуацией и попытался отсудить часть владений у вдовы, второй жены Юрия Магдалены Брамовской. Но в завещании Юрия ясно сказано: единственная наследница — жена! Тогда Григорий подделывает документ, согласно которому брат остался должен ему 20 тысяч коп грошей. А чтобы сделать свое слово более весомым в сравнении со словами Магдалены, распускает слух, что она отравила мужа. Чтобы избежать позорных и долгих разбирательств, Брамовской пришлось уступить родственнику часть имений, в том числе местечко Ворняны.

В 1575 году польским королем становится Стефан Баторий. Но Остик не унимается и поддерживает переписку с русским царем. Собственно говоря, его поступок трудно назвать чемто исключительным. Многие из шляхты не поддерживали нового короля, который стремился к упрочению королевской власти, естественно, в ущерб шляхетской вольнице. К тому же при Батории усилилось давление на православных, и восточный сосед в этом случае, естественно, был союзником. Конечно, Ивана Грозного на троне видеть хотел мало кто — наслышаны были, в том числе от перебежчика Курбского, о его жестокостях. Но была, например, партия, предлагавшая продвигать на трон Речи Посполитой более кроткого царевича Федора. Впрочем, Григорий Остик вряд ли

руководствовался какимито высокими соображениями. Он элементарно пытался заработать, шпионя на чужое государство и надеясь в случае смены власти получить теплое местечко. Да и никаких государственных тайн сообщить не мог.

В июне 1580 года он лично отправился в Вильно на встречу с послом Ивана IV Григорием Нащокиным. Остик получил секретное послание от царя и великолепный подарок: коня редкой татарской породы — бахмат.

На этом коне вернулся домой... Но подарок его и погубил.

Некий шляхтич Миревский спросил у слуги Остика по имени Бартошек, откуда у его господина такой драгоценный конь. И слуга проболтался о визите к посланцу царя.

Весть дошла до Стефана Батория. Предателя арестовали в Троках. Ревизия в Коварске обнаружила фальшивые деньги и печати.

Григорий долго пытался все отрицать. Еще бы, он совершил преступления, за каждое из которых, согласно Статуту Великого Княжества Литовского, полагалась смертная казнь: подделка государственных документов, изготовление фальшивых денег и государственная измена. Но слуга Бартоломей под пыткой рассказал все о господине. Король был в гневе. Шла Ливонская война, готовилась битва за Великие Луки, а тут — заговор... Поэтому даже не все формальности были соблюдены: Остика как шляхтича должен был судить вальный сейм, но приговор вынесла срочно созванная Военная рада во главе с королем. Конечно, Григорий протестовал, но приговор привели в исполнение. Видимо, именно то, что не все формальности были соблюдены, а шляхта держалась за свои привилегии в самых мелочах, послужило главной причиной появления «Плача Остика» в типографии Криштофа Радзивилла, между прочим, руководившего арестом предателя. В поэме авантюрист раскаивается, полностью признает правоту судей:

Я не гарджу табою, пане мой каролю,
А ні мудраю радай, што сядзіць з табою.
Суд, кароль мой, паспешны твой, нелітасцівы,
Ды пры ўсім суд той чэсны, годны, справядлівы.
Сам ва ўсім вінаваты ды дурныя справы,
Што вялі мяне пэўна да такое «славы».

Как пишет литературовед Сергей Ковалев о поэме, «Рыгор Осцік — персанаж высокай трагедыі, а не нізкай камедыі, мэта гэтага вобраза — настрашыць чытача, а не насмяшыць яго»...

Согласно «Заметкам о Московской войне» королевского секретаря Гейденштейна, на суде действительно было зачитано некое послание от Остика, в котором подсудимый каялся в замысле против короля, что объяснял желанием получить деньги, и покорно просил о снисхождении.

После казни преступника его дом в Вильно напротив дворца Радзивиллов по улице Большой король передал своему сподвижнику Габриелю Бекешу. Но впоследствии имения Остика были возвращены его вдове, Ядвиге Юрьевне из Носиловских. Единственный сын Остика Николай остался и единственным продолжателем рода. Но наследников он не имел, и род угас.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЕЛИКОГО ГЕТМАНА. ГРИГОРИЙ ХОДКЕВИЧ (?–1572)

Хотя история не знает сослагательного наклонения, знакомство с событиями неизбежно порождает восклицание: «Да почему же этого не случилось?!» Одно из таких разочарований отечественной истории связано с фразой из предисловия к «Евангелию учительному», изданному в Заблудовской типографии, основанной магнатом Григорием Ходкевичем, где трудились печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец. Меценат писал: «Помыслил же был если и се, иже бы сию книгу выразуменнях ради простых людей переложити на простую мову и имел есми о том попечение великое». То есть хотели в Заблудово напечатать Евангелие на старобелорусском языке, продолжить дело Скорины. И это был бы очень важный этап в истории белорусской книги!

Однако, как говорит Ходкевич далее в предисловии, «мудрые, ученые» люди отговорили от этого, ибо «прекладанием с давних пословиц на новые помылка чинится немалая, яко же и ныне обретается в книгах нового перевода».

Ученый Сергей Ковалев предполагает, что этими «мудрыми людьми» были уехавшие из Московского княжества князь Андрей Курбский и старец Артемий.

...Дело Скорины не было продолжено в Заблудове. Евангелие напечатали на церковнославянском языке.

Впрочем, начнем сначала... Обычно считается, что Ходкевичи, обладатели герба «Костеша», ведут свой род от боярина земли Киевской Ходко Юрьевича. Но автор исторических исследований Витовт Чаропка обратил внимание, что в привилее Жигимонта Августа предком Ходкевичей назван некто Борейко, который служил литовским князьям еще до принятия христианства.

Когдато к князю Гедимину в Вильно приехал золотоордынский посол и выставил своего бойца с условием: если ктонибудь ханского богатыря победит — Гедимину простится должок по дани. Если нет — и дань придется заплатить, и сам князь отправится в плен. Вот упомянутый Борейко и вызвался на бой, татарина победил, получил богатые дары.

Дед Григория Ходкевича вместе с семьей попал в плен, когда Киев захватили татары. И умер в Крыму. А его жене, Агнешке Бельской, с

дочерью и маленьким Александром, будущим отцом Григория, удалось вернуться на родину: их выкупил король Казимир Ягайлович. Впоследствии православный магнат Александр Ходкевич основал Супрасльский монастырь, в библиотеке которого хранились летописи и рукописные книги. Согласно списку, сделанному в 1557 году архимандритом Сергеем Кимбаром, там насчитывалось 209 томов.

Григорий Ходкевич тоже был набожен, у себя в имении Заблудово основал церковь Успения Богородицы и св. Николая, учредил при ней больницу «для убогих людей как греческого, так и римского закона». Он же основал типографию.

Российский историк Н. Костомаров утверждал: «Но типография Ходкевича была, как видно, только временная панская прихоть».

Согласно расхожему мнению, причиной, побудившей магната заняться книгопечатанием, стала встреча с уехавшими из Московии Иваном Федоровым (принадлежал к белорусскому шляхетскому роду герба «Шренява») и Петром Мстиславцем. Подвернулось такое удивительное знакомство — вот магнат и решил: а не попробовать ли печатать книги?

Но я встречала и мнение, что Иван Грозный отпустил Федорова в Заблудово именно по просьбе Ходкевича — для печатания православных книг. И еще в 1561 году Ходкевич через отправленного в Москву Исайю Камьянчанина старался раздобыть копии церковнославянского списка текста всей Библии. Иван Федоров свидетельствовал, что меценат принял его и Мстиславца с любовью и радостью, подарил первопечатнику большую деревню.

Причиной сомнений в благих целях Григория Ходкевича стала «малая продуктивность» его типографии. 17 марта 1569 года там было напечатано «Евангелие учительное», а 23 марта 1570 года — «Псалтырь с Часословцем». На этом — все.

Чаще всего можно прочитать, что издательская деятельность была прекращена изза преследований православных после Люблинской унии. В других источниках говорится, что книги в Заблудово перестали выходить изза «старога веку й нядугаў выдаўца». Возможно, верно и то и другое. Но о краткосрочном магнатском капризе речь не идет. Хотя Костомаров пишет, что «по смерти Григория Ходкевича наследники не поддерживали заведения», сыновья гетмана Александр и Андрей дали денег Федорову, переехавшему в Украину, на издание в 1574 году «Апостола».

XVI столетие называют Золотым веком Великого Княжества Литовского. Появление знаменитых статутов, расцвет культуры... Но тут же и кровопролитные войны... Одна из них — Ливонская, или

Инфляндская. Войска Ивана Грозного, заключившего союз со Швецией, пробились к Балтийскому морю. Захватили Полоцк, в устье реки Улла построили мощный замок, который угрожал Витебску. В 1564 году войско князя Шуйского встретилось с воинами великого гетмана Радзивилла Николая Рыжего на реке Улла. Григорий Ходкевич присутствовал там в качестве гетмана польного (это звание ниже великого гетмана, которым Григорий стал потом). Войска ВКЛ — 4 тысячи всадников — одержали блестящую победу над во много раз превосходившими силами противника.

Битвы Ливонской войны были воспеты. В Вильно Григорий Ходкевич приютил приехавшего из Тюрингии поэта Яна Мылия. А тот в благодарность написал цикл стихов о победе, добытой «вельможным паном Григорием Ходкевичем». Стихи были изданы в 1564 году в Вене. В 1582 году в Виленской типографии Даниэля Ленчицкого издана поэма на латыни Франтишка Градовского «Описание московского похода князя Радзивилла», и вновь один из главных героев — Григорий Ходкевич. Действует он и в стихах Яна Радвана «Радзивиллиада», и в произведении Матея Стрыйковского «Битва под Уллой».

А еще Григорий Ходкевич стал получателем писем от Ивана Грозного.

Нет, на самом деле депеши были подписаны не царем, а именами его бояр. Но в том, что продиктованы они самим Грозным, историки не сомневаются. Царь любил продемонстрировать свое красноречие. Поводом же обратиться к Ходкевичу было вот что... На Руси бесновалась опричнина, факт этот от иностранцев тщательно скрывался. Бояре вроде Курбского бежали на запад, Иван Грозный жил в постоянном поиске врагов. И нельзя сказать, что его опасения были напрасны.

С другой стороны, в Великом Княжестве Литовском тоже далеко не все были сторонниками власти. Грозный претендовал на престол великого князя, и некоторые считали, что именно такая «твердая рука» здесь и нужна. Особенно на фоне поведения Жигимонта Августа и гонений на православие. Беглец князь Курбский замечал о Жигимонте: «Кароль думае не аб тым, як ваяваць з няверными, а толькі аб танцах і маскарадах».

Назревала очередная битва. И нескольким русским боярам от короля Жигимонта и великого гетмана Григория Ходкевича, уже сменившего в этой должности Николая Радзивилла, были отосланы письма с предложениями перейти на сторону короля.

Повез эти послания некий Иван Козлов, бывший слуга князей Воротынских. Но Козлова схватили, пытали, письма у него отобрали, и царь продиктовал, не стесняясь в выражениях, свои ответы отправителям.

Помните, как в фильме «Иван Васильевич меняет профессию» царь, попавший в советскую Москву, беседует с режиссером Якиным: «Чьих ты будешь, холоп?» Так вот, Ходкевича в письмах от имени князей Мстиславского и Вельского отправитель тоже именует похолопски, отбрасывая благородное «вич»: Ходкеев ты, мол, худородный, не тебе с потомками царей беседовать. «Ты теперь и пишешь, как бешеная собака; а подобало ли тебе, нашему подданному, так к нам писать и без нашего приказа обращаться к нам с советами? Даже если тебе и следовало чтонибудь нам написать, так должен был ты написать комунибудь из наших слуг, а он бы твою грамоту нам передал, а у нас по милости царского величества есть слуги не ниже тебя».

В послании от имени боярина Воротынского, который в понимании царя может разговаривать с Ходкевичем на равных, отправитель дает волю гневу. Письмо обширно и цветисто. Среди прочего упоминается и содержание письма от Ходкевича: «Ты просишь нашу милость верить тебе, старому человеку, украшенному сединами, что в словах государя твоего не будет обмана... Хочешь ты показать нам свою искреннюю сердечную любовь: одна у тебя есть по милости Божьей утеха на старости лет — два сына, Андрей и Александр,— свет очей твоих; ты предлагаешь послать их к нашей милости вместе с твоими слугами и имуществом в наше распоряжение, желаешь доброго здоровья и доверяешься доброте нашей милости». Далее царь всячески поносит Ходкевича, обвиняет в вероотступничестве — для Грозного это и есть мятеж против его особы. А вот сыновей Андрея и Александра готов принять на службу: зачем заложниками пренебрегать?!

Разумеется, Ходкевич никуда не отправил своих отпрысков. Война продолжалась.

Большим ударом для великого гетмана, как и для многих других вельмож княжества, стало принятие в 1569 году Люблинской унии. Всю жизнь Григорий Ходкевич отстаивал независимость Великого Княжества Литовского при том, что вере православной не изменял. В знак протеста Ходкевич отказался от всех государственных должностей и поселился в Заблудово.

Похоронили бывшего гетмана, согласно его воле, в катакомбах Благовещенского собора в Супрасли.

ЯН ЯНОВИЧ
ГЕРБА «ЛЕЛИВА».
ЯН ГЛЕБОВИЧ (1544–1590)

Среди людей, управлявших нашим Минском, было много неординарных, знаменитых. Один князь Глеб Менский чего стоит! Не затерялся в дебрях истории и Ян Глебович, управлявший Минском в конце XVI века.

Глебовичи... Это был могучий род древнего герба «Лелива». Хотя до сих пор историки спорят об их происхождении: от Рюриковичей ли, от полоцких князей, от бояр смоленской земли?.. Наткнулась даже на такое определение одного историка: «Глебовичи считались одними из самых воинственных и злопамятных князей; они, может быть, не такие выдающиеся интриганы, как, скажем, Гаштольды, но зато по агрессивности могут стоять в самом первом ряду».

Будущий минский воевода родился в 1544 году. Через пять лет его отец, прославленный воевода Ян Юрьевич Глебович, умер. Ян был сыном Глебовича от его третьего брака, радостью и надеждой. Ведь до появления сына у Яна Юрьевича родилось 9 дочерей.

До 11 лет Ян Янович жил с матерью, княгиней Анной Федоровной Заславской, в ее родовом поместье в Заславле. Большая часть состояния Яна Юрьевича досталась 9 дочерям, однако у матери Яна приданое было огромным. Кстати, именно благодаря Анне Федоровне на герб Глебовичей был добавлен элемент ее родового герба — лев, или, как ласково называют его на форумах любителей геральдики, «коцік».

Это сегодня Заславль — всего лишь маленькое местечко, станция на железной дороге. Изначально же Заславль был одним из главных городов древней славянской земли, так что рос Ян вовсе не в захолустье. А его опекуном стал гетман Великого Княжества Литовского Николай Радзивилл Рыжий, один из братьев прекрасной Барбары, ставшей женой польского короля. В 1560 году Анна Заславская выбила для сына место при дворе императора Священной Римской империи. Шестнадцатилетний Ян, несомненно, с огромным удовольствием погрузился в бурную светскую жизнь... А заодно осваивал «свободные науки» в одном из университетов. Он прекрасно владел латинским, французским, польским языками. А в 19 лет, когда оказался при дворе великого князя литовского и польского короля Жигимонта Августа, его уже ждало серьезное ратное дело. Участие в обороне Полоцка.

Войска Ивана Грозного осаждали Полоцк, используя «пушки большого наряда», изготовленные с помощью Англии. Сами осаждающие были в ужасе от этого оружия: «Якоже от многого пушечного и пищалного стреляния земле дрогати и в царевых и великого князя полкех, бе бо ядра у болших пушек по двадцети пуд, а у иных пушек немногим того легче...»

Ян Глебович возглавлял оборону Заполотья, одного из районов Полоцка, и проявил настоящую храбрость, что отметил историк Матвей Стрыйковский. Однако отвага против пушек не помогала. Глебович советовал дать оружие крестьянам, «черным людем», и беженцам, которые прятались в стенах города от врага, а это было около двух десятков тысяч человек. Но у некоторых аристократов не укладывалось в голове, что к благородному воинскому делу можно приобщить холопов... Руководивший обороной Полоцка воевода Довойна был категорически против. Ян предлагал продолжать оборону, осуществить крупную вылазку... Его не слушали. Молод, горяч...

Город был взят. Раненый Ян оказался в Москве, только не в качестве гостя. Однако юноша даже в бесправном положении пленника сумел заставить с собой считаться. Сохранились свидетельства того, что Иван Грозный, прослышав, что Ян хорошо знает Святое Писание, вызвал его на богословский диспут. Говорят, литвин настолько хорошо отвечал русскому царю, что тот проникся к нему уважением. И, похоже, решил использовать столь умного юношу в своих интересах. К тому же Яна было чем и припугнуть: он был пойман на «шпионстве» — передавал в Вильно сведения о том, что стратегического удалось разузнать в Москве. Но вместо наказания Яну разрешили свободно перемещаться по Москве, не однажды был он призываем на задушевные беседы с царем... Неизвестно, на каких условиях было достигнуто соглашение — то ли угрозы подействовали, то ли убеждение, все же Ян был противником унии с Польшей, да и отец его принадлежал к так называемой русской партии, но Ян Глебович, обмененный на двух дворян, уехал из Москвы на родину, чтобы предложить на трон короля польского и великого князя литовского кандидатуру... Ивана Грозного.

Могло ли такое осуществиться? Представьте сами: царь одной страны предлагает себя в качестве короля стране, с которой воюет... Но в ту эпоху завершались успехом самые невероятные авантюры! Жигимонт Август был еще жив, но наследников не имел, а Иван Грозный являлся потомком великих литовских князей.

Тем не менее шляхта не пожелала даже рассматривать его кандидатуру. Гетман Ходкевич на сейме в Люблине, где была подписана знаменитая уния, обвинил Яна Глебовича в предательстве. На то имелись основания: после приезда на родину Глебович отправил в Москву своего доверенного человека, а Иван Грозный своим соглядатаям дал наказ проведывать, что делает Ян Глебович и в милости ли у короля. Да еще Ходкевич зачитал текст присяги, якобы данной Глебовичем Ивану Грозному.

Судебное заседание по рассмотрению дела состоялось 16 апреля 1566 года. Однако король и великий князь Жигимонт Август заявил на этом заседании, что верит в невиновность Яна Глебовича: о своем соглашении с русским царем тот признался ему лично сразу по возвращении. Глебович был оправдан, а в 1571 году король назначил его каштеляном минским. Эту должность Ян Янович бессменно занимал в течение 14 лет.

Минское воеводство тогда было самым крупным в ВКЛ. А Минск хотя и не считался особо значимым городом, но находился на пересечении важных торговых путей, водных и сухопутных. В городе собирались войска, возвышался во всей своей мощи Минский замок, не разрушенный татарскими нашествиями.

При Яне Глебовиче город начал расти, выйдя за свои старые границы — Троицкое и Замковое предместья. Проводились ярмарки и выставки, военные смотры... В Минске стал собираться Литовский трибунал — высший апелляционный суд. А вскоре город получил магдебургское право и герб. Кстати, в Заславль Глебович, вольнодумец и протестант, вызвал философа Сымона Будного (протестантство позволяло местным феодалам декларировать духовную независимость и от Польши, и от восточных соседей).

Внутреннюю гибкость Глебовича одновременно с его упорством иллюстрирует факт: когда он понял, что продвигать Ивана Грозного на польский трон рискованно, принял сторону другого кандидата — венгерского князя Стефана Батория, который и был благополучно избран. Но когда при Батории в сейме польские паны стали претендовать на Ливонию, входившую в состав Княжества, Глебович демонстративно ушел. Баторий понял, что лучше не ссориться с влиятельными литвинскими магнатами, и принял решение разделить Ливонию между короной и княжеством. При Стефане Батории, которого считают не самым удачливым королем, Яну Глебовичу также довелось повоевать. Он участвовал в походах на Псков и Великие Луки.

При следующем короле, Жигимонте III Ваза, Ян Глебович был в числе тех, кто содействовал утверждению Третьего Статута Великого Княжества Литовского. Дело в том, что, согласно существовавшим тогда законам, для получения польской короны Вазе необходимо было вначале стать великим князем. А литвины поставили ему условие — вначале утвердить Статут, выгодный Княжеству. Поляки были против... Только благодаря дипломатии Глебовича Статут был все же утвержден и Великое Княжество Литовское удержало свой государственный суверенитет.

Когда умер Глебович, точно неизвестно. То ли в 1590м, то ли в 1591м году. Неизвестно и где похоронен. Предполагают, что в Вильно. Остались сыновья — Ян и Николай — и память в истории Беларуси.

ЛЕТОПИСЕЦ ЗОЛОТОГО ВЕКА. ФЕДОР ЕВЛАШОВСКИЙ (1546 – после 1616)

По какому принципу личность остается в истории или растворяется в тумане времени?

Многие пытались вписать свое имя на скрижали вечности кровавыми или золотыми буквами... Сколько властителей пребывали в уверенности, что благодарные потомки никогда их не забудут, но даже могильные плиты их уходили в землю, как остовы разбитых кораблей... Однако всегда будут те, кто доплывет до посмертной славы не потому, что были сильны, жестоки и хитры и решали судьбы многих и многих, а потому, что оставили свидетельства о жизни этих многих. И бумажные корабли рукописей оказались самыми прочными.

1603 год. Начинается смутное время... На польском троне — король Жигимонт III. Развязана война со Швецией. В усадьбе князя Адама Вишневецкого объявился молодой человек, назвавший себя царевичем Дмитрием. Впереди — долгие годы войны.

Федор Евлашовский, подсудок новогрудского земского суда, уже немолодой — 57 лет в те времена, считай, старость,— трогает чистый лист бумаги кончиком пера. Ему хочется вспомнить пережитое, восстановить в рукописи бурные события прежних лет... Запечатлеть Золотой век Великого Княжества Литовского... Когда «розность веры не чинила намнейшей розности в милости приятельскей», когда ценились «милость, щирость и правдиве добре захoване».

Конечно, подсудок в какойто степени идеализировал ту эпоху, как все идеализируют годы молодости... Но в сравнении с наступавшими временами он имел на это право.

Перо неспешно выводило слово за словом. И это было не менее важно, чем происходившее на полях сражений. Появился первый белорусский мемуарист... И впервые прозвучало определение в отношении третьей четверти XVI века в истории Великого Княжества: Золотой век.

Сын писаря государева, пинского земянина Михайло Васильевича, внук православного епископа Луцкого Федор Евлашовский сделал неплохую карьеру... И обязан этим он прежде всего собственным талантам, поскольку многодетная семья отца была бедной. Род древний, но еле удалось отстоять право на герб и шляхетство.

Грамоте Федор стал обучаться, когда ему еще не стукнуло и пяти лет,— вполне в духе современных вундеркиндов. А он и был весьма одаренным. Кроме родного белорусского языка знал польский и еврейский. Но особые склонности мальчик проявил к математике. При этом не сохранилось сведений, что он учился в какойто школе, историки говорят о самообразовании. Бедность не позволяла мечтать об университете. Федору не было и восемнадцати, когда состоятельные соседи стали нанимать его на работу — подсчитать чтото по хозяйству, размер налогов... Как писал сам Евлашовский, «трафяли ми се таке паны, которые ме оборачали до браня поборов и чиненя личб, поразумявши на то з натуры способного».

Федор покидает дом. В 1564 году в разгаре Ливонская война, шестнадцатилетний шляхтич оказывается втянутым в кровавый водоворот. Но в военные он не идет, имея другое призвание. Уже в 1565 году он собирает в Вильно «побор, названый покгловным», то бишь выполняет работу сборщика налогов. И совершенствуется в юриспруденции и математике. Ему помогает в этом виленский каноник, королевский писарь Ян Маковецкий. В это же время происходит еще одно событие, повлиявшее на Евлашовского. В Вильно юноша ради любопытства зашел в кальвинистский собор — в то время Реформация проникала на белорусские земли, и многие интеллектуалы, магнаты, особенно молодежь, загорелись новыми идеями. В храме как раз читали проповедь «міністры ўчоные Вендрагоўскі і Касцініюс». На юношу, стремившегося к знаниям, их слова произвели огромное впечатление, и он тоже увлекся реформацией.

Молодой, но талантливый юрист становится известной личностью. Ему поручают вести судебные дела такие магнаты, как Николай Радзивилл, Ян Ходкевич, Константин Острожский. Разумеется, чтобы быть успешным на этом поприще, нужно было обладать красноречием, представительной внешностью, изворотливым, острым умом и смелостью. Заседания судов не раз перерастали в кровавую битву, а на решения влияло не законное право истца или ответчика, а величина их кошельков. Но не зря, видно, юриста Евлашовского знали даже при королевском дворе — и при Жигимонте Августе, и при сменившем его на троне Стефане Батории, и при Жигимонте III.

Евлашовский участвует в Люблинском сойме 1569 года. В 1577 году Стефан Баторий назначает его пинским и сервецким мостовничим. Вместе с новогрудским судьей Тризной Евлашовский работает над текстом «Трибунала Великого Княжества Литовского». А

в 1592 году становится подсудком Новогрудского земского суда. На этой должности он и останется до самой своей смерти.

Но как часто мы бы вспоминали о новогрудском подсудке, если бы он однажды не взялся за перо? А Евлашовскому было что рассказать потомкам... К тому же имелся соблазнительный пример — нашумевший дневник одного из нанимателей Евлашовского, Николая Радзивилла Сиротки, о путешествии в Святую Землю. Казалось бы, человек, строивший карьеру как юрист государственного масштаба, должен в мемуарах показывать политическое «закулисье». Но тот, кто хочет в его записках обнаружить «политическую клубничку», останется разочарованным. Евлашовский специально предупреждает читателя, что не собирается влезать в вопросы большой политики. Дело это, мол, для сильных мира сего, для магнатов и королевских особ. Не исключено, что подсудок новогрудский просто не искал для себя и своих потомков неприятностей.

Федор Евлашовский пишет об исторических событиях: о том, как принимали послов при королевских дворах, о битвах Ливонской войны, восстании Наливайко, принятии Люблинской унии... Особенно много страниц посвящено казацким нашествиям. Евлашовский как бы и сочувствует казакам, например, называет одного из их предводителей «яко ж и был человек сердца великого», но и показывает жестокие последствия набегов, когда «места и замку сплендровал и попалил». Но главное — он пишет просто о жизни. Ведь войны так опротивели... «А потом аж до уприкреня были ми частые язды на тые войны, а яко юж тераз упатруе, мало потребные, бовем же и Речи Посполитой пожитку не веле тэ войны приносили. А мне паметнэ зостали для утерпеня велких пригод, трудности, шкод и невыповеданых невчасов».

Мы узнаем, что Евлашовский мечтал отправиться в путешествие, увидеть другие страны, овладеть новыми знаниями и умениями... Но нужно было помогать родителям, содержать собственную семью. Узнаем, какой хорошей женой была ему Анна Болотовна, сестра Данилы Болотовича, родом из Руси — не в чем упрекнуть ее было. Узнаем, как гордился Евлашовский тем, что его сын служил у князей Гонзаго в Мантуе. Даже о том, что он видел настоящего белорусского цмока (дракона) — «летовца». Чудовище, как положено, было огнедышащим и, согласно белорусским легендам, могло превращаться в красивого юношу и залетать в окно к прекрасной даме. Неизвестно, что на самом деле видел наш летописец, только это его так напугало, что несколько лет он не мог избавиться от нервных припадков. Делал автор мемуаров и записи на нейтральную и вечную тему, а именно о

погоде: «Року 1594, мая 20, в пяток, припадла хмура сроде зимна, спустила снег велкий и лежал три дни». То бишь из огромной тучи пошел большой снег, который лежал три дня. И далее пишет, что умерло от той тучи, и холода, и неистового ветра большое количество людей и много птиц замерзло в гнездах. Да что на улице, «страх был и под дахом седячи».

Умер Федор Евлашовский в 1619 году. Его мемуары хранились в Варшаве и впервые были опубликованы в 1886 году в журнале «Киевская старина» украинским историком Антоновичем. С тех пор записки новогрудского подсудка стали ценным источником сведений для ученых, вошли в хрестоматии и учебники.

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ РОДА ОЛЕЛЬКОВИЧЕЙ. СОФИЯ СЛУЦКАЯ (1585–1612)

> Трудно верить княжеским портретам… Как попал в милость к испанскому королю Франсиско Гойя? Изобразил его, невысокого роста, выше себя, скромно приписанного рядом для масштаба. Не нужно быть знатоком искусства, чтобы заметить, как сановно и безлико красивы портреты знатных дам.

…В портретах этой молодой дамы есть индивидуальность. Мы легко можем представить ее, темноглазую и темноволосую, с маленьким ярким ртом и строгим овалом лица, с особым выражением кротости и решимости… Современники сравнивали ее с прекрасным цветком, со звездой в созвездии древнего рода…

Нет, они не льстили. Эта девочка действительно была красива. Кроме того, она была самой богатой наследницей в Беларуси конца XVI века.

А еще про нее было написано:

«Разве ты менее рыцарь, чем гордый супруг твой великий?»

Но если вы представляете эту женщину подобно ее бабке, Анастасии Слуцкой, в кольчуге и с мечом в руке, ошибаетесь.

Битвы бывают разные… И не всегда — с оружием.

София родилась в семье слуцкого князя Юрия Олельковича и Катерины из рода Кишек. Оба рода — магнатские, древние… Особенно Олельковичи, князья Копыльские и Слуцкие, потомки великого князя Ольгерда.

У юной Софьи было все. Но главного судьба ее лишила. В два года она осталась круглой сиротой. Еще несколько лет — и умерли оба дяди. Огромное наследство перешло во владение маленькой девочки.

Королей в то время называли «символом, одетым в бархат с лилиями». Отпрыск знатного рода — это гарантия целостности владений, выгодный политический союз, способ получить богатство… Стать опекуном Софьи хотели многие. Это право отстояли родственники сироты по материнской линии Ходкевичи. Они были достаточно сильны, чтобы защитить свои права и права подопечной.

Как воспитывалась юная белорусская леди? Конечно, у нее было все необходимое… Ведь ее здоровье и жизнь так много значили! Но известно и то, что девочку растили в строгих христианских

традициях. Ее отец был набожным человеком, как и другие Олельковичи, много делал для православия. А к началу XVII века православная вера на наших землях переживала тяжелые времена. От того, какой вырастет будущая владелица, зависела судьба ее подданных...

Софья выросла верующей. Более того, как и Евфросиния Полоцкая, которая в подростковом возрасте смогла отстоять право самой устраивать свою судьбу, последняя из рода Олельковичей обладала достаточно твердым характером...

А между тем на сказочно богатую невесту претендовали именитые женихи. Юрий Ходкевич просватал ее за Януша Радзивилла, сына своего друга Криштофа Радзивилла по прозвищу Перун. Знаменитый воин, судя по прозвищу, обладал суровым нравом. Но сын его вполне подходил для «звезды из рода Олельковичей»: молодой, красивый, смелый... Когда Юрий Ходкевич умер, брачный договор подтвердил новый опекун, брат Юрия Иероним... Одни историки утверждают, что невесту не посвящали в ее будущее, скрывали брачный договор, не допускали жениха... А другие, наоборот, говорят, что Януш был частым гостем во дворце Ходкевичей в Вильно, где жила Софья, и нет сомнения, что, согласно галантным обычаям того времени, пытался очаровать будущую жену. Представьте себе... Ему — 19, ей — 14, прямо по Шекспиру... Оба красивы, оба принадлежат к одному кругу. Нет никаких оснований полагать, что Софья испытывала к жениху отвращение.

Свадьба была назначена на 1600 год, когда Софье должно было исполниться 15 лет. Но ее опекун Иероним Ходкевич поссорился с отцом жениха Радзивиллом Перуном по причине предсказуемой и банальной: пожелал оставить за собой часть наследства сироты, а именно город Копысь. Дело дошло до королевского суда, который подтвердил права Радзивиллов...

Можно представить, в какой ярости Ходкевич возвращался в свой дом в Вильно. А там в то время находился молодой Радзивилл — прорвался для объяснения с невестой. Опекун отреагировал жестко: приказал слугам спустить гостя с лестницы, не обращая внимания на протесты девочки.

Это был скандал. Такого масштаба, какой нам трудно представить.

Для шляхтича, даже самого мелкого, оскорбление силой, тем более от рук слуги, могла смыть только кровь.

Под стены Вильно стянулось двадцатитысячное войско. К Радзивиллу Перуну присоединились со своими войсками три сына

Константина Острожского, смоленский воевода Абрамович. Ходкевич со своей стороны собрал 1600 конных и 600 пеших воинов... Плюс 24 пушки. Да и жилье Ходкевичей было укреплено по последнему слову тогдашнего фортификационного искусства (остатки его и сегодня можно увидеть в Вильнюсе). За наследство последней из рода Олельковичей могла начаться самая настоящая война. Пытались вмешаться король и церковные власти... Напрасно.

Итак, юная княгиня, воспитанная христианкой и патриоткой, понимает, что изза нее на народ обрушится беда. На тот народ, за который она несет ответственность перед Богом! История сохранила слова ее обращения к Янушу Радзивиллу, в котором она готова отказаться от всего, в том числе и от свадьбы, только бы не разгорелась война: «...и предостерегаючи того, абым таким непорядком и с тем моим за его милость пана Януша Радзивилла вперед Пана Бога не ображала, а потом абых теж учтивост и маетностей моих до жадных небеспечностей не прыводила...»

Януш умоляет отца не начинать сражение... Тот непреклонен.

Но... происходит чудо. Перун, опытный воитель, который никогда прежде не отступал, отводит войска от стен Вильно. Магнаты мирятся. Радзивиллы прощают Ходкевичу долг. Молодые женятся.

Почему?

В житии Софии Слуцкой это объясняется тем, что Бог услышал моления сироты. Не будем подвергать сомнению слова канона. Разумеется, Софья молилась, чтобы не пролилась изза нее невинная кровь. Исходя из фактов, можно предположить, что мирное решение конфликта — действительно заслуга наследницы Олельковичей. Что конкретно она ради этого предприняла — можно строить разные гипотезы... Смогла ведь Софья настоять, чтобы в брачном договоре записали, что их общие с католиком Радзивиллом дети будут крещены в православной вере. И это в то время, когда в Беларуси православных хоронили ночью и людей насильно переводили в униатство!

София не допустила такого на своих землях. Она убедила мужа — и тот добился королевского «привилея»: «Чтобы церкви, архимандриты, игумены, монастыри и братства в княжестве Слуцком и других владениях на вечные времена неприкосновенно, без всякой перемены были сохраняемы в совершенной свободе своего богослужения... уния в эти церкви не должна вводиться никаким насильственным или измышленным способом...»

Софья много пожертвовала на церкви и братства, сама вышивала золотые ризы (они хранились до начала XX века). Ее земли стали

прибежищем для всех, кого преследовали изза конфессиональной принадлежности.

Была ли она счастлива в браке? Одни говорят: нет, мол, какие общие интересы у будущей святой с бравым воякой, любителем пиров и дам, который к тому же часто из дома отлучался? Другие, наоборот, утверждают, что Януш Радзивилл относился к благочестивой жене с уважением и любовью. Ведь ходил не на гулянки — выполнять свой рыцарский долг: сначала — на шведскую, потом — на московскую войну. Белорусский поэт того времени Соломон Рысинский, писавший, согласно ученой моде, на латыни, сочинил про Януша Радзивилла:

Сломлено не было мужество князя ни вражеским строем,
Ядрами, сталью, огнем и угрозами он не сражен.

Софья умерла во время родов в двадцатишестилетнем возрасте. Ее дочь родилась мертвой. Есть сведения, что до этого у них с Янушем умерло в младенчестве еще двое детей — Николай и Екатерина.

На надгробии сделали надпись: «1612 год, марта 19, представилася благоверная София княжна Слуцкая Олельковна Юрьевичовна Ольгердово племя и положена бысть в монастыре Святой Живоначальной Троицы».

Вскоре пошли слухи о том, что у гроба Софии совершаются чудеса. Ее стали считать покровительницей женщин, которые болеют, готовятся стать матерями... Разумеется, обращались к Софии Слуцкой те, кто мечтал о чистой и верной любви (а кто ж о ней не мечтает!). Мощи ее были обнаружены нетленными. Еще в XIX веке жители Слуцка спасались от бед, пронося их по городу с крестным ходом. Но настали времена «борьбы с мракобесием». 21 февраля 1930 года в Троицкий собор пришла уполномоченная комиссия. Проверяющие вскрыли раку, где хранились мощи. Признаков специального бальзамирования тела не было выявлено. Нетление назвали «типичным примером натуральной мумификации трупа». Как любопытный казус мощи святой княгини были доставлены в Минск в анатомический музей медицинского факультета БГУ.

Ныне же они находятся в СвятоДуховом Кафедральном соборе Минска и любой может подойти к ним с искренней молитвой.

В Собор белорусских святых благоверная София Слуцкая, женщина — рыцарь духа, была внесена в 1984 году.

СВЯТОЙ ПУТЬ
БРАТЧИКА ЛОНГИНА.
ЛЕОНТИЙ КАРПОВИЧ
(ок.1580–1620)

> Недавно собор белорусских святых пополнился еще одним небесным покровителем… Такие сияющие нам свыше имена, как Евфросиния Полоцкая, Анастасия Слуцкая, Кирилл Туровский, нам хорошо известны… Запомним же еще одно — преподобный Леонтий Карпович.

Исследовательница его жизни и творчества Любовь Левшун признается: «Сведения о нем в дошедших до нас документах той эпохи крайне скудны, а зачастую к тому же и неопределенны», так что приходится иметь дело скорее с «биографической гипотезой»…

Впрочем, в основе всякого предположения всегда лежат факты… Вот, например, фраза из поминального слова о Леонтии Карповиче: «Он о нищих, убогих старанье мел, о вдовах, маючи и сам выхованье с жебранины ненъдзной».

Можно представить, что Леонтию, получившему при крещении имя Лонгин, пришлось, как многим небогатым самородкам, самому пробиваться в жизни, получать образование ценой упорных усилий… Хотя принадлежал он к шляхетскому роду Карповичей. В 1503 году князь Федор Иванович Ярославич подарил своему «господарскому боярину» Карпу Карповичу остров Осов на Пинщине. Спустя годы в Пинской замковой церкви образовалась целая династия священников Карповичей… Скорее всего, был там священником отец Леонтия, а потом — его брат Андрей…

Лонгин рос болезненным ребенком. Рано остался без матери, потом — без отца. Где получал начальное образование — точно не установлено, возможно, в школе Пинского Лещанского монастыря… Известно, что в 15 лет Лонгин пришел в Виленскую православную братскую школу. Есть версия, что его устроил туда опекун и родственник Иван Карпович, член Виленского православного братства.

Здесь необходимо небольшое историческое отступление… Помните роман Владимира Короткевича «Хрыстос прызямліўся ў Гародні»? Главный герой его не зря называется Юрасем Братчиком. Православные братства возникли на белорусских землях в XVI веке… В них не существовало ни сословных разделений, ни, так сказать, гендерных, все должны были помогать друг другу, заботиться о

бедных и больных... Благодаря братствам действовали школы и типографии. Виленское СвятоТроицкое было одним из самых влиятельных, оно имело право «школу братскую в дому братском, языка греческаго, латинскаго и рускаго имети. Також и друкарню вся книги ветхаго и новаго завета по святых отец преданию печатати». Король Жигимонт III подтвердил законность братства, в которое вошли многие православные магнаты.

Школа существовала на средства, которые давали братчики, и частично на милостыню, собираемую на улицах (наверное, поэтому и упоминается о воспитании Карповича на «жебранину непъдзную»). Образование давалось блестящее, изучались греческий, латинский, церковнославянский, польский языки и «разные науки».

Но была провозглашена уния. Король запретил братству иметь своих священников, отобрал храм — братчики построили СвятоДухов собор неподалеку от места гибели святых Антония, Иоанна и Евстафия. Впоследствии там возник Виленский СвятоДухов монастырь, его первым архимандритом стал Леонтий Карпович.

Для юного Лонгина братство — его единственный дом. Леонтий разделял с братчиками все тяготы и тревоги. Став совершеннолетним, включился в общественную и религиозную деятельность. Поначалу его выбрали «шпитальным дозорцем», возлагая на него заботу о госпитале для бедных. Затем он стал писарем, был избран «церковным строителем» (чтото вроде казначея). Но подлинное призвание его — в богословии и деле книжном...

Братскую типографию возглавлял известный проповедник Стефаний Зизаний, выписанный из Львова, но ему пришлось покинуть Вильно, где его чуть не убили сторонники унии. И Карпович, «у мове грэцкай і лацінскай знакаміта беглы», занял место Зизания. Работал как типограф, корректор, переводчик, автор, комментатор — не существовало тогда профессиональных разделений. Со временем Леонтий Карпович стал сильным полемистом и проповедником. Иезуиты скупали его опубликованные выступления, чтобы сжечь, так что речи Лонгина ценились на вес золота. До нас дошли только три проповеди. Его ученик Мелетий Смотрицкий говорил, что «наука» Леонтия Карповича «подобно обоюдоострому мечу пронзала сердце и все внутренности вплоть до разделения души и духа, и до суставов, и до мозга костей».

Имелось у Лонгина еще одно ценное качество — он был шляхтичем древнего рода. То есть принадлежал к привилегированному сословию и мог выступать на сеймах, представляя интересы единоверцев. Так,

на варшавском сейме 1609 года он защищал православных, которых к тому времени уже причислили к изгоямдиссидентам.

Но главное испытание ждало Карповича, когда в типографии был напечатан «Фринос» Мелетия Смотрицкого, выдающееся полемическое произведение, направленное против унии. Оно наделало столько шума, что вмешался король, которому доложили, что в типографии Виленского православного братства печатаются антиправительственные произведения. Крамолу велено было сжечь, типогрфию конфисковать, виновных арестовать — правда, с оговоркой: тех, кто не шляхтич... Но Карповича без суда и следствия бросили в тюрьму. Два года пытались сломить его дух. Мучили, таскали по судам... От оков на теле Карповича образовались язвы, которые не сошли до конца жизни.

Но Лонгин не отрекся от своих убеждений. И... вышел на свободу. Что поспособствовало его освобождению? Есть разные версии. Возможно, то, что к тому времени Жигимонт III потерпел поражение в Московии и ему нужен был мир в собственной стране. А за Карповича заступались православные магнаты: Воловичи, Ходкевичи, Огиньские... К тому же узник после допросов был уже едва живым...

Когда Лонгин Карпович вернулся в братство, там был настоящий праздник... Отлежавшись и окрепнув, Карпович принял постриг с именем Леонтий. Вновь возглавил типографию, стал архимандритом монастыря и ректором братской школы. Он ее реформировал в соответствии с новейшими требованиями: теперь в ней было пять классов, «ад іх жа ў трох лацінская навука чытаецца, у чацвёртым беларуская, у пятым славянская і грэцкая мовы выкладаюцца». А в Минске, благодаря отцу Леонтию, появились мужской и женский СвятоПетроПавловские монастыри.

Как его на все хватало, да еще при слабом здоровье? Говорят, из своей кельи Леонтий Карпович не выходил без клепсидры — водяных часов,— чтобы не терять попусту время. Впрочем, дела земные он все равно ставил куда ниже небесных... Когда приходилось прервать молитву, горько рыдал. Даже если причиной был разговор с таким гостем, как князь Богдан Огиньский, выделивший землю для постройки новой типографии.

Здоровье архимандрита ухудшалось... Так же, как и положение братства. Знатные люди из него уходили. Сторонники унии, особенно студенты иезуитской академии, бросали в монахов камни, стреляли по окнам школы, пугали учеников... Забросали както кирпичами и отца Леонтия.

Архимандрит не смог даже поехать в Киев, чтобы принять сан епископа Брестского и Владимирского. Вместо себя послал Мелетия Смотрицкого, который был наделен там саном епископа Полоцкого.

Когда Смотрицкий вернулся, Карповича уже не было в живых, тело его шесть недель лежало непогребенным и… нетленным.

О святости преподобного Леонтия Карповича заговорили сразу после его смерти... Но времена становились все более жестокими, даже мощи святых виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия пришлось перепрятывать... Могила Леонтия Карповича так и вовсе не сохранилась.

В последние годы в минском СвятоПетроПавловском соборе о преподобном Леонтии, архимандрите Виленском, вспоминалось на каждой всенощной... И вот 15 мая 2011 года там же состоялось его прославление как местночтимого святого Белорусской православной церкви.

ПЯТЬ ЗАГАДОК АРТИЛЛЕРИСТА. КАЗИМИР СЕМЕНОВИЧ (?– ок.1651)

Река Тикыче была подо льдом: январь в Крыму выдался холодным. А на берега наползал, подобный войску призраков, черный дым. Казимир Семенович, артиллерист из корпуса адельсманов войска коронного гетмана Станислава Конец польского, как завороженный, вглядывался в клубящийся дым, который должен был прикрыть отступление врага. В дыму время от времени вспыхивали фейерверки — татары владели неизвестными литвинам тайнами пиротехники.

Да, искусство артиллерии — действительно высокое искусство, полное тайн... И совсем незаслуженно низведено до простого ремесла. Так что король Речи Посполитой Владислав IV Ваза был вынужден придумать привилегированный корпус адельсманов — артиллеристов, чтобы поощрить к службе в этом «низменном» роду войск шляхтичей и людей образованных. Но у Семеновича, бедного шляхтича и прирожденного ученого, комплексы по этому поводу вряд ли возникали. Он даже пошел против воли родителей, желавших видеть его политиком, а не «пушкарем», поскольку верил, что в артиллерии соединились все науки и искусства — от химии до графики, вся мудрость мира — от Пифагора до Декарта...

Едкий дым наползал на коронное войско... Изза него раздавалось «алалалаканье» татар... Солдатам было явно не по себе. Даже сам Семенович, знаток Аристотеля, Эвклида и Сенеки, так впоследствии опишет увиденное возле селения Ахматово у Синих Вод: «С помощью дьявола туманом и паром затемнили солнце на побоище».

Через год на стипендию короля Казимир Семенович отправится в страну мастеров — Голландию — учиться затемнять солнце и взрывать огнями ночь.

В 1650 году в Амстердаме на языке ученых — латыни — выйдет трактат «Великое искусство артиллерии», в котором будет описана многоступенчатая ракета, треугольное крыло и ракетная система залпового огня. А еще там будет рассказываться, как на Беларуси празднуют Купалье: «Собиралось огромное количество народа обоих полов и всех возрастов на улицах городов, а также на лугах, чтобы у множества зажженных костров ладить хороводы и веселые танцы».

(Не там ли, у купальского огня, зародилась любовь маленького Казимира к огню?) Исконно белорусские словечки в трактате станут международными терминами: «беркавец», «барыла»...

Тайна первая. Происхождение

Он называл себя шляхтичемлитвином. То бишь белорусом. Известно и то, что принадлежал к княжескому обедневшему роду Семеновичей, которые владели землями на Витебщине. Но гербом «Астоя», который Казимир Семенович в качестве своего родового герба поместил в трактате, пользовались многие шляхетские роды, а Семеновичей среди них не значится. Возможно, артиллерист испросил разрешения у владельцев герба использовать его: так делали многие, кто желал придать вес своим начинаниям. Где Семенович приобрел свое блестящее образование? Скорее всего в Виленской академии, но стопроцентных подтверждений нет. Король заботился о том, чтобы его «адельсманы» получали всесторонние познания. Он был прав, высоко ценя артиллерийское искусство. Открытие пушки ознаменовало конец эпохи средневековья. До этого каждый князь мог замкнуться в своем замке и положить рыцарскую перчатку на геополитические требования времени... Пушка пробивала считавшиеся ранее неприступными стены. Стали возникать могучие государства и империи.

Что познания Семеновича были в духе эпохи Возрождения, требовавшей универсальных гениев, не подлежит сомнению. Кроме физики, химии, гидравлики, оптики, акустики и так далее, он «изучил много искусств, как свободных, так и механических», а именно скульптуру, изобразительное искусство, граверное и литейное искусство. В своем трактате Семенович цитирует 200 авторов.

Тайна вторая. Уголовное дело

О личной жизни Семеновича мы не знаем практически ничего, зато знаем о его «преступлении». Такова история: любовь, дружба, семейные радости исчезают вместе с людьми, остаются зафиксированные в доносах и судебных протоколах злоба, ненависть, зависть... По возвращении из Нидерландов Казимир Семенович был обласкан королем, без сомнения, впечатленным его невероятной красоты и сложности фейерверками, и назначен инженером коронной артиллерии с окладом 100 золотых. Потом стал заместителем начальника артиллерии Польского королевства. Тут и

случилась неприятность... Началась очередная война с казаками. Пока непосредственный начальник Артишевский был в Гданьске, Казимир Семенович, согласно письменному распоряжению полковника Самуэля Асинского, выдал солдатам королевского полка, идущим на войну, 100 голландских мушкетов и 60 копий. Артишевский, вернувшись из Гданьска, был разъярен: почему вооружение выдано бесплатно? И стал требовать у подчиненного возместить ущерб. Видимо, Семенович не мог или не хотел этого сделать, считая себя правым (брать с идущих на гибель солдат деньги за оружие?!) Вскоре Артишевский нашел способ поквитаться со строптивым. 24 июня Семенович тоже отправился на войну — поехал во Львов с семнадцатью пушкарями и обозом. Прибыл туда же в середине августа и Артишевский. 24 августа Семенович подал отчет о том, что 24 879 золотых потрачено на уплату пушкарям и возницам, обеспечивавшим переброс артиллерии к местечку Плевцы. А в сентябре казаки Бориса Хмельницкого вкупе с союзниками — крымскими татарами — войско польское у тех Плевцов наголову разбили.

Казалось бы, на войне счет должен идти не на деньги, а на жизни... Но в ноябре Артишевский подал в сойм жалобу на Семеновича, якобы тот, когда писал отчет 24 августа, воспользовался гибелью пушкарей и возниц и деньги погибших присвоил себе. Как видите, даже в датах нестыковка... Отчетто писался до битвы! Откуда знаменитый артиллерист мог знать, что войско проиграет, что люди погибнут?

Припомнились и упомянутые копья и мушкеты... Долг вырос до 8 тысяч золотых.

Но, видимо, надуманность дела была понятна всем. Король Ян Казимир избавил Семеновича от выплаты долга. Разрешил выйти в отставку и уехать в Голландию. К славе и смерти.

Тайна третья. Смерть

О том, что Казимир Семенович умер странно, смертью преждевременной, писали все современники. Тут есть две основные версии. Первая — погиб во время своих опытов. Вторая — был убит вскоре после выхода трактата «Великое искусство артиллерии» собратьями по ремеслу. Ученому был вынесен суровый «внутрицеховой» приговор за то, что разгласил профессиональные тайны. О том, что научная открытость встречала ожесточенное сопротивление, можно судить даже по отрывкам из трактата, в

которых Семенович словно перед кемто оправдывается: «Если к горящей лампе приблизить тысячу не зажженных, чтобы они зажглись от нее, то первая лампа не потеряет ни своего масла, ни своего пламени... Я с полным искренности сердцем выявил то, что нечестно было скрывать... Я ж не ради награды, ни по какой иной причине, а даром даю то, что даром и получил, чтобы служить всеобщему добру».

Тайна четвертая. Судьба второго тома

Точно известно, что второй том «Великого искусства артиллерии» был написан. Там имелось семь разделов, посвященных истории старинной техники, устройству складов и укреплений, способам построения тайных ходов и подрыву стен... Однако самая интригующая — седьмая глава. Ее уникальность и значимость подчеркивал сам Семенович, обещая рассказать о некоем «универсальном пушечном приспособлении»: «Это моя новая находка, в которой содержатся все наши знания. Она одна превосходит многие другие приспособления и заменяет их все».

С помощью таинственного изобретения можно было бы измерять калибр орудий, вес и размеры как жидких, так и сыпучих веществ, прицеливать пушки и мортиры, измерять расстояния, высоту и глубину объектов и даже переносить плоские фигуры с листа бумаги на поле и наоборот.

Возможно, именно изза этого изобретения Семеновича и убили...

Очевидцы утверждали, что видели таинственный второй том в библиотеке князя Сангушки. В 1909 году историк Бронислав Гембажевски обнаружил рукопись в библиотеке Артиллерийского музея в СанктПетербурге.

Где она теперь, никто не знает... Может, все же содержалось в ней какоето особо важное открытие, в котором были заинтересованы сильные мира сего?

Тайна пятая. Каким же он был?

Это именно та эпоха, когда действовали мушкетеры Дюма... Так что потенциально генераллейтенант Казимир Семенович мог встречаться с кемто из них, хотя бы во время военных действий в Голландии. Как известно, именно там и погиб д’Артаньян — от пушечного ядра, сжимая холодеющей рукой маршальский жезл. А Казимир Семенович был удостоен ордена Звезды — скорее всего,

голландцы наградили или за «Великое искусство артиллерии», или за участие в осаде города Гульста.

На доступных нам изображениях Казимир Семенович не слишком красив. Длинноватый нос, резкие черты лица... Воин и ученый «в одном флаконе». Ясное дело, что приходилось ему много времени проводить в баталиях. Но, с другой стороны, это был и светский, придворный человек.

Артиллерист с душой философа и поэта... Замечательно, что мы вспоминаем о нем — слишком щедро на протяжении всей своей истории разбрасываемся талантами. И я верю, что загадки Казимира Семеновича постепенно раскроются.

СУДЬБА БЕЛОРУССКОГО РЫЦАРЯ. САМУЛЬ КМИТИЧ (?–1692)

Как возникают литературные образы, которые становятся узнаваемыми для поколений читателей? Алхимия искусства...

Возможно, польский романист позапрошлого века Генрик Сенкевич встретил имя знаменитого воина Самуля Кмитича в своих семейных архивах: во втором браке Кмитич был женат на панне из старинного белорусского рода Билевичей так же, как и Генрик Сенкевич. Впрочем, не мог мастер исторических романов не читать всевозможные военные хроники, в которых оршанский хорунжий Самуль Кмитич назывался «добрым жаўнерам» и описывались его воинские подвиги. По свидетельству польского исследователя литературы Яна Парандовского, «Сенкевич, обладавший, несмотря на хрупкое здоровье, военной и охотничьей жилкой, восхищался физической силой и искусством владения шпагой. С каким упоением наделял он своих героев тем, чего ему самому недоставало и о чем он тосковал в своих мрачных четырех стенах!.. Это вместо Сенкевича, вместо господина с бородкой, отчаянно бился Кмициц...»

Итак, несколько записей в архивах, воображение писателя — и на свет появился Анджей Кмициц, герой исторической хроники «Потоп», которого, между прочим, сравнивают с Тарасом Бульбой Гоголя. Тот самый Кмициц, которым восхищались Лев Толстой и «красный Кмициц» Феликс Дзержинский и который совершенно заслонил собой свой прототип...

А между тем прототип — наш земляк, оршанский шляхтич герба «Радич». Вообще, многие говорят о том, что в трилогии Сенкевича героевлитвинов, белорусов, украинцев больше, чем поляков... Это проблема нашей истории, нашего края, выживавшего на перекрестках войн и чужих интересов. Слишком легко мы уступаем своих героев соседям. К счастью, о Кмитиче потихоньку начинают говорить и белорусы: о нем писали Витовт Чаропка, Кастусь Тарасов, Геннадий Саганович. Но сам он не оставил мемуаров, и больше мы знаем о его старшем брате, Николае Кмитиче, поэте и педагоге. Тот окончил Полоцкую семинарию, учился в философской студии Пултуска, преподавал поэтику в Виленской академии, написал героическую поэму о смерти Иосафата Кунцевича. И умер в 1632 году

в возрасте 31 года, еще до того, как младший брат совершил свои воинские подвиги.

Также был знаменитый дед — Филон КмитаЧернобыльский, оршанский староста и смоленский воевода, военачальник и автор эпистолярной литературы.

Так что Самуль Кмитич имел неплохие гены. Можно предположить, что он, как и брат, получил хорошее образование. Но главное, чем он прославился,— выдающаяся личная храбрость и воинское благородство. Время с 1648 по 1667 год не зря называют потопом. Этот «потоп» унес половину жизней местного населения. Речь Посполитая воевала с Москвой, украинские казаки — с поляками, шведы, воспользовавшись положением, пытались отхватить земли себе... И бои происходили в основном на территории нынешней Беларуси. Летописцы говорят о некоем «одичании нравов», о безжалостной резне, которую устраивали войска в каждом захваченном городе. Беда края была еще и в том, что сама шляхта не могла договориться между собой. Постоянно создавались воинственные группировки, проливавшие кровь друг друга, бунтовали против короля, магнаты устраивали заговоры и присваивали деньги, предназначенные войскам...

Самуль Кмитич с самого начала войны оказался в войске Януша Радзивилла. Сразу нужно сказать, что Януш Радзивилл был чрезвычайно авторитетным в войсках и, кроме того, приверженцем независимости Великого Княжества Литовского от Речи Посполитой. Еще до войны в Вильно в присутствии короля он выкрикнул: «Прыйдзе час, калі палякі да дзвярэй не патрапяць,— праз вокны іх выкідваць будзем!» Именно поэтому варшавский сейм долго не хотел назначать Януша великим гетманом. Как утверждают все историки, Самуль Кмитич разделял взгляды своего военачальника.

Герой романа Сенкевича Анджей Кмициц, как вы помните, вначале предстает шляхтичем буйным и непутевым. Его отряд грабит и убивает местных крестьян на Оршанщине. Даже невесту свою Кмициц похищает. И впоследствии, не разобравшись в ситуации, дает клятву верности предателю Богуславу Радзивиллу, который собирается перейти на сторону шведов и сдать им короля. Только ценой осознания своего позора, мучений и неистовых подвигов Анджей возвращает себе доброе имя.

Самуль Кмитич, как уже было сказано, разделял взгляды Януша Радзивилла на независимость ВКЛ. Но все же, узнав о том, что великий гетман в противостояние королю Яну Казимиру признал шведскую протекцию, то есть в случае победы Княжество оказалось

бы под властью шведского короля Карла X Густава, инициировал создание антирадзивилловской конфедерации. И возглавил посольство к польскому королю Яну Казимиру. Самуль добился от короля обещания выплатить жалование его солдатам и разделить между ними имущество Радзивилла.

Разумеется, гетман возненавидел своего бывшего соратника. И задумал отравить Кмитича и его единомышленников. Оказать эту «услугу» гетману было предложено уряднику Герасимовичу. К своей чести, он от поручения уклонился.

Самуля Кмитича приближает к себе новый великий гетман Павел Сапега. Во главе своей хоругви Кмитич бьется со шведами у реки Сан, сражается с войском семиградского воеводы Юрия Ракоши, потом воюет в Украине, потом проходит по тылам московского войска в районе Березины, потом геройствует в Курляндии против шведов...

Судя по всему, Кмитич так же, как и вымышленный Кмициц, умел и фехтовать не хуже д'Артаньяна, и увлекать за собой людей. Солдаты его любили и уважали, а это предполагает определенные черты характера. И суровость, и справедливость, и непоказное мужество, и удаль, так ярко изображенную Сенкевичем. Например, в 1660 году в отрядах Кмитича начался настоящий голод. Власти не обеспечивали снабжение, не выплачивали жалованье... И тогда Кмитич, не побоявшись королевского гнева, увел своих солдат с фронта и опять создал конфедерацию. Правда, это не решило проблему: правительство Речи Посполитой не спешило каяться и призывать обратно своих солдат, и непонятно было, куда податься. Шляхта ожесточенно спорила, что делать дальше. Присоединиться к московскому царю? Но не все офицеры готовы были на это пойти...

Всякое было в воинской жизни Кмитича. Случалось, удача отворачивалась: под Друцком чуть не погиб, попав в засаду. Закрылся в какомто строении, отбиваясь, пока не подошли свои, уже к смерти готовился.

Ходил во многие походы.

Войну закончил полковником.

А потом, как, собственно, и Анджей Кмициц, женившийся на Оленьке Билевич, остепенился, занялся хозяйством и политикой.

Самуль Кмитич взялся за восстановление своих владений на Оршанщине, Минщине, Гродненщине. Строит мосты, дороги. Интересно, что Кмитич был представителем в сейме не только оршанской, но и минской шляхты, так что столица нашей страны тоже исторически связана с этим героем.

Анджея Кмицица мы воображаем не иначе как Даниэлем Ольбрыхским из фильма «Потоп». С другой стороны, если бы не этот образ, мы могли сегодня и не вспомнить о храбром оршанском шляхтиче.

МНОГОЛИКИЙ ЯНУШ. ЯН БЕЛОБЛОЦКИЙ (вторая половина XVII– начало XVIII в.)

> Когда ищешь сведения об этом человеке, в очередной раз сталкиваешься с проблемами культурного пограничья. То его называют философом, то — поэтом, причем украинским, белорусским, русским, восточнославянским, а то еще и путают с польским поэтомтезкой Яном Белоблоцким…

Делить в таких случаях личность на отдельные части — дело неблагодарное. Тем более уроженец Слутчины Ян, он же Андрей Белоблоцкий (в некоторых источниках Белобоцкий), действительно «засветился» во многих культурах…

«Потешние комедие с творцами и зрителями Век пременил в трагедие, вся днесь лежат под ногами…» — мрачно утверждал в своей барочной поэме «Пентатеугум» Белоблоцкий.

Что ж, для нашего земляка его эпоха действительно «пременилась» в театральное действо, где ему самому доставались разные роли.

У юного шляхтича со Слутчины Яна Белоблоцкого была замечательная возможность получить образование — в 1624 году Януш Радзивилл, которому в наследство от рано умершей жены, благоверной княгини Софии Алелькович, достался Слуцк, открыл здесь гимназию. София Слуцкая защищала православную веру, а Януш принял кальвинизм, и гимназия была кальвинистской. Образование высокого европейского уровня, потом — возможность его продолжить за рубежом… Ян не упустил свой шанс. Франция, Италия, Испания… Университеты, философские диспуты… И бурная жизнь Европы второй половины XVII века.

Во Франции правит Людовик XIV, происходят события романа Дюма «Десять лет спустя»… Точно не знаю, в какие годы гугенот Ян Белоблоцкий был во Франции, но теоретически он мог встречаться с капитаном королевских мушкетеров д’Артаньяном и генералом ордена иезуитов Арамисом… Еще вспомните, как героиня другого популярного романа Анжелика («маркиза ангелов») эмигрирует с гугенотамипротестантами, спасающимися от преследований, из Франции в Америку… А перед этим она, принятая за гугенотку, попадает в застенки инквизиции, и ей, как другим протестанткам,

ставят на плечо клеймо и обрезают волосы... Быть иноверцем в те времена было опасно...

Ян Белоблоцкий возвращается из Европы в родной Слуцк кальвинистским проповедником. Но на территории ВКЛ уже распространяется система образования иезуитов, борющихся за юные души. Коллегиумы и школы, куда можно поступить независимо от вероисповедания, пользуются огромным авторитетом... Иезуиты становятся влиятельны. И у кальвиниста Яна Белоблоцкого начинаются проблемы. Он уезжает в Могилев... Хочет основать там гимназию — не получается... Оказывается в Смоленске, принадлежавшем уже России, но и там его догоняет донос враговиезуитов о том, что он собирается открыть «еретическую школу». Белоблоцкий перебирается в Москву.

Ян надеется на работу в основанной Симеоном Полоцким Славяногреколатинской академии. Принимает православную веру, становится Андреем. Но получает только место переводчика в «посольском приказе». Обстановка в России в то время тоже непроста. Петр I еще маленький, власть — в руках его сестры, царевны Софьи, и ее любовника, князя Голицына. Князь, кстати, человек образованный и прогрессивный, большой поклонник короля Людовика Великого. В Россию с ее теремами и боярскими бородами проникают новые веяния. В Москве работает много «западных» ученых, прежде всего Симеон Полоцкий, который создает вокруг себя целую «команду» переводчиков и богословов. Греки, братья Лихуды, обучают типографскому делу... Приезд Белоблоцкого объясним, хотя о его истинной причине ведется много споров так же, как и о том, насколько Андрей Белоблоцкий был «правоверен»... Ему и самому пришлось пережить не одно дознание по этому поводу, суровый допрос Андрея Сильвестром Медведевым вошел в учебники. Конечно, вызывали подозрение призывы ученого, воспитанного в Великом Княжестве Литовском, где всегда сосуществовали разные конфессии и нации.

Во время пребывания в Москве Белоблоцкий не только переводит с латыни, но и пишет свои труды, среди которых «Краткая беседа Милости со Истиной», логикофилософский трактат «Великая и предивная наука Богом преосвященного учителя Раймунда Люллия». А главное — создает великолепный образчик барочной литературы «Пентатеугум, или Пять книг кратких о четырех вещах последних, о суете и жизни человека». Сохранилось «пятикнижие» чудом, в единственном списке. Создано оно на старославянском языке, с явным влиянием белорусского, на основе произведений немецких

поэтов. Говорится в «Пентатеугуме» весьма эмоционально о тщете земного бытия, о том, как несправедливо устроено общество, о грехах человеческих... Достается всем:

Горе гладким лицам женским, душам, сердцам, надеждам,
Гордящимся, аки павлин хвост, в прельщение мужам.

Подобные произведения о близящемся конце света и Страшном суде в то время были распространены и считались душеполезным чтением.

Начинается еще одна удивительная страница биографии Андрея Белоблоцкого. Не уверена, попадал ли еще хоть один уроженец Слуцка XVII века в Китай... Белоблоцкому такая возможность представилась. Впрочем, он пытался ее избежать — как раз работал над сложными переводами, сочинял трактаты... А в Приамурье у русских начались конфликты с китайским богдыханом за территории. Казацкие отряды не справлялись с усмирением местного населения, китайцы намекали, что собирать дань имеют право только они. Даже захватили и разорили город Албазин. Местный воевода Толбузин был с людьми своими отпущен, построил город в другом месте... Но и туда подступило китайское войско с пушками... В общем, решено было отправить на переговоры Великое посольство во главе с Федором Головиным, в сопровождении войска, разумеется. На толмачей с китайского был, мягко говоря, дефицит. Зато существовал универсальный язык — латынь. В Москве имелся знаток латыни — Андрей Белоблоцкий, приписанный к «посольскому приказу»...

И как поэт ни сопротивлялся, в 1686 году его включили в состав Великого посольства. Тем более в приказе, данном Головину, в одном из пунктов значилось: «Говорить с китайскими уполномоченными пространными и любовными разговорами». Решить надлежало наиважнейший вопрос: где быть границе между русскими и китайскими владениями? Желательно было провести эту границу по Амурреке.

Как пишет русский историк Сергей Соловьев, «только 9 августа 1689 года добрался Головин до Нерчинска, под которым уже стояли китайские великие послы... Для уговоров, как производить съезды, явились к Головину два посланца. Они были в китайском платье, китайских шапках, с бритыми головами, с косами, поклонились покитайски, но стали спрашивать, нет ли при после толмача, знающего латинский язык, они бы стали говорить полатыни; переводчик нашелся. Оказалось, что посланцы были отцыиезуиты,

один — испанец Перейра, другой — француз Жербильон; они просили извинения у Головина, что поклонились покитайски, а не так, как водится у христианских народов: что ж делать! Находятся они в китайской службе, и теперь с ними приехал китаец: чтоб не возбудить подозрения европейским поклоном!»

Упомянутым переводчиком был Андрей Белоблоцкий. Потрудиться ему пришлось немало. В тексте Соловьева через пару абзацев читаем: «Головин послал Белоблоцкого спросить китайцев: что это значит?», «отправил к китайцам опять Белоблоцкого с предложением границы по Албазин», «опять послал Белоблоцкого объявить китайцам, что соглашается постановить границу на том месте, где построен Албазин»... В общем, слутчанину довелось быть и дипломатом, и разведчиком, проявлять и хитрость, и твердость, подкупать, устрашать...

Ценой взаимных уступок стороны достигли соглашения.

На прощание отцыиезуиты, истосковавшиеся по европейской цивилизации, тайно передали с Белоблоцким письмо на французском языке, в котором просили русских прислать им «соболей, горностаев, лисиц черных на шапки, вина доброго, кур, масла коровья». Головин щедро выполнил их просьбу: и шкуры отослал, и ведро вина горячего, и пятнадцать кур, и полпуда масла... Иезуиты же «отдарили двумя готоваленками, в которых было по ножу, по ножницам и по размеру ценою по 10 алтын, двумя портретами французского короля на бумажных листах и книгою (книгу французского короля Вирсалии, напечатанную)».

Посольство Головина вернулось в Москву только в начале 1691 года, это была уже иная Россия, где власть перешла к молодому Петру I.

Дата смерти Андрея Белоблоцкого неизвестна. В 1698—1699 годах он написал «Книгу философскую», так что начало XVIII столетия, эпохи Просвещения, он успел встретить, застал и реформы Петра Великого.

ЖЕНЫ КНЯЗЯ ИЕРОНИМА. ИЕРОНИМ РАДЗИВИЛЛ (1715–1760)

Самым знаменитым тираном жен был, разумеется, Синяя Борода. Правда, маршал Жиль де Ре, послуживший прототипом сказочного персонажа, имел всего одну жену. Был близким сподвижником Жанны д'Арк, пытался спасти ее от казни, а после ее гибели отдавал огромные средства на прославление Орлеанской девы. Историки до сих пор спорят, действительно ли он совершал все те убийства, в которых его обвиняли, к тому же речь шла не о женах, а о детях, возможно, приносимых в жертву во время магических ритуалов, коими маршал увлекался. Еще два персонажа, находившиеся в сложных отношениях с женами,— английский король Генрих VIII и русский царь Иван Грозный. Тут уж действительно доходило до смертоубийства.

Были свои синие бороды и в белорусской истории. Самого известного из них сделал персонажем своей пьесы «Маці Урагану» Владимир Короткевич. Мать предводителя Кричевского восстания Агна так обращается к этому герою: «Вось што будзе з табой. Адна жонка, з Сапегаў, ужо ўцякла ад цябе. Жанчыны любяць тыранаў, але толькі не скупых, не халодных і не нудных, як свіная чума. Уцячэ і другая. І трэцяя. І ўсе — з вялікаю ганьбай для цябе, напладзіўшы табе сотні ворагаў... І ні ад адной бабы ў цябе не будзе дзяцей, бо Бог прakляне чэрава кожнай жанчыны на час, калі яна з табой. Не ведаю, ці хопіць у цябе сілы абгадзіцца ў чацвёрты раз?! І нішто з таго, што ты задумаў, не споўніцца. І ўсе будуць бегчы ад цябе, як бягуць з дома — нават калі дом гэты замак — пацукі ад пацука, якога злавілі, вымазалі дзёгцем і выпусцілі. І ты будзеш блукаць адзін бясконцымі замкавымі калідорамі і сутарэннямі, дзе шкілеты замучаных, і ніхто не падасць вады. Блукаць і смярдзець пры святле месяца. І ніводнай роднай душы...»

Жуткие слова, но исторически обусловленные. А обращены они к князю Иерониму Флориану Радзивиллу, жестоко подавившему Кричевское восстание, вспыхнувшее изза несправедливости князя. Как известно, у многих Радзивиллов были запоминающиеся прозвища: Рыжий, Черный, Пане Каханку, Рыбонька, Сиротка... Этот же Радзивилл вошел в историю как Жестокий. Похоже, был он просто помешанным — впрочем, то же говорят про всех безжалостных тиранов. Возможно, изъян в личности появился изза властной матери,

которая долго контролировала сына. Ее звали АннаКатажина. Красавица фрейлина в 16 лет была практически насильно выдана замуж за Кароля Радзивилла, 11 ее детей умерли. В Несвиже существовала даже легенда, что несчастная мать перевоплотилась в сову и прилетала на могилы детей. АннаКатажина, оставшись вдовой, перевоплотилась в настоящую бизнеследи, основывала производства, приумножала состояние... Благодаря ей Иероним Радзивилл стал одним из богатейших людей в государстве и мог закрыть рот любому суду... Налогов не платил, королевских указов не выполнял. Подземелья принадлежавшего Иерониму Слуцкого замка были переполнены заключенными, их крики Радзивилл Жестокий называл «лучшей музыкой». Мемуары изобилуют страшными подробностями самодурства. Например, ктото из слуг высказал желание «всегда быть на глазах у пана», и тот приказал его повесить под своим окном.

Побыв пять лет за границей и проникнувшись «прусским духом», Иероним создал войско, в котором была такая невиданная муштра, что даже наемные немецкие офицеры сбегали. Двоих из них поймали и сгноили в подземельях.

Иероним Радзивилл мог войти в историю как меценат, покровитель искусств. Театр, созданный по его приказу, был великолепен. Действовали, кроме драматической, балетная и оперная труппы, даже «шатеншпиль» — теневой театр. Но и в театре, и в театральной школе царила та же милая сердцу хозяина бесчеловечная муштра.

Однажды князь задумал поставить себе, родному, бронзовый конный памятник в Слуцке, ведь всерьез считал себя достойным короны. Нашли мастера... У Радзивилла был уже готов и проект. Величественный, как надлежит. Это был бы первый конный памятник в Беларуси. Но Иероним настолько достал мастера придирками и абсурдными требованиями, что скульптор сбежал, оставив послание, в котором доходчиво объяснял князю, что тот ничего не смыслит ни в литейном деле, ни в искусстве в целом.

Имелся у князя Иеронима гарем... Но нужно было продолжать род законным образом. Разумеется, никто особо не горел желанием выйти за человека, о котором в XIX веке Е. Карнович в книге «Очерки и рассказы из старинного быта Польши» писал так: «Князь хорунжий не был ни учен, ни храбр, ни набожен, не любил путешествий, не искал почестей и отличий, и потому сам не знал, что ему делать. От скуки он сделался мрачным, своенравным и жестоким в обращении с людьми, ему подвластными. Со всеми обходился он сурово и старался проникнуть каждого благоговением к своей особе», к тому же был

«высок, одутловат и совершенно лыс; острые черты лица и какоето дикое выражение глаз придавали физиономии его чтото отталкивающее. Он никогда не смеялся, но был всегда суров и пасмурен и вдобавок ко всему этому ужасно заикался».

Женщин князь ненавидел, наущал в мемуарах потомков избегать общения с ними, «каб не вадзілі за нос, як індыка». Но богатство и титул в матримониальных делах — факторы решающие.

Итак, познакомимся с судьбами красавиц, попавших во власть этого «милого» персонажа.

1. Тереза Сапега

Первую свою жену еще молодой Иероним Радзивилл выбрал сам. Ему понравилась молоденькая, красивая, веселая дочь надворного подскарбия литовского Сапеги. Поженились они в 1739 году, свадьба была пышной... Но вскоре Радзивилл Жестокий «остудил женщину своим мертвым характером». Он посадил ее под замок. Хоть она была не просто шляхтянкой, а дочерью магната! Связаться с отцом Терезе помог придворный лекарь Фридерик Бахстром. К недовольству Иеронима Радзивилла, коегде, согласно этикету, ему необходимо было показываться с женой. Например, на заседании Трибунала. Когда недружная чета Радзивиллов приехала в Минск, их ждал разгневанный Сапега. К чести отца, он смог защитить свою дочь. Не побоялся скандала, забрал Терезу у мужа... После ее свадьбы прошло всего два года. Процедура развода в то время была непроста, но в 1745 году Тереза с Иеронимом Радзивиллом развелась, а в 1752 году вышла замуж за Иоахима Потоцкого, с которым и прожила долгие годы. Расплачивался за все лекарь Бахстром. Когда он спрятался от Радзивилла Жестокого в Шацке, в имении Аскерков, бывший его господин не поленился привести туда свою армию... К счастью, местная шляхта мобилизовалась и дала отпор пришельцам.

2. Магдалена Чапская

Со своей второй женой, Магдаленой Чапской, Радзивилл поначалу старался быть любезным. Обещал вечную любовь, называл ласковыми прозвищами. Но хватило его ненадолго. Когда жена задержалась в Варшаве на несколько дней, стал угрожать, что в следующий раз она будет вынуждена ехать не туда, куда хочет, а туда, куда будет воля мужа, потому что ни слуги, ни кучер не станут слушать хозяйку. Как пишет Адам Мальдис, Магдалена превратилась из «душки» в

«крашеную лисицу», в ее адрес летели угрозы и ругательства вперемежку с нудными нравоучениями, на которые Иероним был особенно горазд. Чапскую ожидало такое же подневольное существование, что и ее предшественницу... Более того, наученный горьким опытом, Радзивилл перестал вывозить жену в свет вообще — отговаривался, что она якобы беременна, а жене заявил: «Блазенскім мужам і панам ніколі я не быў і не буду». Но история повторилась. Магдалена сбежала от Иеронима к матери через три года после свадьбы. Вслед ей долго шли витиеватые письма Иеронима, в которых тот уговаривал жену вернуться. Развод Магдалена получила в 1750 году, благополучно вышла замуж, прожила до 1763 года.

3. Анжелика Менчинская

Иероним женился и в третий раз. Видимо, очень не хотелось выглядеть ущербно — мол, все жены убегают. Ведь мнения о себе он был самого высокого. На этот раз выбор самодура пал на Анжелику Менчинскую, не самую родовитую невесту. Видимо, привередничать уже не приходилось. С новой женой он обращался так же, как с предыдущими. Держал под замком, никуда не вывозил. Опять вмешались родственники несчастной. К Иерониму Радзивиллу в Слуцк явился его зять, брат Анжелики Менчинской, и потребовал от князя достойного обращения с женой. Как же... Менчинские — не магнаты, можно было не церемониться. Радзивилл приказал схватить дерзкого родственника и вывезти его в карете «на авальных колах», то есть, чтобы потрясло как следует. Молодого Менчинского это, разумеется, не остановило. Вскоре ему удалось организовать сестре побег: Анжелика выехала на прогулку, а в условленном месте ее ждал экипаж.

Впрочем, она оказалась единственной из жен Иеронима Радзивилла, которая с ним не развелась. Просто не успела: он умер в 1760 году. Анжелика, как и предыдущие жены Иеронима, повторно вышла замуж.

Как предсказывала героиня пьесы «Маці Урагану», Радзивилл Жестокий умер в одиночестве и ненависти, в возрасте сорока пяти лет. Его хватил апоплексический удар во время службы в костеле. Детей он не оставил. Любопытно, что все это время одним из узников замка был брат Иеронима Мартин. Он с юности занимался природоведческими науками, потом увлекся алхимией, затем — черной магией, каббалой... Иероним объявил брата сумасшедшим, захватил его замок, причем во время штурма Мартин вдохновенно

играл на скрипке. Огромные богатства Мартина пополнили казну Радзивилла Жестокого, и безумец стал опекуном безумца. Так вот, в момент смерти брата Мартин сказал своей страже: «Иероним более не живет».

Спустя много лет историк и этнограф Александр Ельский увидел в фарном костеле Слуцка шкатулку, в которой хранилось забальзамированное сердце Иеронима Радзивилла. Сердце было изъедено мышами.

АМАРАТЫ,
РАЗБОЙНИКИ И КРАСОТА.
САЛОМЕЯ РУСЕЦКАЯ
(1718– после 1760)

Продолжаем путешествие в незнакомую Беларусь... Страну рыцарей и дам, философов и поэтов...

XVIII столетие. Век авантюристов. Эпоха плаща и кинжала. Страшные войны и балымаскарады, эпидемии и научные открытия, вольность нравов и просветительство...

Пожалуй, в истории Беларуси ярче всех воплотила дух этой эпохи судьба девочки из семьи новогрудского мещанина Евхима Русецкого, которой дали удивительное имя, отсылающее к библейской легенде и декадансу,— Саломея.

Итак, Саломея Русецкая... Автор увлекательных воспоминаний «Авантуры майго жыцця». Так что нам остается только цитировать да пересказывать...

Четырнадцатилетняя девочка, отданная замуж за немцалекаря Якоба Гальпира... Разумеется, немолодого. Какой же надо иметь несгибаемый характер и огромный талант, чтобы через несколько лет составить своему мужу профессиональную конкуренцию! И не гденибудь, а в Турции. Не в той, где пятизвездочные отели с системой «все включено». А в могущественной восточной державе первой половины XVIII века, с янычарами, гаремами и суровым соблюдением традиций.

Вскоре Саломея, научившись лекарскому искусству — не только от своего мужа, но и от знакомого иракского доктора,— получила официальное право лечить. Разумеется, женщин. Ведь по законам страны мужчина, даже лекарь, не имел права входить в чужие гаремы к чужим женам. А докторшахристианка — самый подходящий вариант... Впрочем, искусство Саломеи было таково, что к ее помощи прибегали и мужчины. Особенно хорошо удавалось ей лечить глазные болезни. И вскоре герр Якоб начал нервничать. Жена явно превосходила его в популярности на медицинском поприще. А между тем эта юная особа спасла его от верной смерти: когда умер важный чиновник, которого лечил Гальпир, именно Саломея выдвинула версию, что виноват конкурент ее мужа, который добавил в изготовленное им лекарство яд. Какимто образом ей удалось это доказать. Тем не менее муж сбежал от продвинутой жены, оставив ее в Стамбуле с маленькой дочкой. Впрочем, есть свидетельства, что

причиной столь недостойного поведения была нервная болезнь Саломеи: на нее нападали приступы, как считалось тогда, «традиционной женской болезни» — истерии, после которых больная впадала в паралич.

Русецкая осталась одна. Что бы вы сделали на ее месте?

Воспитывали дочь, работали, накапливая добро, благо была возможность лечить даже султанский гарем, и турецкий язык освоен... Саломея переоделась в мужской костюм, засунула за пояс пистолеты и (в сопровождении слуг, конечно) отправилась разыскивать мужа в Софию.

Так, вопреки обычной логике, она поступала всю жизнь. Иногда в смертельную опасность ее бросала любовь. Иногда — страсть к приключениям. Саломее, кстати, очень нравилось носить мужскую одежду, оружие... А метко стрелять она научилась еще в детстве.

Да, по дороге к мужу — еще «мелкое» приключение... Саломея попала в лапы разбойника Рыжего Хусейна. Но излечение разбойничьего родственника, умение произвести впечатление... И с богатыми дарами Русецкая прибыла в Софию. Муж там лечил в минеральных водах свои суставы... Жене обрадовался не слишком.

Ну и Бог с ним! Зато слуга мужа, итальянец, который работал лекарем у мальтийских рыцарей, знатоков эзотерики и тайных умений, научил ее латыни. И Саломея получила возможность выписывать настоящие рецепты. В общем, и в Софии Саломея прославилась своим искусством — и, в конце концов, стала лекарем гарема софийского паши. Якоб Гальпир окончательно оставил ее, уехал в Боснию и вскоре умер. Наследство позволило Саломее чувствовать себя более уверенно...

Но началась война. Саломея была свидетельницей резни, которую турки устроили болгарам и сербам, поднявшим освободительное восстание. Лекарша уехала из Софии в город Видзин. Там выкупила из турецкого плена несколько австрийских офицеров, как она сама уверяла, из жалости. Предполагалось, что родственники пленных компенсируют ей потраченные деньги... Так и произошло, только за одного, молодого офицера Фортуната де Пильштына, никто денег не прислал, и он остался при своей спасительнице...

Впрочем, вряд ли Саломею это обстоятельство сильно расстраивало. Поскольку это была очередная страстная любовь ученой дамы, впоследствии вышедшей за выкупленного пленника замуж.

А покамест у нее — новое испытание... Ей поручили лечить наследника венгерского трона Йозефа Ракачи, протеже турецких властей. Знатный венгр положил глаз на молодую лекаршу, но та

оказалась стойкой... Наследник обиделся и написал на строптивую донос, якобы та австрийская шпионка. Саломее пришлось бежать — с дочкой, слугами и пленником, даже не взяв паспорт. И опять — арест, и опять — спасение через лекарское искусство...

И вот Саломея со своим новоиспеченным мужем попадает на родину, становится лекаршей при дворе князя Радзивилла Рыбоньки...

И что она делает, осев на месте?

Правильно. Сразу же мечтает о дороге, о новых приключениях. Устроив дочь в монастыре, оставив мужа на его любовниц, Саломея уезжает в Россию. Нам, сегодняшним, трудно даже представить, с какими препятствиями встречался путешественник того времени, особенно дама, пускай в мужском костюме и с пистолетами за поясом. Но, как заметила писательница, автор исторических романов Ольга Ипатова: «Прынамсі, яна магла ўгаварыць мужчыну зрабіць тое, што ёй трэба. Прыкладам, у 1743 годзе яна, пераапрануўшыся ў сялянку, вырашыла прыехаць у Расію, у Кіеў. Угаварыла фурмана, каб ён яе туды прывёз. Яна ўгаварыла капітана варты, каб яе прапусцілі да губернатара. Урэшце, кінуўшыся ў ногі генералгубернатару Кіева Міхаілу Лявонцьеву — ваяку, панураму, злому, строгаму да жорсткасці,— угаварыла і яго. І ён, які хацеў пакараць і фурмана, і капітана, але не пакараць Русецкую, не змог гэтага зрабіць, бо яна іх не выдала».

В России Саломея добивается знакомства с царицей Анной Иоанновной. Лечит придворных дам... Потом уезжает, как пишет сама, под гнетом интриг и зависти... Во владениях князя Радзивилла, обиженного побегом лекарши, ее хватают и возвращают мужу. Через какоето время Саломея, беременная, но попрежнему неукротимая, убегает, снова оставив дочь «в надежных руках». На этот раз в Вену, к императору Карлу, с которого пытается «стрясти» деньги, потраченные на выкуп его офицера. В Вене Саломея рожает сына. Удается ей познакомиться со знаменитым императором Фридрихом Великим. Вообще, всю жизнь Саломея стремилась к знакомству со знатными личностями и это ей удавалось.

Вот в любви везения у нее было намного меньше. Следующая ее огромная страсть зашифрована инициалами «I.V. C. Z.». Саломея называла эту личность «амаратом», в традициях «куртуазной литературы». 18летний красавчик, не отягощенный моралью, Саломею он периодически обманывал и грабил, и даже во время ее отъезда, чтобы свободнее пировать, запер ее старшего сына в сыром подвале. Мальчик простудился и умер от воспаления легких.

И даже это Саломея «амарату», которому грозил суд, простила! Чтобы он опять ее обчистил до нитки и уехал на ее же санях...

Читая «Авантуры майго жыцця», иногда спрашиваешь себя: да могло ли столько событий произойти в одной жизни? Не придумано ли это по расхожим клише авантюрной литературы? Тем более что облик Саломеи Русецкой (в литературе я нашла только одно ее изображение) довольно зауряден... В XVIII веке существовал свой тип женской красоты: блондинка с черными глазами и осиной талией. Как описывал один из мемуаристов предмет своей страсти, «рысы твару мела цудоўныя, колер скуры алебастравы, ажыўлены чыста кармінавым румянцам, фігура гнуткая і тонкая, ручкі і ножкі дробненькія, у дадатак жа — голас і погляд, якія за сэрца хапалі».

Возможно, этот словесный портрет схож с легендарной лекаршей. С легкостью выхватывавшей пистолеты и дарившей страстные поцелуи. Стегавшей лошадей при уходе от погони и скользившей по паркету придворных балов...

Белорусский писатель Валентин Грицкевич сочинил о Русецкой книгу «Адысея наваградскай лекаркі». Драматург Сергей Ковалев — пьесу «Чатыры гісторыі Саламеі» Писали о ней авторы исторических эссе Ирина Масляницына и Микола Богодяж. Но, наверное, колоритнее самой Саломеи о ней рассказать невозможно. К сожалению, чем закончились «авантуры яе жыцця», мы не знаем: Саломея, описав свою жизнь, отправилась паломницей в Палестину. В ее планы входило посещение Египта.

Доехала ли она туда, что стало с этой Дамой нашей истории? Дофантазируйте сами.

ПРИЗРАК МИНСКОЙ РАТУШИ. МИХАЛ ВОЛОДКОВИЧ (?–1760)

Этого человека трудно назвать героем. В том смысле, что подлинно героических поступков на его счету вроде бы и нет... Зато подвигов в духе героев Дюмастаршего — сколько угодно...

Именно об этом персонаже писал Адам Мицкевич в поэме «Пан Тадэвуш». Возный Протас, обязанностью которого было доставлять судебные извещения, рассказывает о своей встрече с ним:

Ці як пасля таго другі ўжо чорт зяркаты,
Перад якім дрыжэлі шляхта і магнаты
На сейміках і нават суддзі з Трыбунала,
Пан Валадковіч здзекаваўся, і нямала.
Ён позву на шматкі парваў, схапіўшы з ножнаў
Рапіру, размахнуўся — тут абмерці можна — і крыкнуў:
«Альбо ты з'ясі сваю паперу,
Альбо я зараз жа ссяку тваю мазджэру!»
Прыйшлося для прыліку есці, бо з кіямі
Стаялі гайдукі ў дзвярах, а за плячамі
Акно расчыненае.
Возны, як у пельку,
Шугель у палісаднічак — ды ў канапельку.

В этом отрывке Михал Володкович предстает именно таким, каким его запомнили современники. Авантюрист и забияка, дуэлянт, любитель вина и дам, храбрый воин и патриот. Типичный герой эпохи романтизма. Наверное, как организатора шумных и жестоких забав его и любил магнат и дальний родственник Кароль Радзивилл по прозвищу Пане Коханку. А еще как бесстрашного и безжалостного бойца, которого можно было натравить на любого личного врага.

О Михале Володковиче писали многие. Наш литературовед Адам Мальдис, польский писатель белорусского происхождения Крашевский, мемуаристы Ходька, Матушевич, приближенный Володковича Белевич... Он стал героем народных баллад, как и другие колоритные личности вроде могилевского разбойника Машеки. Володкович с братом не стеснялись отобрать надел у бедной шляхты,

ударить безоружного... Все это вполне в духе того времени. Мемуаристы, которые зависели от могущественного Радзивилла, Володковича всячески обеляют, показывают невинным шутником... Адам Мальдис пишет о братьях Володковичах: «Безумоўна, гэта былі людзі неардынарныя, вынаходлівыя, энергічныя. Але іх энергія ішла яўна не ў той бок. Яны сталі ахвярай той жа самай «шляхецкай вольнасці», якая іх нарадзіла, якой яны верай і праўдай служылі».

Еще в юности Володковичу были не чужды буйные пиры. И, выпив, он каждый раз пытался вызвать на поединок дьявола или хотя бы упыря. Дело в том, что покровитель Володковича, Пане Коханку, слыл этаким белорусским Мюнхгаузеном и обожал рассказывать истории о своих победах над монстрами и демонами. Володкович не мог смириться с тем, что он — вояка хуже, и, напившись, носился ночами с обнаженной саблей по кладбищам, высматривая хоть какогонибудь монстрика.

Демоны не отзывались... Но есть вещи, шутить с которыми нельзя. Возможно, дальнейшая земная (и неземная) судьба Михала этому подтверждение.

А между тем неуправляемый Михал Володкович какоето время управлял Минском! Было на это его собственное волеизъявление... Но Минск обладал Магдебургским правом, то есть самоуправлением. Володковича не хотели допускать к власти. По легенде он пожаловался другу Радзивиллу, тот привел в ратушу солдат...

То, что Володкович получил власть, стал «трибунальским подскарбником», повлияло на его характер в лучшую сторону только на некоторое время. Вскоре лихие дебоши продолжились... И однажды Михал, зайдя в костел (нынешний кафедральный собор в Минске), услышал, как ксендз Облочинский изобличает его недостойное поведение. Володкович поклялся отомстить.

И во время следующей церковной службы прихожане услышали, что со стороны площади доносится невероятный шум: «Нешта звінела, бубнела, мэкала, трубіла, пішчэла, смяялася самымі незвычайнымі галасамі». Стараниями Володковича на площади оказались дрессированные медведи из Сморгонской «медвежьей академии», обезьяны и наряженные цыгане. Посреди площади стоял воз, на возе — бочка с вином. На бочке сидел Михал Володкович, который приглашал всех желающих отведать халявного алкоголя. Как вы думаете, кто после этого остался на службе в костеле?..

Впрочем, далеко не все поступки Володковича были столь невинны... Например, при неудачной встрече с ним можно было получить на месте «приветствие» в сто одну плеть — обычная

Володковичева порция, выдаваемая его верными гайдуками. Не щадил буян даже шляхту... А ведь вспомните пьесу ДунинаМарцинкевича «Пінская шляхта»: там обладающие гербами «лапцюжныя шляхцюкі» готовы были последнее отдать, дабы избежать позора плетей или хоть чтобы били не на голой земле, а подложив ковер...

Вот один из таких избитых, бедный сосед Володковича, у которого дебошир отобрал родительский надел, подал на него в суд... И Володковича осудили — далеко не все были сторонниками Радзивилла и его неуправляемых клевретов. В результате Володкович накинулся с саблей на трибунал, ранил одного из депутатов да еще, по свидетельствам, рубанул со страшными ругательствами по распятию... А по дороге домой разогнал похороны с монахамидоминиканцами, забрал музыкантов, навестил гауптвахту, побил окна в домах трибунальцев...

О том, что Володковича сговорились осудить на смертную казнь, его предупредили: у Радзивиллов было много «клиентов». Почему он не сбежал? То ли принял вызов, как ему мнилось, «нечистой силы», то ли был уверен в своей неприкосновенности как приближенного могущественного магната.

Однако его схватили, причем Володкович не преминул устроить побоище с руганью, когда его вытаскивали из зала суда, ухватился за дверные косяки так, что вырвал их... Его посадили в подвал ратуши на цепь. Михал не верил, что с ним осмелятся чтото сделать, даже когда ксендз Облочинский пришел его исповедать перед казнью. Но дебошира в ту же ночь расстреляли. Ему не было и тридцати лет.

Зависевшие от Радзивиллов мемуаристы пытались представить эту смерть как можно более романтически и христиански. Со слезным раскаянием узника, с чудесным заступничеством самой Девы Марии, с отскакиванием пуль от медальона с ее изображением... Впрочем, в деталях «обелители» расходятся. Поэтому скорее можно верить тем, кто вспоминал Михала Володковича как нераскаявшегося грешника...

Эта версия объясняет, почему после смерти он по легенде стал привидением и его неприкаянная душа поселилась в ратуше. Во всяком случае, есть достаточно много свидетельств того, что видели Володковича выглядывающим из окон этого здания.

Натуры, подобные Михалу Володковичу, можно встретить в романах Владимира Короткевича. Правда, писатель довольно безжалостно, с народнодемократических позиций, отзывался о шляхте... Особенно похож на Володковича герой повести «Цыганскі кароль». Колоритный сумасброд, объявивший себя королем цыган,

проводящий время в застольях и наездах на соседей, раздающий суровые приговоры подданным направоналево, и при чем здесь справедливость, если есть шляхетская воля…

Критики видят сходство с Володковичем и в персонаже белорусского фольклора боярине Бутриме Немире. Драматург Франтишек Алехнович написал пьесу «Бутрым Няміра», а Вацлав Ластовский — рассказ «Каменная труна». Главный герой рассказа буйствует в своем замке, пируя с дружиной и параллельно пытая подданных и врагов своих. Немира жестоко наказывает свою жену и молодого воина, обнимавшихся под яблоней. Из кишок шляхтича на глазах у провинившейся делают струны для скрипки, несчастная женщина, слушая игру скрипки на буйном пиру, умирает.

Поэтому следует ожидать, что образ Михала Володковича, авантюриста и забияки, жестокого и бесстрашного, еще появится в произведениях белорусских авторов.

РОКОВАЯ ПАНЕНКА СТРУТЫНСКАЯ. ЯДВИГА СТРУТЫНСКАЯ (первая пол. XVIII в.– конец XVIII в.)

В белорусской истории XVIII столетие отметилось столь ярко, что до сих пор остается полем находок и открытий и для ученых, и для литераторов, ищущих увлекательные сюжеты.

«Золотая вольница» шляхты, сорванные сеймы, шляхетские наезды и поединки и параллельно — появление мануфактур и театров в магнатских усадьбах, воплощенное в камне великолепное барокко. Трагическое и противоречивое время.

У каждой эпохи свой идеал женской красоты. Конечно, и в XVIII веке были свои оригиналы, настоящие женщинырыцари, гнувшие руками монеты и умело обращавшиеся с оружием. Сестра Пане Коханку Теофилия Радзивилл, например, билась, как опытный воин, в первых рядах войска. Но вообще Прекрасная Дама должна была быть хрупкой, с осиной талией — для этого корсеты затягивались до обморочного состояния. Вошли в моду платья«роговки» с необъятными юбками, лежащими на трех обручах из китового уса. В таком платье нельзя было даже руки выпрямить, приходилось держать их согнутыми в локтях (отсюда еще одно название особо пышной «роговки» — «локтевое платье»). Дама должна была быть с белоснежной кожей, но при этом с «карминовым румянцем». Как вы понимаете, эффекта можно достичь с помощью белил и румян. И еще истинная красавица — непременно блондинка с темными глазами. Напудренный парик, конечно, выручал, но сочетание всех требуемых черт... Это встречалось редко.

А вот в юной паненке Ядвиге Струтынской идеал женской красоты XVIII века воплотился полностью. И не только во внешности — и ее характер, и ее невероятная жизненная история вполне соответствуют «веку авантюристов».

Руки красавицы добился Ян Техановецкий, староста опсовский. Это сегодня Опса — небольшая деревня в Браславском районе. А в XVIII веке — местечко, центр староства. Ядвига Струтынская тоже была не из бедных. Отец, богатый сенатор, обещал за нее приданое 100 тысяч золотых — сумма очень достойная. Вот только не спешил обещанное отдавать. А когда дошло до расчета с зятем, оказалось, что тесть готов раскошелиться только на вдвое меньшую сумму.

Техановецкий оскорбился и потребовал развода. Причину найти было несложно: красавица Ядвига не отличалась благонравием. Была ли она действительно столь легкомысленна, как утверждал муж, или он, обойденный приданым, приписывал ей всевозможные грехи — не знаю, но, согласно некоторым источникам, развод ему дали. То есть свидетели «непрыстойных паводзін» Ядвиги были достаточно убедительны.

Между двумя родами — Струтынских и Техановецких — разгорелась нешуточная вражда.

Взрыв страстей случился во время очередного шляхетского сеймика в Браславе в 1756 году. Это неудивительно. Как пишет Адам Мальдис, «на кожным сейміку віно, гарэлка і піва ліліся ракой. Калі ж нейкую справу не ўдавалася вырашыць у застоллі, мірным шляхам, ракою лілася кроў. П'яная шляхта ўспыхвала як порах. Бойкі ўзнікалі нават у касцёле, дзе звычайна праводзіліся сеймікі».

Приехали в Браслав и Ян Техановецкий с братом. Шли они себе мимо дома Струтынских, как потом объяснял Ян, на охоту. То есть в полном вооружении. Действительно ли братья во время проведения сеймика собрались стрелять белок и валить вепрей или их цели были более воинственны, неизвестно. Бывший тесть увидел подлого зятя и... приказал стрелять по нему из окон. Яна Техановецкого ранили в ногу, а его брат был убит.

Можете представить, что началось в и без того «гудящем» городе! Шляхта разделилась на два лагеря. Ян Техановецкий, несмотря на ранение, возглавил своих сторонников, они захватили дом Струтынского... На счастье сенатора, он уже успел тайно уехать из Браслава. А тех, кто оставался в доме, схватили, связали и повезли в трибунал в Вильно. Ян Техановецкий опознал среди схваченных убийцу брата. К процессии, по свидетельству мемуариста Яна Матушевича, присоединились все чиновники Браславского уезда.

Но каждый шляхетский род существовал не сам по себе — он примыкал к лагерю когото из могущественных магнатов, чья воля все и решала в Речи Посполитой. Струтынские принадлежали к партии Чарторыйских, а Михал Чарторыйский был канцлером Великого Княжества Литовского. Поэтому Техановецкие дело проиграли.

А между тем в Речи Посполитой настали «смутные времена». После смерти Августа III за трон развернулась битва между магнатскими группировками. Победил Станислав Понятовский, в котором текла и кровь Чарторыйских, активно поддерживавших его кандидатуру. Решающим обстоятельством оказалось то, что Понятовский еще в бытность свою послом в России покорил сердце будущей великой

императрицы Екатерины II, она родила от него дочь Анну и сохранила к бывшему любовнику теплые чувства. Поддержка могущественных соседей решала многое. Но далеко не вся шляхта признала нового короля. Начались выступления магнатов, страну охватила война.

В 1764 году в своем имении Опса был убит Ян Техановецкий. А после его смерти владелицей Опсы стала его бывшая жена. Кстати, этот факт заставляет усомниться, был ли осуществлен развод или Ядвига официально оставалась женой Техановецкого?

Ядвига Техановецкая из Струтынских нового монарха признала... И притом всей душой. Вдова постоянно блистала на балах... И хотя была уже не столь юной, оставалась такой же прекрасной и завоевала сердце Станислава Понятовского. Король даже заказал себе на память ее портрет — то есть речь шла не о мимолетной интрижке. Хотя Понятовский, как известно, был любителем прекрасного пола. Говорят, российская императрица, возведя бывшего любовника на престол, запретила ему жениться, и Станислав это компенсировал многочисленными романами. С официальной своей любовницей, Эльжбетой Грабовской, он имел пятерых детей.

Ядвига Струтынская, видимо, тоже попала в интересное положение. Выход из щекотливой ситуации был простой — брак. Вот тут и нарисовался еще один персонаж — некто граф Мануцци.

Об Антонио Никколо Мануцци сведения остались противоречивые. Встречается упоминание о нем в мемуарах знаменитого Казановы — оба были беспринципными авантюристами. Мануцци приятельствовал с Понятовским, и ходили упорные слухи, скорее всего, имевшие под собой основание, что он был петербургским шпионом в Речи Посполитой. Вот за Никколо Мануцци Станислав Понятовский и просватал свою любовницу. Тут опять исторические источники расходятся: в одних говорится, что в благодарность король сделал Мануцци графом, в других утверждается, что графский титул Мануцци получил от Баварского курфюрста... Во всяком случае, молодожен не прогадал, в его владении оказались и опсовские земли, и прочие щедрые дары. Свадьба Ядвиги и Никколо Мануцци состоялась в 1773 году. Молодые поселились в имении Бельмонты, теперь это деревня Ахремовцы Браславского района. Ядвига родила сына, которого назвали Станиславом. Мало кто сомневался, что это был внебрачный ребенок короля.

После отречения Станислава Августа Мануцци пользовался благосклонностью новых правителей. Павел I утвердил его герб и пожаловал чин действительного статского советника.

Ядвига умерла раньше своего мужа, который стал ее наследником. А после его смерти все перешло к Станиславу Мануцци. Он женился на Констанции БроэльПлятер, но детей у них не было. Умер Станислав в 1823 году, и Опса с Бельмонтами остались во владении рода БроэльПлятеров.

Ядвига из Струтынских сыграла зловещую роль для рода Технановецких. Но один из представителей этого рода, Юзеф Технановецкий, стал адъютантом ее любовника Понятовского. Иногда можно встретить сведения, что в своем имении Бочейково Юзеф построил дворец специально для приема короля. На самом деле строительство дворца было начато раньше, чем туда мог бы явиться король. Но когда это стало возможно, дворец в ожидании монаршего визита был перестроен. Одна из спален даже называлась королевской, ее украшали зеркала в позолоченных рамах и хрустальная лампа из бронзы, а также огромная кровать под красным балдахином. Правда, говорят, Станиславу Понятовскому так и не довелось там почивать. В материале Адама Мальдиса о судьбе предметов искусства из Бочейковского дворца перечисляются картины, украшавшие его стены. Среди них много портретов Технановецких. А в «красном салоне» висело изображение Ядвиги из Струтынских. Черноглазой блондинки из Браслава.

Как пишет Адам Мальдис, этот портрет вместе с другими ценностями был в 1916 году перед наступлением немцев вывезен в одном из трех вагонов, загруженных имуществом Технановецких, в направлении Москвы… Дальнейшая его судьба неизвестна.

НЕВЕРНАЯ
ЖЕНА ПАНЕ КОХАНКУ.
ТЕРЕЗА РЖЕВУСКАЯ.
(1742/1749–1787)

> На сцене истории лучи рампы высвечивают только самых значительных персонажей, остальные же — их фон, окружение — остаются в тени. Между тем высвети какуюто из этих фоновых фигур — и вот еще одна интересная история, необычная судьба, и фарс, и трагедия.

Сегодня мы рассмотрим одну из таких личностей, ушедшую в тень ярко освещенной, колоритной фигуры, а именно князя Радзивилла Пане Коханку. О самом Пане сложено множество басен, ему посвящены серьезные исследования. Пишут и о некоторых личностях из его окружения, например, Михале Володковиче, призраке Минской ратуши.

Заслуживает внимания и вторая жена Пане Коханку, Тереза Каролина из Ржевуских.

Когда мы ездили на Львовщину, впечатлило посещение Подгорецкого замка, очень похожего на Версаль. Серые стены в потеках, поросшие мхом, еще сохранили свое величие... Островерхие башенки, стрельчатые окна, лестницы, по которым так торжественно спускаться в платьях с фижмами (обручи из китового уса).

Именно здесь происходили съемки сериала «Три мушкетера».

Здесь же, в роскоши и баловстве, выросла маленькая наследница Ржевуских Тереза Каролина. Вот только если проводить аналогии с романом Дюма, то походила она не на гордую королеву и не на кроткую Констанцию, а на прекрасную и жестокую Миледи.

Дебют в свете получился блестящим, красавица Каролина могла претендовать на самую лучшую партию... Ее отец Вацлав Ржевуский был великим гетманом коронным, имел богатства и власть. Но хотя выбранный для Терезы жених по рангу ей соответствовал — сам Кароль Станислав Радзивилл, воевода Виленский,— Каролина особой радости не выказывала. Пане Коханку, хотя и считал себя первым красавцем — а как же, целая рать подхалимов в этом убеждала,— был тучен, от обжорства и пьянства краснолиц, а главное — характер имел сложный. Даже его добродушные шутки нередко заканчивались чьейто смертью. Первая жена Мария Любомирская от князя сбежала.

Но свадьба с Терезой состоялась — в роскошном Подгорецком замке, фамильной резиденции Ржевуских. Молодые недолго прожили

вместе. Радзивилл любил свой Несвиж. А Тереза продолжала ездить по балам, флиртовать, пускать деньги на ветер. По свидетельству современников, Кароль Радзивилл даже прятался от нее какоето время в монастыре. Причем Тереза устраивала не только амурные скандалы, жестокостью она явно превосходила мужа. В ее спальне была железная клетка, куда пани приказывала сажать недругов. Видимо, ей нравилось ночью слышать их стоны, совсем как родственнику по мужу — Герониму Радзивиллу по прозвищу Жестокий. Но явственнее всего проявилась натура Терезы Каролины, когда ее всемогущий муж Кароль Радзивилл попал в опалу. После смерти короля Августа III корона в результате ожесточенной борьбы досталась Станиславу Августу Понятовскому, протеже российской царицы, поддержанному партией Чарторыйских, давних противников Радзивиллов. Тогда Кароль выступил против нового короля, которому на подмогу были присланы войска из России. Дошло до вооруженных стычек. В результате Радзивилл был вынужден уехать за границу, его имения конфисковали. А молодая жена за ним в изгнание не поехала, предпочтя красоваться на балах у Понятовского в Варшаве. И даже давала читать королю, с которым была в самых приятельских отношениях, все письма, написанные мужемизгнанником. Радзивилл жаловался своему тестю: «Да тых перажыванняў і клопатаў маіх, найвялікшае адчуваю ўмяртвенне, калі нават уласная жонка, якая абавязана дзяліць шчасце і няшчасце з мужам, адвярнулася і пакінула мяне...»

Но самое мрачное дело Каролины Радзивилл было связано с именем небогатого шляхтича Чешейко. Об этой темной истории я нашла противоречивые сведения. Ясно одно: шляхтич по приказу Каролины был обезглавлен в ее замке в селе Белый Камень.

Что же произошло между прекрасной Терезой и бедным шляхтичем?

По этому поводу существует легенда, поведанная писателем позапрошлого века Евгением Карновичем в книге «Очерки и рассказы из старинного быта Польши». Называется рассказ «Нитка жемчуга». Попытаемся понять, что в нем могло бы соответствовать историческим фактам.

Дело происходило уже после того, как князь Радзивилл вернулся из изгнания и вновь поселился в Несвиже. Его жена между варшавскими балами жила в Белокамском замке, в который беспрестанно съезжались гости, где пировала золотая варшавская молодежь и кавалеры наперебой пытались добиться благосклонности

прекрасной пани. А та флиртовала вовсю… В описываемое время фаворитом Терезы Каролины был шляхтич по фамилии Кулеша.

И вот в шумный замок приехал посланец от забытого мужа. Этим посланцем и был злополучный Чешейко. Шляхтич видный собой, молодой, смелый. Согласно версии Карновича, среди придворных дам Терезы Каролины Радзивилл была его невеста Саломея.

Поручение от своего господина Чешейко имел неприятное. Ну, вопервых, разведать, насколько неправедную жизнь ведет пани Тереза. Вовторых, Радзивилл, взбешенный доходившими до него слухами о поведении жены, в то время как он вел ожесточенную политическую борьбу, предлагал Терезе уйти в монастырь. И пану Чешейко предписывалось изъять у неверной супруги князя подаренные ей на свадьбу драгоценные жемчуга.

Услышав о монастыре, вспыльчивая пани чуть не запустила в дерзкого посланца графином с водой. А вот жемчуг емутаки удалось у нее забрать, оставив взамен расписку. Впрочем, Тереза Каролина не просто так уступила свои сокровища… Вскоре по отъезде Чешейко пани объявила, что гость ее обокрал, и отправила за вором погоню, возглавляемую Кулешей.

Княжеского посланца схватили, жемчуг при нем обнаружили. Объяснений, разумеется, слушать не стали. Связали, бросили в телегу, привезли в замок. Тут же пани организовала скорый и неправедный суд, вердикт которого гласил: смертная казнь через отсечение головы. Вот только исполнителей приговора не находилось, хотя крестьянам обещали за это увольнение от барщины на всю жизнь. Наконец нашли в местечке (по всей видимости, Львове) какогото мясника, который по пьяному делу и отсек голову бедному Чешейко прямо в подвале.

Невеста казненного, которую жестокая пани заставила шить для жениха смертную рубаху, ушла в монастырь.

Дело шляхтича Чешейко получило огласку. Родственники погибшего требовали расследования. В это время Тереза из Ржевуских развелась с князем Радзивиллом и уехала в Австрию, в Вену, подальше от неприятностей. Здесь она вдруг сделалась чрезвычайно набожной. Впрочем, посещала в основном дворцовую капеллу. Императрице понравилась благочестивая чужестранка, она приблизила ее к себе, наградила орденом. Дело о казни Чешейко совсем замяли.

Евгений Карнович украшает рассказ многочисленными сентиментальными подробностями… И, разумеется, по законам жанра зло должно быть наказано: «Судьба, однако, покарала княгиню. Разведшись с князем, она вышла потом замуж за какогото бездомного

француза, и в глубокой старости эта представительница знаменитого гетманского рода, отвергнутая всеми, скиталась около Белокамского замка, питаясь скудным подаянием».

Вот только, согласно фактам, умерла княгиня в 1790 году. Если учесть, что датой ее рождения ставят 1740е, легко подсчитать, что было ей никак не более 50 лет, а это трудно назвать глубокой старостью. В «скудное подаяние» тоже не верится. Конечно, средств у Терезы Каролины под конец жизни было, наверное, меньше, кареты — попроще, бриллианты — помельче. Но не ходила дочь и внучка гетманов босиком на паперть. В исторических исследованиях значится, что в замке в селе Белый Камень она жила до самой смерти.

Но в книге польского историка Станислава Василевского «Позорные процессы. Зарисовки из судебных хроник века Просвещения» процессу шляхтича Чешейко посвящена отдельная глава под названием «Преступление жены виленского воеводы».

Как видите, Тереза Каролина Ржевуская действительно более всего напоминала Миледи... По иронии судьбы на территории Подгорецкого замка, где она выросла и вышла замуж, снимали сцену с казнью Миледи бравыми мушкетерами, а ведь убили ее точно так же, как по приказу Терезы Каролины в свое время — шляхтича Чешейко. Теперь возле Подгорецкого замка снуют любители паранормальных явлений: якобы возле двери в подземелье можно иногда видеть призрачную фигуру человека. Хотя казнь бедного Чешейко состоялась в другом замке, в селе Белый Камень тоже на Львовщине, не напоминает ли казненный и здесь, в родовом замке своей погубительницы, о несправедливой истории с жемчугами? Тем более что на месте Белокамского замка сегодня — даже не руины, а футбольное поле. Приличному призраку там появляться, видимо, неудобно.

**НЕУКРОТИМАЯ ТЕОФИЛИЯ.
ТЕОФИЛИЯ РАДЗИВИЛЛ
(1738–1818)**

Избрание нового короля Речи Посполитой Станислава Понятовского, не признанного многими магнатами, привело к вооруженным стычкам. 1764 год. Под Слонимом ведут бой войска князя Кароля Радзивилла по прозвищу Пане Коханку, который был против коронования Понятовского, любовника русской царицы. В первых рядах радзивилловского войска орудует саблей воин, до странности хрупкий, но отважный. Товарищи стараются по возможности его заслонять, беречь... Видимо, это очень важная персона! Впрочем, не только этот юноша смел — чудеса храбрости проявляет подхорунжий Игнатий Феликс Моравский, и юный воин время от времени пытается найти его взглядом.

Потом, когда закончится бой и загадочный юный воин удалится туда, где его не увидят чужие глаза, он, конечно, снимет шляпу, и на плечи упадут кудри. Да, это женщина. Теофилия Констанция Радзивилл, сестра князя Пане Коханку. Одна из самых родовитых и богатых невест Великого Княжества и Польши. А в памяти Теофилии — совершающий подвиги бедный подхорунжий Моравский...

Теофилия и Кароль были единственными выжившими детьми «звездной» пары — гетмана Михаила Радзивилла Рыбоньки и Уршули Франтишки Радзивилл, поэтессы и драматурга. Хотя Уршуля беременела, согласно записям мужа, 33 раза.

Для шляхты очень важно было иметь наследника мужского пола. Так что, когда появился маленький Кароль, все внимание родителей было отдано ему. Теофилия росла в тени брата. А того вконец испортили непомерной опекой: даже уроками драгоценного ребенка боялись напрягать. И читать Кароль научился только благодаря хитроумию учителя, предложившего стрелять по мишеням с нарисованными буквами.

Теофилия была достойной дочерью своей матери: играла в ее театре, сама пробовала писать, музицировала, пела... А уж какой темпераментный характер имела — можете сами догадаться. Впрочем, дамы наши нередко в тот авантюрный век были воинственными и нравов придерживались вольных. Както Теофилия написала своему брату о светских новостях: «Паведамляю з Вільні, што на рэдуце быў адмысловы паядынак. Дзве маладыя паненкі, Гарадзенская і Краеўская, абедзве ладныя, пабіліся ў пыскі за першае

месца ў танцы і яшчэ ў сварцы засталіся — не ведаю, можа да паядынку дойдзе. В. к. мосць пэўна патрафіў бы іх сваёй зброяй, што пад пасам носіш, пагадзіць».

Вот так свободно изъяснялась паненка со своим братом. Неудивительно: ей было пятнадцать лет, когда осталась без матери. Брат постоянно устраивал пьяные дебоши, его друг, князь Пац, приставал к юной Теофилии... В общем, характеру было где закалиться.

Поэтому, наверное, вас не удивит дальнейшее развитие сюжета: после битвы под Слонимом Теофилия бросилась в ноги брату с просьбой дать согласие на брак с Игнатием Моравским. Радзивилл же считал это недостойным рода мезальянсом. И тогда Теофилия сбежала со своим возлюбленным во Львов, где их обвенчали. Причиной столь решительного поступка была не только горячая любовь, но и интересное положение невесты.

Пане Коханку был в ярости. Он отправил сестре гневные письма в витиеватой манере того времени: «Гэты нешчаслівы момант заблытаў неабдумана пачуцці в.м. пані, апаганіў каштоўныя скарбы майго дома, прынёс такім подлым спалучэннем вечную ганьбу і пляму, якую ніколі не сцерці; кожны ўспамін пра яе выціскае мне з вачэй слёзы і суровай крыўдай сэрца з грудзей вырывае». Теофилия в долгу не осталась и припомнила брату его увлечение тоже нижестоящей особой, а именно дочерью униатского священника Каэтана Выговского: «Можна ж было в.к. мосці і мужчыне ісці за пачуццём і страсцю, загадваць даць сабе шлюб у Нясвіжы з адной маёй прыдворнай паненкай, а калі я, па натуры слабейшая дама, так горача і неабдумана паступіла, в.к. мосць у гэтым вялікае злачынства бачыць».

Как ни гневался Пане Коханку, от родной сестры отрекаться не стал, к тому же его уговаривали, что родившийся у Теофилии ребенок станет наследником рода. Кароль Радзивилл признал брак сестры, подарил ей имение Заушье, а зятю выхлопотал генеральское звание. Вскоре у Игната и Теофилии Моравских родился сын, которого назвали Кароль, видимо, желая угодить свояку. Игнатий Радзивиллу пригодился: например, представлял его интересы на Барской конфедерации, выступавшей против короля.

Войска Пане Коханку потерпели сокрушительное поражение. Новые власти отобрали у него имения, и Радзивилл оказался в изгнании. В 1773 году на встречу с ним в Страсбург отправился его зять, а в 1775 году приехала и Теофилия вместе с сестрой мужа Марианной Моравской.

Отсюда начинается их путешествие по Европе, профинансированное Пане Коханку. О своем вояже Теофилия оставила интересные мемуары. В Берлине она посещает медицинскую академию, где ей показывают скелет умершего солдата и коллекцию человеческих эмбрионов. В Потсдаме встречает Фридриха Великого и обозревает великолепный дворец СанСуси. В Цюрихе Теофилию удивляет богатая библиотека, книгами которой может пользоваться любой местный житель. Два месяца Теофилия проводит в Париже. Ее поражают большие витрины магазинов, которые придают особую красоту выставленным товарам, и то, что купцы в этих ярко освещенных магазинах сидят за полночь. Путешественница обо всем подробно пишет брату. Затем Теофилия с золовкой и еще одним родственником, Альбрехтом Радзивиллом, на шести повозках отправляется через альпийский перевал МонтГеню в волшебную Венецию. Начинается знакомство с Италией. В Риме Теофилия оказывается на археологических раскопках и удостаивается аудиенции Папы. Посещает Неаполь, поднимается на Везувий... Коечто из приобретенных по дороге редкостей отправляет на родину, для пополнения коллекций.

До конца жизни Теофилия была деятельной и энергичной. Есть сведения, что она состояла в женской, «адапцыйнай», масонской ложе «Идеальной верности» в Вильно. Такие ложи наперекор запретам появились на территории Речи Посполитой, входили туда самые родовитые и увлеченные политикой дамы.

История Теофилии МоравскойРадзивилл продолжилась и после ее смерти. В 1791 году у нее родилась внучка, которую назвали в честь бабки. Она вышла замуж пятнадцати лет от роду за Юзефа Стрезневского. В имении бабки Теофилиямладшая встретила своего двоюродного брата, Доминика Радзивилла, владельца Несвижа, который тоже был женат — на представительнице рода Мнишков Эльжбете. Между двоюродными братом и сестрой вспыхнула такая пылкая любовь, что они вместе уехали в Вену. Правда, есть менее романтическая версия: Юзеф Стрезневский проиграл жену Доминику Радзивиллу в карты, поставив ее против 20 тысяч золотых. Впрочем, даже если это и не миф, Доминик все равно был влюблен в прекрасную ветреную кузину, блиставшую на великосветских балах, и хотел заполучить ее любым способом. Чтобы добиться разводов и разрешения на брак, Доминику пришлось потратить фантастическую сумму в два миллиона золотых. Первенец беглой четы Александр родился в високосный год 29 февраля и считался бастардом, незаконнорожденным. Дочь, Стефания, была уже узаконена...

Свадьба состоялась в Минске. Но спустя несколько лет, в 1813 году, Доминик, воевавший на стороне Наполеона, умер от ран. Впрочем, Теофилиямладшая никогда не оставалась долго одна. Ее в светских кругах называли «вечно чьято любовница». Какоето время Теофилия была женой графа Чернышева, но и с ним развелась, заявив императору Александру, что муж убивает ее своей скукой.

Дочь Теофилии Стефания блистала при российском дворе. Мать бросила ее в шесть лет, сбежав с очередным любовником, и Стефания воспитывалась как сирота в пансионе при царском дворе, ведь ее крестной была сама императрица Александра Федоровна. Юной княжне Радзивилл не очень приятно было знать о любовных приключениях постаревшей матери, выпрашивавшей у нее деньги.

Теофилия, внучка Теофилии МоравскойРадзивилл, умерла в 1828 году от чахотки, перед смертью ее обобрал молодой любовник. Остался ее портрет в полуобнаженном виде в образе античной богини Геры, написанный художником Юзефом Пешкой. Стефания, ставшая женой графа Витгенштейна, пережила мать на четыре года.

ДВОРЕЦ ДЛЯ РОЗЫ. КРИСТИНА САПЕГА (?–1772)

> Когда вытаскиваешь из полотна истории какуюто сюжетную нитку, за ней обязательно тянутся другие... Не менее пестрые и интересные.

Когда я писала о «веселом вдовце» Яне Михале Сологу бе, его сватаниях и женитьбах, то упомянула любопытный эпизод. Уже немолодой Ян посватался к вдове мстиславского воеводы Юрия Сапеги Теодоре из Солтанов. Причиной было немереное богатство вдовы, за которое шли тяжбы между Радзивиллами и Сапегами. Разменной монетой в этих спорах, как водится, стали свободные невесты... Для дочери Теодоры — Кристины Розы — каждая магнатская партия предлагала своего жениха. Радзивиллы — представителя собственного рода Станислава, Сапеги — Казимира Масальского, старосту Волковысского. Вдова торговалась, подавая надежды обоим претендентам. Ян Сологуб, имевший тридцатилетнего сына, вклинился в эту битву оригинальным образом: сделал предложение самой Теодоре. Получил отказ, но магнатов прогневал.

Поговорим подробнее о судьбе Кристины Розы.

Для начала, немного об истории приданого невесты. Ее отец, Юрий Станислав Сапега, был женат дважды. Первый брак, заключенный в 1686 году с Изабеллой Полубинской, принес ему огромные богатства: владения дереченские, ГорыиГорки, Зельва, Баркулабово, Лоев, Любич, дворец в Вильно, двор в Слониме и прочее. Разумеется, на все эти хозяйства были и другие претенденты. Княжеские семьи судились несколько лет, тяжбы, как обычно, порождали сплетни, зачастую специально распускаемые противниками. Например, упорно ходил слух, что Изабелла отравила своего младшего брата, чьей опекуншей должна была быть, и таким образом завладела отцовским наследием.

Юрий Сапега привез молодую жену в Ружанский дворец. Она родила ему несколько детей, в том числе единственного наследника мужского пола, Антония Казимира. Умерла Изабелла в 1721 году. И Юрий Станислав женился во второй раз, на уже знакомой нам Теодоре Солтан. Вот в этом браке и родилась Кристина Роза. Я читала почти детективную историю о том, что Теодора была Кристине не матерью, а злой мачехой, интригами лишившей падчерицу наследства. Но по доступным мне историческим документам все же

выходит, что Кристина была единственной дочерью Теодоры и наследство получила.

Есть также легенда, что Ружаны были названы Юрием Сапегой в честь двух любимых дочерей — Ружи и Анны. Но Сапега купил Ружаны в 1598м, до появления Розы. И, скорее, дочь назвал в честь своего владения.

Юрий Сапега завещал Ружаны, а также много другого именно Кристине Розе. Возможно, как раз благодаря влиянию жены. Естественно, сын, Антоний Казимир, узнав об этом уже после смерти отца, во время изучения завещания, был очень недоволен.

Итак, после заседания двух Трибуналов 1741 и 1742 годов, магнатских разборок и вынужденных соглашений судьба наследства мстиславского воеводы решилась. В 1746 году Кристина Роза стала пани Масальской, протеже Сапегов. Согласия невесты, как водится, никто не спрашивал.

Как ей жилось в замужестве — тоже существуют противоречивые версии. Согласно одной, молодые ладили, перестраивали Ружанский дворец. По другой версии, Кристина страдала, поскольку Казимир был маленький, невзрачный, вздорный человек, а его отец, свекор Ружи, слыл отъявленным скрягой.

Впрочем, вот факты: пока молодые жили в Ляховичах, принадлежавших Масальским, дворец в Ружанах перестраивался по проекту королевского архитектора Яна Жигимонта Дэйбля. При Масальских в Ружанах возник настоящий центр музыкального искусства, давались концерты, театральные представления. Жил там брат Казимира Масальского Игнатий, священник. Он считался одним из самых образованных людей своего времени, был доктором философии и теологии.

Являлся ли Казимир Масальский, как ходили слухи, пьяницей и картежником? Если и так — ничего в этом исключительного. Нравы шляхты XVIII века были таковы, что человек, уклоняющийся от излишеств, выглядел белой вороной... «Планку» показывал двор некоронованного короля — Радзивилла Пане Коханку. Бесконечные пиры, на которых упивались до смерти, водные баталии на специально вырытых каналах со стрельбой настоящими снарядами, пресловутая поездка летом на санях по насыпанной соли, жестокие розыгрыши гостей: например, вместо официантов могли подослать дрессированных медведей... Что касается самого хозяина, по свидетельству польского мемуариста Китовича: «Нічога не каштавала яму стрэліць чалавеку ў лоб, нібы сабаку, такія здарэнні лічыліся ў доме і ў сям'і Радзівілаў нечым звычайным... Нечакана грукнуць ззаду

кіем, у час піцця ўбіць келіх у рот, каб аж захлынуўся чалавек, наліць ззаду за каўнер віна таму, хто марудна п'е, моцна стукнуць галовамі ў час размовы — каб аж выскачылі на лбах гузы, выкідваць розныя фіглі з абразай для жаночага сораму — вось самая прыемная забава Радзівіла».

Нелишним будет напомнить, что Масальский своей женитьбой помог Сапегам одержать верх в деле о наследии мстиславского воеводы и вряд ли был любимцем Радзивилла. Еще Масальские были причастны к суду и расстрелу друга Кароля Радзивилла, буйного Михала Володковича. Когда к Пане Коханку пришел наниматься солдат и сказал, что он служил в полку Масальских, Радзивилл заорал: «Расстреляли Володковича!» — и чуть беднягу не убил.

Тем не менее в 1756 году Казимир Масальский получил приглашение от Радзивилла на большую княжескую охоту... Вот тамто и случилось несчастье. На Казимира шел разъяренный медведь, пули летели мимо, и, если бы не шляхтич из радзивилловского окружения по фамилии Сурвила, случилось бы непоправимое. Сурвила зверя пристрелил, и спасенный Масальский вечером на привале отблагодарил его щедро — горстью золотых монет.

Пане Коханку, узнав об этом случае, не упустил возможность унизить Казимира. Он заявил, что награждать своих приближенных может только он сам, и тут же торжественно подарил Сурвиле имение на Слутчине и сто золотых монет на обустройство.

Разумеется, дар Масальского на этом фоне выглядел ничтожным. Нет сомнения, что подхалимы Пане Коханку тут же подняли мужа Кристины Розы на смех. Казимир, не выдержав насмешек, немедленно отправился в свои Ляховичи. Мемуарист Леон Потоцкий описывает его состояние так: «Незадаволены сабою і іншымі, ехаў адзін, конна, пакінуўшы здалёку за сабою сваю світу. Толькі любімыя і неадступныя харты беглі каля гаспадара»...

И далее Потоцкий рассказывает страшную историю. У моста возле Ляховичей сидел нищий хромой старик. Увидев, что приближается пан, он попытался встать на костыли, но пошатнулся и свалился под ноги коню. Тот испугался, встал на дыбы, Казимир Масальский упал... И, не владея собой от ярости, закричал борзым: «Взять!»

Те разорвали несчастного нищего...

Казимир Масальский, однако, не был столь бессердечным, как его недавний обидчик Пане Коханку, и не привык к подобного рода происшествиям. Жестокая смерть старика произвела на него столь глубокое впечатление, что он заболел... И вскоре стал совершенно безумен.

Это его состояние затронуло интересы многих. Дело в том, что, если б Масальского признали сумасшедшим, он утратил бы право распоряжаться своим имуществом, следовательно, это право перешло бы к комуто другому... Кристина Роза хотела, чтобы мужа освидетельствовали. Братья Казимира Масальского всячески скрывали его состояние, даже изолировали от жены. Кристина Роза уехала к сестре Анне (трижды побывавшей замужем!), с ее помощью начала судебный процесс... Понадобилось вмешательство канцлера ВКЛ Чарторыйского, чтобы пани Масальская получила развод.

Но снова превращать себя в приз для многочисленных корыстолюбивых женихов Кристина не захотела. Тем более ее сестра Анна умерла, что еще сильнее вогнало несчастную женщину в тоску. Кристина стала монашкой Виленского монастыря бернардинок. По легенде, она умерла в тот же день, когда ей сообщили о смерти бывшего мужа, который так и не оправился от болезни.

Мать Кристины, Теодора Сапега, пережила дочь на два года. Поскольку детей у Кристины и Казимира не осталось, Теодора, ставшая вновь владетельницей Ружан, отписала их своему родственнику Станиславу Солтану. Но со временем ими вновь стали владеть Сапеги. И в 1784 году канцлер Великого Княжества Литовского Александр Сапега принял в Ружанском дворце со всей надлежащей роскошью прибывшего на Гродненский сойм короля Станислава Августа Понятовского.

КНЯЗЬ И ВЕЗУВИЙ. ФРАНТИШЕК САПЕГА (1772–1829)

Жизнь героя, о котором мы сейчас поговорим, захватила только конец галантного века. Но все же он остался в памяти потомков «оригиналом с замашками авантюриста» и «байронизированным эстетом»... Франтишек Сапега, чья личность до сих пор порождает мифы и легенды...

Миф 1. Талантливый полководец

Конечно, получить в 20 лет чин генерала артиллерии и орден Святого Станислава — это весомо... Но не нужно забывать, что в то время чины и ордена давались благодаря не только и не столько талантам, сколько происхождению и богатству. Франтишек Сапега был единственным сыном канцлера ВКЛ Александра Сапеги — четыре сестры, конечно, не в счет. Разумеется, с детства мальчишку баловали. Как говаривали современники, он обладал большими способностями, но не получил длительного образования. Хотя еще подростком был определен в кадетский корпус в Пулавах, где одним из его учителей был знаменитый теолог, историк и писатель Франтишек Ксаверий Богуш, а потом поступил в Виленский университет. В 1792 году 20летний Франтишек отправился в СанктПетербург, в официальной делегации, представляться Екатерине II. Неизвестно, как сложилась бы его судьба, будь он на тот момент удачливее и опытнее, но знакомство с царицей прошло явно не так, как юноша воображал. Рассказывали, что он даже плакал от разочарования... А через несколько лет Тадеуш Костюшко предложит Франтишку возглавить вооруженное восстание на территории Литвы. Скорее всего, расчет был не на особый полководческий талант, а на громкое имя юного генерала. Но в результате под командованием Франтишка оказалась только одна дивизия. Он сосредоточил ее в своем родовом имении Деречин...

Восстание завершилось поражением. В следующей крупной кампании — войне с Наполеоном — Сапега не участвовал, уехал в российскую глубинку. Интересно, что отец Франтишка, Александр, строил каменный дворец в Деречине, чтобы основать там военную академию, где должны были обучаться 30 высокородных шляхтичей. Но Речь Посполитая пала. И Франтишек перестроил потенциальную

академию в жилую усадьбу. Есть легенда, что однажды гостившего при берлинском дворе Франтишка Сапегу принял германский король, который пожелал познакомиться с человеком, в двадцать лет получившим звание генерала артиллерии. «Любопытно,— произнес монарх,— кем князь стал бы со временем?» «Может, и королем»,— не задумываясь ответил Сапега.

Миф 2. Неукротимый повстанец

Довелось читать о том, что Франтишек Сапега, генерал войска Великого Княжества Литовского, отказался принять присягу русской императрице, потерял свои имения, вынужден был уехать за границу... Однако, на самом деле, победители не стали преследовать бывшего повстанческого генерала. Он поселяется в своем имении, а спустя время через российского военачальника Репнина передает Екатерине II покаянное письмо. И еще через какоето время, получив прощение, делается тайным советником, маршалком Минской губернии, принимает участие в коронации Павла I, более того — император гостит у него в Деречине. Франтишек ведет бурную придворную жизнь, изменяя жене — кроткой Пелагее Потоцкой.

Наверное, миф возник благодаря судьбе единственного сына Франтишка, Евстафия Каэтана Сапеги, ставшего участником восстания 1831 года. Тот продал имение в Ружанах, чтобы добыть средства для восстания. Храбро сражался. После поражения эмигрировал во Францию. Николай I предлагал возвратить ему имения взамен за присягу, но Евстафий отказался. Он до конца жизни помогал повстанцам. А все имения Сапегов отошли в казну.

Миф 3. Освободитель Костюшко

Действительно, Франтишек хранил верность своему другу и военачальнику Тадеушу Костюшко и всеми силами содействовал его освобождению. Костюшко сидел в Шлиссельбургской крепости. Франтишек посещал балы и всюду рассказывал о судьбе друга. Хотя это было не совсем безопасно. Тесть Франтишка Станислав СчастныйПотоцкий, например, был недоволен хлопотами зятя.

Есть версия, что именно с целью посодействовать освобождению героя Сапега искал дружбы Павла I. И что, пригласив его в Деречин и впечатлив роскошным приемом, уговорилтаки... Из Деречина император отправился в Шлиссельбург, пришел к заключенному инсургенту и после коротких переговоров объявил, что он свободен.

Хотя было ли решение российского самодержца прямым следствием общения с Франтишком Сапегой — утверждать рискованно.

Миф 4. Победитель Наполеона

Миф гласит: Франтишек Сапега отбил у Наполеона Бонапарта любовницу... Потому и уехал в начале войны с бравым корсиканцем подальше...

У Франтишка Сапеги и Бонапарта и правда была общая возлюбленная — знаменитая французская актриса мадемуазель Жорж, она же МаргаритаЖозефина Веммер, дочь ярмарочного артиста. Чтобы узнать, как все было на самом деле, обратимся к мемуарам. Когда Наполеон увидел на сцене юную (она попала на сцену в пятнадцать лет), но обладающую пышными формами актрису, тут же приказал навести о ней справки. Ему доложили, что девицу привела на сцену мадам Рокур, известная своими эксцентричными привязанностями, а в данное время мадемуазель живет на содержании у польского князя Сапеги. Кстати, Сапега платил ей по пять тысяч франков за ночь... Наполеон затребовал красотку себе. Жозефина пришла, украшенная подарками любовника — драгоценными вуалью и шалью. Вот как описывала произошедшее сама мадемуазель Жорж:

«Он надел мне шаль, накинул вуаль. Могла ли я думать, что произойдет через минуту с этими вещами! Попрощавшись со мной, он обнял мою голову. Ах, как я была глупа,— рассмеялась и сказала:

—Вы же обнимаете вуаль князя Сапеги!

Он схватил вуаль, разорвал ее на мельчайшие кусочки, кашемировую шаль бросил себе под ноги. Потом он сорвал с моей шеи цепочку со скромным брелоком из сердолика, с мизинца — колечко с прядью седых волос мм Рокур в медальончике. Колечко он раздавил ногой. О, теперь он не был нежен.

Я дрожала. И тут он тихо подошел ко мне:

— Дорогая Жоржина, вы должны иметь все только от меня. Вы не станете сердиться на меня, это было бы дурно с вашей стороны и заставило бы меня усомниться в ваших чувствах».

Вероятнее всего, Франтишку Сапеге тут же была дана отставка. С Наполеоном шутить такими вещами было нельзя. Так что кто у кого увел любовницу — понимаете сами.

Но что был Франтишек в духе галантного века сердцеед и ловелас — несомненно. Его жена Пелагея Потоцкая даже развелась с ним изза многочисленных измен. И вышла замуж за его родственника — Павла

Сапегу, который, между прочим, воевал на стороне Наполеона Бонапарта. Кстати, современники так описывали неоцененную жену: «Княгиня Пелагея не имела тех правильных, артистических черт лица, которые вызывают чаще удивление, нежели разжигают любовь. Но она была типом чернобровой украинки с черными, как смоль, косами, с румянцем на щеках, с черными искристыми глазами, со стройной и гибкой фигурой. Стройная, быстрая, веселая и главное — добрая!» Ну что поделать — тихие семейные ценности были не для нашего князя.

Миф 5. Исследователь Везувия

Франтишек Сапега много ездит по Европе. Он играет, проигрывая огромные суммы (говорили даже о 15 миллионах), меняет женщин... «Играю не для того, чтобы выиграть, а чтобы получить нервную эмоцию, путешествую, чтобы убить время». В общемто ничего оригинального. Занимается альпинизмом: вместе с другом Корвином Вышковским покоряет Пиренеи, попадает под лавины, блуждает по Апеннинам, мечтая встретиться с разбойниками. И наконец спускается в жерло Везувия.

Тема трагедии Помпеи была в то время очень модной. Раскопки мертвого города начались в XVIII веке, в начале XIX об археологических открытиях у подножия Везувия много писали и говорили. Ничего удивительного, что Сапега решил исследовать столь примечательное место. Во время «вулканических экскурсий» он познакомился с ставшим впоследствии известным польским географом Павлом Стшелецким. Павел сбежал из прусской армии и находился фактически на положении дезертира. В Италии Стшелецкий занимался исследованием вулканов. Возможно, именно в его компании или с его помощью Франтишек и совершил свое погружение в жерло вулкана. Сапега предложил земляку место управляющего своими обширными имениями. И Павел, поколебавшись, согласился.

Миф 6. Прототип князя Рудольфа

Способность к авантюрам и щедрость Франтишка Сапеги заставляют некоторых утверждать, что именно он послужил прототипом князя Рудольфа де Геральштайна из романа Эжена Сю «Тайны Парижа». Многие из вас, наверное, помнят популярную экранизацию этого романа с Жаном Маре в главной роли.

Вот только слышала от литературоведов и вторую версию: что прототипом упомянутого героя стал венгерский князь Эстергази. Он практиковал переодевания, путешествия по притонам, помощь беднякам... Франтишек тоже мог помочь щедрой рукой, занимался благотворительностью... Собирал коллекции живописи и древних книг... При этом не пытался строить из себя революционера. Он был аристократ высшей пробы. Мемуаристы вспоминают его любимые поговорки: «Хочешь иметь деньги в кармане, обдирай немилосердно мужика!» и «Хочешь иметь порядок в доме, управляй кием».

Князь умер в 1829 году. В сравнении с отцом, Александром Сапегой, прожившим целый век, его жизненный путь оказался короче. Но все же достаточно ярок, чтобы мы и спустя почти два столетия о нем вспоминали.

КАК ЦАРЬ ИГНАТА ЖЕНИЛ.
ИГНАТ МАНЬКОВСКИЙ
(около 1765–1831)

Слава нашла героя — это всегда приятно волнует... Даже если между смертью упомянутого героя и приходом к нему славы — столетия.

А если окажется, что слава должна достаться другому? Пускай ошибочно вызванная из небытия фигура вновь опустится в туман забвения?

Во время поисков автора блестящей анонимной поэмы XIX века «Энеида навыворот» всплыло имя витебского вицегубернатора Игната Маньковского. Версии, что он автор «Энеиды», придерживались многие... Но литературовед Геннадий Киселев доказал: гораздо более вероятно, что поэму написал другой человек, Викентий Равинский. Тем не менее Киселев еще в начале своих исследований утверждал: «А личность И. Маньковского, независимо от того, подтвердится ли его авторство «Энеиды»,— просто находка в истории белорусской культуры. Таких людей было немного. Мы должны их помнить».

Чем же заслужил витебский вицегубернатор такие слова?

Отец маленького Игната Антоний Маньковский мечтал приобрести большое имение, откладывал деньги. А время было неспокойное... Сплошь войны, последние годы Речи Посполитой... И шляхтич поступил, как многие во времена отсутствия надежных банков: с трудом накопленные деньги закопал в лесу, под деревом. Но представьте, как это тревожно — оставлять надежду на будущее без присмотра! И Антон Маньковский взял за обычай регулярно наведывать «вклад»: выкапывать не выкапывал, но специальной железной тросточкой сквозь почву нащупывал: на месте!

Странные прогулки помещика в лес не остались незамеченными, и однажды под заветным деревом Маньковский обнаружил свежевыкопанную яму. Денег, разумеется, там не было. Не оказалось на месте и панского конюха, которого объявили в розыск — да так и не нашли, равно как и сбережений Маньковского.

Несчастный отец семейства был просто убит горем. Все повторял, что разорил своих детей... И в конце концов ушел в монастырь.

А юному Игнатию Маньковскому пришлось пробиваться самому. Учился в иезуитских коллегиумах, а это были самые продвинутые в Речи Посполитой учреждения образования. К тому времени, как Игнатию надлежало делать карьеру, он оказался в другом государстве:

белорусские земли вошли в состав Российской империи. В 1797 году Маньковский занимал пост председателя департамента в Могилевском губернском магистрате и имел чин коллежского асессора. В империи все общество было четко разделено на 14 классов, и чин Маньковского соответствовал восьмому в табели о рангах, это ни много ни мало — на уровне майора.

И надо же было Игнату влюбиться в невесту не по рангу... Ему было около 30, а его избраннице, очаровательной Рахели Маковецкой, как можно подсчитать, гдето вдвое меньше. Чувство оказалось взаимным. Однако отец Рахели был действительным статским советником, бывшим камергером короля. А статский советник — это уже вельможа, четвертый класс, неизмеримо выше какогото коллежского асессора... Антон Маковецкий простонапросто отказал неугодному ухажеру от дома... Но влюбленные не сдавались. И за решением своей проблемы обратились на самый верх власти земной. В то время правил царь Павел I. В прогрессивной среде был он непопулярен, отличался самодурством и любовью к солдатской муштре. Рахель написала царю трогательное письмо, умоляя помочь соединиться с любимым человеком. И Игнат Маньковский поехал в Петербург. Испросить аудиенции у императора чиновнику средней руки было нереально, оставалось подкараулить самодержца во время его прогулок. Много дней провел Маньковский у дворца, ожидая, пока нужные люди подадут знак, что император в хорошем настроении и его можно «перехватывать». Наконец миг настал, и перед Павлом I, созерцающим на плацу солдатский развод, оказался коленопреклоненный молодой человек с письмом на голове.

Павел, поскольку действительно был в хорошем настроении, заинтересовался, расспросил просителя... Романтическая история показалась ему забавной. Он привел Маньковского во дворец, познакомил с императрицей Марией Федоровной, которая заметила, что за такого умного и любезного молодого человека вполне можно отдать дочь.

В дом Антония Маковецкого Игнат возвращался победителем, проскакав на перекладных из Петербурга в Могилев за рекордное время. В императорском письме от 17 февраля 1797 года (впоследствии сей любопытный документ был опубликовал в журнале «Русская старина») выражалась надежда, что Антон Маковецкий не будет препятствовать браку дочери с ее избранником, поскольку ее письмо «писано чистосердечно, в том имею многие доказательства, уверившие меня о страсти ее к советнику Маньковскому и о желании

быть его женою». Царь также сообщал, что наделяет жениха чином, местом и деревней.

Разумеется, свадьба состоялась. А после нее Маньковский стал надворным советником и губернаторским прокурором в Каменец-Подольске. А также владельцем Буевского имения под Витебском.

Рахель родила мужу сына и наследника уже после смерти императора Павла I. Но прожила недолго — в тридцать с небольшим умерла от чахотки. Маньковский женился вторично, его жена была из рода Ваньковичей. По свидетельству племянника, в гостиной Маньковского висели напротив два портрета: на одном, в роскошной раме — император Павел, в рамке попроще — Рахель Маковецкая в полный рост, с сыном в пажеском мундире.

Поразному относилась местная шляхта к пришествию наполеоновской армии... Для Игната Маньковского это были однозначно враги, оккупанты. Согласно приказу эвакуировать губернские учреждения в Великие Луки, Маньковский уехал с началом Витебской баталии, 15 июля 1812 года. Его шестнадцатилетний сын ушел добровольцем, а Рахель осталась в имении. Как объяснял Маньковский, чтобы могла оказать помощь сыну, если тот будет ранен. Все ценное Маньковский постарался вывезти и закопать. И не зря: французы всячески притесняли одинокую хозяйку, обыскивали имение, забирая все, что попадалось под руку...

Когда в 1813 году Маньковский вернулся домой, застал картину полного разорения. Он взял на себя обязанности витебского вицегубернатора. Вскоре в журнале «Сын Отечества» появилась статья «Письмо из Витебска», в которой Маньковский рассказал об ужасах французской оккупации. Как характеризует его писание Геннадий Киселев, «слог Маньковского тяжеловатый, и все же в написанных им строках угадываются внутренний ритм, упругость, которые даются вдохновением. Да и не будем забывать, что это всего лишь начало века, что легкости и естественности русский литературный язык еще научится у Пушкина».

Еще один оставшийся в истории эпизод — заступничество Маньковского за крестьян из села Жарцы. Сельчане за участие в борьбе против наполеоновских войск получили награду — 22 креста СанктПетербургского ополчения, которые было дозволено «носить им навсегда на шапках своих». А помещица Жебровская, которой принадлежало село, Наполеона уважала... И приказала набрать из Жарцов небывалое количество рекрутов. Маньковский поступок сей пресек и «сынов отечества» защитил.

Игнат Маньковский, видимо, воплощая в жизнь мечту отца, с самого начала семейной жизни стал прикупать владения, организовывая в них хозяйство наилучшим образом. И, когда в январе 1830 года императорское Вольное экономическое общество в Петербурге объявило конкурс на проект, как исправить крестьянские постройки северной и средней полосы России, Маньковский послал свою рукопись. Особенное внимание Маньковский уделял борьбе с черными, курными избами в пользу белых, т.е. оборудованных трубами. Это сегодня нам кажется понятным, что дым должен выходить не через окна и двери... А в то время «знатоки пейзанского быта» печатали статьи, в которых доказывали, что в черной избе крестьянину сподручнее согреваться, а в белой — сырость. Да и от труб может случиться пожар. «Знатоки» те явно никогда не живали в курных избах, в которых срок жизни человека резко сокращался. Маньковский же с 1800 года начал строить для своих крестьян дома с трубами. Еще он сражался с бесконтрольной вырубкой лесов, призывал искать в качестве топлива залежи угля... Да чего только нет в объемном сочинении! И чертеж изобретенного Маньковским способа рубить угол в деревянных срубах, и описание свадебного обряда крестьян Витебской губернии... Автор замечает: «Белорусские народные танцы вовсе не похожи на польские и мало сходствуют с русской пляскою. В них движения весьма сильны и скоры...»

Кстати, Маньковский, хотя и не был автором «Энеиды навыворот», но популяризовал ее текст, рассылал знакомым, что и послужило причиной предположения о его авторстве.

Проект Маньковского победил в конкурсе. Однако вместо обещанной медали в 50 золотых автору дали 30. Как считает витебский краевед Дмитрий Газин, «бо журы не спадабалася, што ў тэксце праекта было шмат беларускіх слоў». Зато имение Мазолово произвело на приехавшую из столицы комиссию огромное впечатление, напомнив виды Швейцарии.

Умер Игнат Маньковский в 1831 году, похоронен рядом с сыном и дочерью, которых пережил. На его могиле — надпись:

Летами старец удрученный
Среди любимых им холмов
Жил долго здесь уединенный
И лег между родных гробов.

Увы, судьба образцового имения Игната Маньковского печальна. Еще в 1980х Геннадий Киселев, наведавший те места, писал, что за

месяц до его приезда бульдозером было уничтожено старинное семейное кладбище Маньковских: местным жителям понадобился желтый песочек... Но в то время еще стояла водяная мельница — строение из крепкого кирпича с деревянной надстройкой. Киселев считал, что оно может стать туристической карточкой края... Сегодня вместо мельницы — руины.

МЕЧТАТЕЛЬ ИЗ РОДА РАДЗИВИЛЛОВ. УДАЛЬРИК РАДЗИВИЛЛ (1712–1770)

Когда смотришь на старинные портреты детей из королевских и магнатских семей, удивляет недетская серьезность моделей, их сложные, неудобные наряды, в точности копирующие парадные убранства взрослых.

Конечно, тем, кому от рождения давались сила и власть, всегда завидовали. Кажется, вот у человека все, чтобы стать счастливым, реализовать свои способности... На деле обязанности, налагаемые саном, оказывались для иных тягостными, вынуждая посвящать жизнь не тому, к чему лежит душа... Хорошо, если наследник королевского или магнатского рода был прирожденным политиком, стратегом, воином, экономистом. Если же он родился безнадежным поэтом и мечтателем... Древнеримский император Клавдий, как известно, отказался от трона и начал выращивать капусту... Людвиг II Баварский, друг Вагнера, настолько погрузился в образы романтизма, что приближенные объявили его сумасшедшим, и несчастный король погиб, пытаясь переплыть озеро во время побега изпод стражи.

В белорусской истории тоже были подобные сановные мечтатели. Один из них принадлежал к могущественному роду Радзивиллов, давшему и полководцев, и ученых, и поэтов... Имя у этого персонажа чрезвычайно романтическое, напоминающее о рыцарском средневековье,— Удальрик.

Солнечное затмение и сегодня вызывает мистические чувства у впечатлительных персон. В прежние же века его считали иногда и знамением Апокалипсиса. Поэтому ничего удивительного, что равнодушным не оставался никто... Одни паниковали, спешно каялись, другие пытались изучить астрономический феномен... Люди, которые собрались в 1761 году на верхнем ярусе Каменецкой башни, известной нам как Белая вежа, прекрасно знали, что сейчас увидят не чтото мистическое, а прохождение Венеры через диск Солнца. Впрочем, это были в основном офицеры драгунского полка из местного гарнизона. Среди них выделялся немолодой человек, некрасивый, почти безобразный, с выпуклыми глазами и объемным носом, вооруженный специальными приборами для наблюдения. Конюший Великого Княжества Литовского, князь Святой Римской империи Удальрик Криштоф Радзивилл, увлекающийся механикой и

астрономией, был способен прочитать по поводу наблюдаемого целую лекцию...

А может, даже собственное стихотворение или поэму...

...Человек всматривается сквозь затемненное стекло в слепящий диск, на который наплывает черное пятно. Все больше, больше наплывает... Словно средневековый дракон проглатывает небесное светило. Теперь наблюдатель, щуря слезящиеся глаза, смотрит в небо невооруженным взглядом и шепчет вдохновенные строки...

Таков уж он был — этот представитель знаменитого магнатского рода некоронованных королей, с детства обреченный на могущество. Удальрик Радзивилл был не слишком силен в фехтовании, зато владел многими языками, писал стихи и пьесы, играл на музыкальных инструментах...

Для нас особенно важно, что он интересовался и тем языком, на котором говорили люди нашей земли. Делал переводы на белорусский, сам писал на нем, пытался добиться, чтобы слово народа звучало на сцене придворного театра... Это не миф: например, в переделанной Радзивиллом пьесе Э. Бурселя «Комедия Эзопа» один из персонажей разговаривает на белорусском языке.

Наверное, в 1761 году многие объясняли небесное знамение назревающими переменами в политике. И действительно — буквально в следующие несколько лет на российском престоле Елизавету Петровну сменит ее племянник, затем — его жена Екатерина II. Умрет король Польши Август III, начнется грызня между кандидатами за престол, в которой победит Станислав Понятовский... Изменятся законы, начнутся войны, исчезнет само государство...

Уже тогда чувствовался хаос. Сеймы срывались при помощи пресловутого «либерум вето», права любого шляхтича запретить сейм и отменить любое его решение.

Удальрик Радзивилл, разумеется, ценил «либерум вето» и горячо отстаивал это право шляхты.

Да и в жизни самого Удальрика следующий год не был легким: умерли мать, брат Альбрехт... Зато сам Удальрик получил престижный орден Белого Орла.

Родители Удальрика, Николай Фаустин Радзивилл и Барбара Франтишка ЗавишаКезгайло, были людьми очень энергичными. Николай, мечник литовский, воевода новогрудский, учился в Париже, участвовал в шведской войне — то на одной стороне, то на другой,— был движущей силой многих политических интриг. И Барбара Франтишка, особа весьма темпераментная, всячески способствовала

карьере мужа. Так что от своего первенца, родившегося, как и отец, в родовом имении Дятлово, ожидали такой же амбициозности...

Но Удальрик стал поэтом. Возможно, и потому, что природа обделила его привлекательностью. Он сам признавался, что своим видом пугает женщин.

Но встретить женщину своей мечты, которая примет таким, какой есть, искренне полюбит, юный князь, конечно, мечтал... Только не получалось. Но жениться наследник рода был обязан. В жены ему выбрали Софию из Реев. Вряд ли эту семейную пару можно было назвать дружной. Да и детей у них не было.

И вот однажды князь приказал нарисовать портрет «идеальной женщины». Художник из местных долго пытался угодить родовитому заказчику, следуя его подробным указаниям... Зато когда портрет был готов, Удальрик просиживал возле него днями, читал нарисованной даме своего сердца стихи и играл на флетраверсе (это такая флейта) гимны собственного сочинения.

Неизвестно, удалось ли князю повторить подвиг Пигмалиона. Впрочем, если бы картина ожила, легенды об этом дошли до нашего времени. Но высокие чувства князь явно ставил выше материальных интересов. Уже в зрелом возрасте, овдовев, он женился на молоденькой соседке, Элеоноре из Каменских, шокировав всю родню. Потенциальные наследники бездетного князя его возненавидели, да и вообще в роду Радзивиллов мезальянсов не терпели. Но Удальрик был счастлив со своей Золушкой. Элеонора родила ему сына Матея. И под конец жизни Удальрик даже решил поделиться с миром своим опытом в амурных делах, написав книгу «Куншт любви». Советы из этой книги вполне разумны. Чтобы покорить сердце красавицы, Удальрик призывает учиться музыке, следить за литературными новинками, не хвастаться своими победами над другими дамами...

Удальрику не довелось, как отцу, учиться в Париже. Он получал образование у домашних учителей, затем — в коллегиуме пиаров в Варшаве. Потом его отправили в шляхетскую академию в Легнице, там Удальрик получил офицерский чин и отправился на военную службу. Стал генералмайором, генераллейтенантом. Даже командовал в 1749м походом против гайдамаков.

Не знаю, как оценивали современники полководческие способности Удальрика... Историки прежде всего отмечают его литературные и исследовательские заслуги. Даже поход против гайдамаков для Удальрика стал поводом для написания произведения, а именно «Дыярыуша». Понятно, что у князя не было проблем с опубликованием. Одна за другой выходили его книги. Одна

только рукопись «Универсальной истории» составляет 3648 страниц. В творческом наследии Удальрика есть «Описание всех наций в Европе», «Светская критика или сатиры», «Учёные забавы в стихах и прозе», «Описание забот людей всех сословий», истории о роде Радзивиллов, поэтические сборники... Князь переводил Софокла, Корнеля, Расина. Занимала князя даже проблема реформы языка, который он называл «литовским» и который мы называем сегодня белорусским. Всего Удальрик издал около 50 книг. Считал он себя, судя по всему, и великолепным оратором: в силу происхождения его много раз избирали послом на сеймы, и отдельные свои речи князь тоже издавал.

Но все попытки этого Радзивилла вмешаться в политику были неудачными, а его самого стали называть авантюристом. И с финансами справлялся он предсказуемо плохо. Потому не раз оказывался на мели, чуть не утратив даже родовое имение Бердичев. А между тем отец Удальрика и мать много сделали для процветания местечка... Правда, Удальрик начал там строить роскошный дворец. А достраивали сын, Матей Радзивилл, и вдова, Элеонора из Каменских.

Умер Удальрик Радзивилл в 1770 году (хотя в некоторых источниках почемуто называется 1763й). А в 1781 году Элеонора, ставшая из простой шляхтянки знатной княгиней, принимала в Бердичевском дворце будущего императора Павла I с супругой, путешествовавших инкогнито по Европе под именем графа и графини дю Нор. Дважды посетил дворец и король Станислав Август.

В статьях об истории родовых имений Радзивиллов Дятлово, Бердичева рассказывается об отце и матери Удальрика, о его сыне Матее... О самом же князепоэте только упоминается.

ЗЛЫЕ ДНЕВНИКИ КАСТЕЛЯНА. МАРТИН МАТУШЕВИЧ (1714–1773)

Его мемуары — неисчерпаемый источник сведений об эпохе Великого Княжества Литовского для историков и литераторов. В романе литовского писателя Витовтаса Мисявичюса «Мядзведжая акадэмія», который вышел в 1988 году в переводе на белорусский язык, упомянутый мемуарист стал одним из героев… Именно к нему, Мартину Матушевичу, писарю князя Радзивилла Пане Коханку, отправляется в блистающий роскошью Несвиж главный герой романа, юный бедный шляхтич Твирбутас.

Вот что интересно. Если человек пишет мемуары, он естественным образом лепит свой имидж, думая о том, чтобы предстать перед потомками в наилучшем виде.

Разумеется, Мартин Матушевич в своих мемуарах находит высокие и красивые слова, чтобы выставить в лучшем свете себя и своих покровителей. Но при этом ему свойственна какаято жестокая наивность: он признается в поступках совершенно чудовищных, походя описывает чужие преступления, действительно не видя в них ничего плохого… Например: «Мать моя, приехав в Гослицы, нашла там какойто беспорядок, а так как управляющим там был шляхтич Ластовский, то она приказала бить его плетьми по голому телу так сильно, что этот Ластовский помер». Никаких рефлексий по поводу этого события у мемуариста нет.

XVIII век — эпоха бурная. Бесконечные войны, шляхетские наезды и дуэли, сорванные сеймы и суды, беспомощность власти и самодурство магнатов… Небогатые дворяне не видели ничего зазорного в том, чтобы быть «клиентами» влиятельных людей, меняя их по мере выгоды. Целовали благодетелю сапоги и разбивали друг другу головы булавойшестопером за «неправильный» взгляд… Пили из туфелек прекрасных дам и отдавали этих дам замуж, не спросясь и не дождавшись брачного возраста… Мартин Матушевич, умный, ловкий, отнюдь не воинственный, но честолюбивый, пытался выжить в эту эпоху.

Впрочем, познакомимся поближе с этим героем. Ведь долгое время не считалось, что брестский кастелян имеет отношение к белорусской истории. Ну как же, у нас одни мужики в лаптях на неурожайных пажитях страдали… Как будто события, которые Матушевич

описывает, происходили не на нашей земле, не возле Каменецкой вежи он вырос...

Родители Матушевича были шляхтой средней руки. Не бедные, но и не магнаты. Матушевич учился в иезуитских школах Дрогичина и Бреста. С одной стороны, нравы в школах были строгие: Матушевич описывает случай, когда ученик, не выдержав издевательств учителей, утопился. С другой стороны, школяры тоже не были безвинными овечками. Они нанимали себе «дырэктараў» — репетиторов, и вот что вспоминает Матушевич: «Жылі мы ў кампаніі з панам Валяр'янам ды з панам Юзафам Руткоўскім. Але, маючы дырэктараў нашых не надта добрапрыстойных, якія п'янства не засцерагалі нас і на рэдуты або публічныя танцы ды на гульню ў карты з сабою бралі, значную меў я перамену ў добрай адукацыі. Між іншымі глупствамі й легкадумнасцямі маімі найперш было тое, што, надта ў здольнасці маёй упэўнены, зусім да навук абляніўся, лаяцца й піць не засцерагаўся, ды нагэтулькі, што раз перад выступам у дыялогу ўпіўся, дык ролі сваёй не ўмеў і, упэўнены ў памяці сваёй, схібіў».

Тем не менее Мартин в науках преуспел, а преуспев, стал делать карьеру... Вначале служил Сапегам, потом — Чарторыйским, потом — Радзивиллам, потом опять Чарторыйским, потом — опять Радзивиллам... Уже в 25 лет, «жадаючы заваяваць ласку і пачуцці жыхароў ваяводства, кланяўся і частаваў, колькі магло быць маёй мажлівасці; не менш частаваў я сяброў падстаросты і суддзі, і так, дзякуючы Божай літасцівасці, пачаў я мець у ваяводстве ласку і афекты». При Радзивиллах состоял в должности писаря. О его обязанностях рассказывает герой романа «Мядзведжая акадэмія»: «Пан Матусевіч распарадчык усіх спраў і князеў дарадчык, меў вялікую сілу і шмат абавязкаў. Цяпер ён пільна рэвізаваў, правяраў, як вядзецца і кіруецца ўся складаная гаспадарка Радзівіла».

Подкупал Матушевич и своим литературным талантом. Кому не хочется, чтобы о нем написали возвышенный панегирик! Ловко выполнял и скользкие поручения покровителей: дать взятку судьям, организовать голоса шляхты на сейме... Магнат Михал Чарторыйский Матушевича очень полюбил, целовал в голову, хвалил. Потом на него разгневался. В то время случилась некрасивая история. Мартин, сын своей матери, с нижестоящими обращался жестоко (обычное дело для тех, кто привык лизоблюдствовать перед вышестоящими). Както у него из дому пропало два серебряных подсвечника. Матушевич заподозрил в пропаже бедного шляхтича Юзефа Витановского. Особо не разбираясь, приказал всыпать несчастному двести розог и гнать со

двора. Витановский поклялся отомстить... И ударил в самое больное место — по шляхетскому гонору. Стал распускать слухи, что Матушевич никакой не дворянин. Что дед его — крестьянин Матус, а крепостная Витановского Анна Гинчукова по прозвищу Шимчиха — родная тетка. Слух подхватили Чарторыйские, чтобы поквитаться с неблагодарным «клиентом». Они выкупили Гинчукову у Витановского и стали возить ее по стране и показывать как родную тетку Мартина Матушевича. Позаботились и о печатной информации — «пашквилях» и газетах. Один такой «пашквиль» был послан невесте Матушевича, и свадьба оказалась под большим вопросом...

Матушевич бросился за заступничеством к Радзивиллам. Для этого готов был на любую услугу. Сочинил стихи на день рождения княжны Вероники, дочери князя Михала Радзивилла по прозвищу Рыбонька, в которых прославил весь род Радзивиллов, в том числе сына Рыбоньки от первого брака Кароля Радзивилла Пане Коханку. Немудрено — Пане Коханку в то время возглавлял минский трибунал, то бишь суд. Туда Матушевич и обратился. Накануне заседания трибунала не поленился лично объехать всех депутатов, причем делал это так: «да ног крыжам падаў, плакаў і так навучыўся плакаць, што як толькі, прыехаўшы да нейкага дэпутата, пачынаў гаварыць, слёзы адразу з вачэй сыпаліся».

Как и во многих подобных случаях, за мелким конфликтом столкнулись самолюбия магнатов. Матушевич «выплакал» себе нужное постановление: из 20 депутатов половина проголосовала в его пользу, а один голос из тех, кто был «против», признали недействительным... Гинчукову обвинили в клевете и потребовали ее выдачи. Матушевич настаивал, чтобы его лжететку били в Бресте у позорного столба. Но не тутто было. Чарторыйские тут же опротестовали решение. А Гинчукова по дороге в минский суд вроде как заболела, задержалась в Столбцах, а оттуда исчезла. Похоже, Чарторыйские спрятали ее в одном из своих имений. На том дело и закончилось.

Матушевич оправдался, но тень, брошенная клеветой, преследовала его до конца жизни. Даже став брестским кастеляном, он не мог чувствовать себя в безопасности — потому что в эпоху беззакония и продажности судов не чувствовал себя в безопасности никто. Однажды Матушевич нашел на дороге труп своего крепостного Данилы Кузьмичка. Оказалось, несчастного убили трое крестьян бандитского пошиба, принадлежавших ксендзу Буховецкому, заклятому врагу Матушевича. Убийство было жестоким и бессмысленным. Но только одного из трех преступников схватили и обезглавили. Другой убежал, а третьего враги Матушевича выкупили

— не пожалели пятьсот золотых. Както на Мартина Матушевича наехал его же брат Адольф. Приказал своим крестьянам напасть на принадлежавшую брату деревню. «Наездники» начали забирать скот, а когда им оказали сопротивление, стали стрелять. Двоих опасно ранили. И опять никакого вмешательства закона... Впрочем, насчет всех злоключений Матушевича Адам Мальдис пишет: «Брэсцкі кашталян быў тыповым параджэннем феадальнага ладу, «залатой вольнасці». Ён сам тварыў беззаконне і сам жа стаў яго ахвярай».

Один из польских исследователей назвал Матушевича «адным з найбольш характэрных нашых прадстаўнікоў гэтага рухавага веку». Был он и интеллектуалом, и поэтом, сочинял на польском и на латыни. Известны его переводы Горация на польский язык: «Зборнік сацірау вершам польскім, адным з літоўскіх абывацеляў выкладзены». К переводам он написал предисловия, и в них высказал коечто из своих подлинных мыслей о дружбе с богачами. О том, что дружба эта «тужлівая», что «клиенты» «не свабодны сказаць смела праўду», что им приходится «выконваць несправядлівыя загады» и «баяцца панскай помсты і крыўды». Одно из своих стихотворений Матушевич подарил самому королю. Правда, с дополнением — породистой гончей, купленной за десять золотых и стог сена. Видимо, поэзия «в чистом виде» показалась поэту не слишком убедительным приношением.

Умер Мартин Матушевич в 1773 (по другим данным — в 1784м) году, сколотив состояние, добившись почестей и званий. Но главный итог его жизни — это все же мемуары. Впервые они были изданы только в 1876 году, в Варшаве. Теперь все более известными становятся и в Беларуси. Ведь где еще можно вычитать, например, такую характерную черту эпохи: «Піва не было, таму пілі толькі ваду, з чаго ўпаў у вялікую флегму і пачаў на здароўе слабець». Или как принимал брестский кастелян гостей: «Музыкі я не меў, дык сам ім граў часам на флейце, часам спяваў. Танцавалі мала не ўсю ноч. Назаўтра абед елі. Падараваў тады я Крапінскаму каняшлапака коштам 24 чырвоныя злотыя, Пашкоўскаму, генераладʼютанту, фузію французскую; хацеў Пятру Пашкоўскаму, ротмістру, даць шэсць гузікаў рубінавых для кунтуша, але ён не хацеў ад мяне прыняць, мяркуючы, што хачу яго ад партыі князя Радзівіла, гетмана вялікага, на бок князя падканцлера перацягнуць».

В романе Мисявичюса Мартин Матушевич назван «старым вымуштраваным дворным служакам». Но этот человек переводил Горация, играл на флейте и пел... Не будем же брать на себя роль судей, а запомним еще одну колоритную личность нашей истории.

ЮДИЦКИЙ, СУДЬЯРАЗБОЙНИК. ЮЗЕФ ЮДИЦКИЙ (первая пол. XVIII в.–1758)

Середина XVIII века... Речицкий земский судья...

Каким вы представляете человека, занимающего такую должность?

Наверное, он в пудреном парике и строгой мантии, немо лодой и суровый...

Возможно, речицкий судья Юзеф Юдицкий и был чемто похож на этот образ.

Но суды XVIII века в Речи Посполитой и ВКЛ — это вовсе не то, что мы сегодня представляем.

Сеймы и сеймики, трибуналы и суды иногда превращались не то что в ринги — в настоящие ристалища! Шляхта того времени была буйная, честь свою блюла. Как пишет Адам Мальдис, «не было такого шляхціца, які з некім не судзіўся б: за абразу гонару, перанесены межавы слуп, здратаванае паляўнічымі сабакамі поле. Працэсы цягнуліся дзесяцігоддзямі, завяшчаліся наступным пакаленням».

Хроники того времени изобилуют забавными и трагическими казусами, происходившими на судах. Например, приближенный Кароля Радзивилла, легендарного Пане Коханку, Михал Володкович, известный дуэлянт и авантюрист, во время суда над ним в Минской ратуше выхватил саблю и с руганью ударил по столу, повредив распятие (невиданное кощунство!), а потом ранил одного из судей...

Разумеется, судей подкупали и запугивали. И, конечно, старались, чтобы в суде были свои люди. И уж какие страсти разгорались вокруг дележа должностей, как перетягивали на свою сторону голоса шляхты! В те времена шляхта пользовалась правом «либерум вето» — любой мог отменить решение суда, сорвать сейм. И магнаты беззастенчиво этим пользовались. Историки пишут, что в 1652 — 1764 годах 4 из каждых 5 сеймов были сорваны.

В книге Генрика Жевуского «Воспоминания Соплицы», в которой использованы мемуары и хроники XVIII века, описывается, как Кароль Радзивилл приехал на сеймик по выбору земского писаря (это была весьма важная должность, а не просто какойто секретарь) на 30 возах, занял со своим двором монастырь бернардинцев, «толькі ў некалькіх келлях туляліся як маглі судзейскія». И все дни, пока длился сеймик, на котором кандидатом в писари был преданный Радзивиллу

Михал Рейтан, шляхта за княжеский счет ела и пила, дымились котлы, на бойне забивали волов... Водка лилась рекой. Князь лично выходил к шляхте, чтобы отведать вместе со всеми крупника с мясом... Когда на сеймике звучали предложения, противоречащие воле князя, его сторонники тут же выхватывали сабли... Маршалком, то бишь главным на сеймике, был выбран Радзивилл. «Аж да дзесяці гадзін вечара шляхта суправаджала князя, піла, танцавала і спявала на вуліцах, жыхары горада — прыхільнікі партыі наваградскага ваяводы — нават пачалі баяцца, як бы іх не падпалілі».

Назавтра писарем земским был выбран большинством голосов Михал Рейтан...

Впрочем, и магнат мог пострадать во время разборок. Другой из Радзивиллов, Станислав, кравчий ВКЛ, выдвинул свою кандидатуру послом от новоградского сеймика 1756 года. Его противником был ставленник Чарторыйских, новоградский стольник Иоахим Хрептович, то есть местная поддержка была тому обеспечена. Вот как Станислав описывает начало сеймика: «...як вакол мяне завярцелася, каб мяне згладзіць з таго свету, стралялі ў мяне як у лося, але не патрапілі, унтэрафіцэру наваградскаму шляхціцу пад вуха патрапіла, які быў за мною, самі тады натоўп зрабіўшы, абвінавацілі мяне маніфестамі».

Десятка два шляхтичей было ранено... В результате состоялось аж два сеймика, на каждом выбрали своего посла, хотя шляхта утверждала, что ни один сеймик не был правомочным.

Приехал Радзивилл Пане Коханку и в Речицу, на сеймик, где должны были выбрать маршалка коптурового суда. Коптуровый суд — это чрезвычайный суд, который действовал во времена бескоролевья, когда шла борьба за трон. Для того чтобы справиться с хаосом, была создана конфедерация представителей шляхты для управления государством, которая получила название «коптур».

Для начала устроили выборы маршалка суда. От того, кто им станет, во многом зависел ход событий. Своих кандидатов опять выставили Радзивиллы и Чарторыйские.

Так же, как Рейтан, был предан Пане Коханку речицкий судья Юзеф Юдицкий. Фамилия эта известная, герба «Радван». Не в одном поколении были Юдицкие речицкими судьями. Конечно, Радзивилл рассчитывал на поддержку своего друга.

Но случилось неожиданное: партия Чарторыйских оказалась сильнее. Победил их кандидат. И под его предводительством собрался суд в Речицком замке.

Юзеф Юдицкий, однако, не собирался сдаваться. Он собрал вооруженных людей, пушки и... атаковал Речицкий замок. Похоже, Кароль Радзивилл при этом не присутствовал — иначе ему следовало бы удержать своих клевретов от столь вопиющего преступления. А возможно, он, зная, что готовится, просто устранился от событий, чтобы в случае чего сделать вид, будто Юдицкий действовал против его воли.

Разгневанная, подогретая вином шляхта голосу рассудка уже не внимала. Началось настоящее сражение. Члены суда защищались, как могли. Но если в дискуссиях верх одержали Чарторыйские, в деле грубой силы победило войско Юдицкого. Замок был взят. При этом убили нескольких шляхтичей, сторонников Чарторыйского, более десяти было ранено. А что касается простолюдинов... Наверняка им, как всегда, досталось больше всех, просто нанесенный им ущерб никто не подсчитывал.

Итак, Юзеф Юдицкий со своей бандой захватил Речицкий замок и разогнал законный суд. Что же дальше? Как бы то ни было, закон в стране оставался. Да еще не абы какой — Статут ВКЛ был в свое время лучшим образцом юридического документа. И согласно закону, разбойному судье предстояло отвечать за свой поступок, который тянул на смертную казнь. Пример тому — судьба еще одного преданного слуги Радзивилла, упоминавшегося Михала Володковича. Минский суд приговорил его за бесчинства к смертной казни и казнь осуществил, несмотря на угрозы. И хотя Радзивилл впоследствии чуть не захватил город, мстя за смерть любимца, и всячески выставлял его невинным агнцем, приговор был признан законным.

Понимая, что его покровитель все же не всемогущ, а после совершенного законных оснований для защиты нет, Юдицкий в лучших традициях авантюрной литературы подался со своим воинством в Жировицкие леса.

В дело вмешался великий канцлер литовский. Но достать судьюразбойника в лесных дебрях было задачей нелегкой. И тогда канцлер обратился за помощью... к русским войскам. Это не было в обычае. Но факт в том, что войска иных магнатов в то безвластное время были сильнее, чем войска Речи Посполитой.

В Речицкий уезд приехал отряд русской армии в 300 всадников под предводительством майора.

У Юдицкого, однако, имелись свои осведомители. И он укрылся в кармелитском монастыре в Жировичах. Наши предки строили храмы оборонного типа — и такой монастырь было взять отнюдь не легче, чем замок. Тем более теперь Юдицкий знал, что речь идет о его

собственной жизни. Да и на этих землях был он хозяином, ему подчинялись и помогали все, в том числе и монахи.

Русское войско окружило Жировичский монастырь и костел. Неизвестно, как долго длилась бы осада, но майор силой отобрал у настоятеля монастыря ключ от костела, где укрылся Юдицкий. Преследователи вошли в храм, но преступника там не было… Ктото догадался заглянуть в склеп, где были захоронения рода Юдицких.

Там и обнаружился судьяразбойник: он сидел на гробе своего отца, наставив на захватчиков пистолеты.

Как знать, чем окончилась бы эта сцена, но то ли майор обладал искусством ведения переговоров, то ли Юдицкий окончательно протрезвел и осознал безнадежность своего положения…

В общем, он положил пистолеты и сдался.

Матушевич, мемуарист и еще один преданный слуга Радзивиллов, дальнейшую судьбу речицкого судьи описывает так: «Узялі яго і завялі на каптурныя суды ў Рагачоў, дзе судзілі яго дэкрэтам на горла і расстралялі. І супраць гэтай справядлівасці нічога не скажаш».

Похоже, и Кароль Радзивилл понимал, что его слуга перегнул палку в стремлении угодить сюзерену… Если память о Володковиче Радзивилл хранил до конца жизни и мстил за него по мере возможности, то история с Юдицким была забыта.

В списке депутатов от Речицы на сейм имя Юзефа Юдицкого герба «Радван» стоит последним. Вскоре после его смерти речицкие земли (как и вся Белоруссия) вошли в состав Российской империи.

ТРОН В ПРИДАНОЕ.
ЯН МИХАЛ СОЛОГУБ
(?–8 мая 1748)

Усли кто и не помнит бессмертный рассказ Чехова «Свадьба», то уж фильм — обязательно. И как в конце сюжета жених, совершенно равнодушный к легкомысленной невесте, начинает инспектировать ее приданое. Взрезает подушки и устраивает грандиозный скандал, потому что ему обещали подушки с пухом. А там — перо!

Смешно... Но это если дело касается подушек. А когда приданое измеряется городами, лесами и полями, тут уж не только перья полетят, но и пушечные ядра.

В истории Беларуси споры изза приданого именитых невест — не одна страница кровавой летописи. Наверное, самый известный такой конфликт произошел изза приданого последней из рода Олельковичей, княжны Софии Слуцкой. Тогда ее опекун Иероним Ходкевич и отец жениха Радзивилл Перун чуть не устроили войну на все Великое Княжество Литовское, только вмешательство короля и неустанные молитвы благоверной Софии предотвратили тысячные жертвы.

После смерти магната Богуслава Радзивилла единственной наследницей обширных земель осталась его дочь Людвика Каролина. А она вышла замуж за пфальцграфа нейбургского Карла Филиппа. Так возникла полувековая тяжба за «нойбургскія маёнткі», в которой участвовали, кроме немецких князей, Сапеги и Радзивиллы.

Читая исторические исследования о XVIII веке, иногда ловишь себя на мысли, что главное, чем были заняты в то время люди,— это тяжбы за наследство, за приданое и за право опекунства...

Хотя на самом деле у населения ВКЛ и Польши хватало других проблем. Северная война выбила на территории Беларуси каждого второго жителя, разрушила почти до основания города... Борьба за трон между разными коалициями, где опятьтаки на первых ролях — Сапеги и Радзивиллы со своими кандидатами. Остальные магнаты, не говоря уже о более мелкой шляхте, примыкали то к одной партии, то к другой, зачастую перебегая туда и обратно по нескольку раз...

Не был исключением и воевода брестский Ян Михал Сологуб. Вначале поддерживал кандидатуру на трон саксонского курфюрста Августа II, затем переметнулся в лагерь Станислава Лещинского, на следующий год опять стал сторонником Августа. А через десять лет

уже сотрудничал с будущим королем Станиславом Понятовским. В борьбе за нейбургское наследство Ян Сологуб был столь же «последователен»: поначалу — на стороне Радзивиллов, затем вошел в союз с Сапегами и Чарторыйскими против Радзивиллов...

А что же сами невесты?

Для богатой дамы прошлых веков нелегким испытанием было остаться вдовой или незамужней сиротой... За право опекунства сражались не менее люто, чем за богатую невесту. Впрочем, довольно часто подопечная, подрастая, становилось женой либо опекуна (как в случае с Богуславом Радзивиллом и его племянницей), либо его сына.

К сожалению, язык документов скуп, чаще всего в них можно вычитать только сухой факт... Вот строка из энциклопедии: «В 1738 году Ян Михал Сологуб стал опекуном виленской воеводянки Терезы. Она выбрала его своим опекуном против воли ближайшего родича, витебского воеводы Мартина Огиньского. Род Огиньских отказался признать покровительство Сологуба... Начались разбирательства. Мартин Огиньский был человеком влиятельным — кроме прочих титулов, стольник, особа, приближенная к королю...» К слову, в мемуарах шляхтича Яна Пасека описывается случай: стольник Мартин Огиньский поймал в лесу одичавшего, обросшего волосами мальчика, воспитанного, как тут же предположили, медведями, и привез ко двору. Феномен вызвал острый интерес: какой же королевский двор без шутов, карликов, горбунов и прочих «потешных» личностей? Королева даже покормила белорусского Маугли грушами, а тот, будучи бесконечно далек от установлений этикета, поев, плюнул в благодетельницу и попал прямо между глаз. Конфуз, королева выбежала изза стола... А король — ничего, свел все к шутке...

Но Мартин Огиньский Сологуба не победил.

Между тем управлять имуществом подопечной — хорошо. Но приданое жены — надежнее. Вскоре Сологуб попросил руки вдовы мстиславского воеводы Ежи Сапеги Теодоры, дочери инфлянтского хорунжего Самуэля Солтана. Приданое вдовы Теодоры — еще одно яблоко раздора того времени. Дело в том, что Ежи Сапега был женат дважды. От первого брака, с Изабеллой Полубинской, у него было пятеро детей. Изабелла принесла ему огромное приданое. Но основную часть наследства Ежи оставил дочерям от второго брака, с Теодорой Солтан,— Кристине и Терезе. Так что законные претензии имелись у многих.

То, что в этой битве «нарисовался» Ян Михал Сологуб, не случайно. Человек он был в летах, вдовец, так что подходил не юной Кристине, а ее матери. Неизвестна дата его рождения, но к тому моменту, как Ян

Сологуб просил руки Теодоры, его старшему сыну Юзефу Антонию было уже около тридцати лет. И хотя, разумеется, Ян думал о собственных интересах, примыкая к лагерю Сапегов, скорее всего, делал предложение с их одобрения.

Теодора Яну Сологубу отказала. Хотя когдато этот рыцарь пользовался шумным успехом у дам. Мемуарист Мартин Матушевич описал то, как его друг, молодой шляхтич Ян Сологуб, женился на Елене Шамовской. Они были у Шамовских в гостях. А согласно сарматскому обычаю желание гостя — свято, гостей надлежало угощать «з прымусам» и ни в коем случае не отпускать домой трезвыми. Существовала целая система прощальных «чарак»: «аглаблёвая», «страмянная»... Последнюю подавали гостю, который уже сидел в седле.

Ян Сологуб заупрямился и не хотел пить свою законную стременную. Поставил условие: выпьет только в том случае, если какаято из дочек хозяина по обычаю «прап'е» ему, то есть прежде отопьет из бокала сама, что показывало уважение и симпатию. Одна из дочерей Шамовского, Елена, согласилась: отпила из бокала и подала его Сологубу.

Существовал еще и такой шляхетский обычай: разбивать бокал, из которого пили особо важный гость или очаровательная дама. Так же галантно поступил и Ян Сологуб, причем сумел обставить дело с особой удалью: поставил бокал на голову своему коню и выстрелил в него из пистолета (в смысле в бокал, а не в коня). По всей видимости, конь был боевой, специально тренированный не пугаться выстрелов, потому что Ян остался в седле. Зато после «убийства» бокала Сологуб сразу спешился, упал на колени перед Еленой и ее отцом и попросил руки прекрасной дамы, подавшей ему кубок. Поскольку хозяин был тоже нетрезв, да еще, видимо, страстно желал поскорее спровадить шумного гостя, то и пообещал ему руку дочери. Матушевич уверяет, что Шамовский искренне считал это шуткой, да и, похоже, был уверен, что гость, протрезвев, вряд ли вспомнит свое пьяное сватовство.

Но Ян Сологуб отнюдь не страдал провалами памяти. Елена Шамовская ему понравилась, ее приданое тоже, и он потребовал, чтобы девушка, как было обещано, стала его женой. И как отец ни пытался свести все к шутке, Ян просьбами и угрозами своего добился. Сыновья Елены и Яна Юзеф Антоний и Антоний Юзеф стали известными государственными деятелями, надежными союзниками отца в его политической борьбе.

Но вернемся к тому времени, как овдовевший Ян Сологуб получил отказ от вдовы Сапеги Теодоры. Бравый шляхтич не отчаялся и посватался к другой богатой даме — вдове трокского кастеляна.

А за его наследие тоже боролись Сапеги и Радзивиллы. Рассмотрению их тяжбы были посвящены трибуналы 1741 и 1742 годов. Вначале победили Сапеги. Затем потянули одеяло на себя Радзивиллы...

И тут со своим сватовством — веселый вдовец Ян Михал Сологуб.

На этот раз Сапеги, в чьей партии на тот момент он находился, не давали Яну санкции на сватовство и почувствовали себя обманутыми. После крупной ссоры Сологуб снова примкнул к Радзивиллам. В 1741 году в Минске Радзивиллы и Ян Сологуб подписали договор о «дапамозе ў сямейных і публічных інтарэсах». Радзивиллы хотели подключить к политической борьбе и сына Яна Михала Юзефа, чтобы тот выдвинул свою кандидатуру на должность маршалка трибунальского. Тогда понятно, в чью пользу охотнее склонялись бы весы Фемиды... Но Юзеф отказался от предложения.

Как пишет Мартин Матушевич, после вдовый Ян Михал все же женился на трокской кастелянше. Но жена была «дзіўнага гумору пані», и Ян Михал решился подать на развод, аргументируя отсутствием детей. Заплатил большие деньги виленскому епископу и развод получил. А после женился на своей подопечной, виленской воеводянке Терезе. Как утверждает тот же Матушевич, она засиделась в незамужнем состоянии изза властной матери, и только после ее смерти смогла выйти замуж.

Тут же началась тяжба с Огиньскими — Станиславом и Игнацием, которые были мужьями сестер Терезы — Марианны и Елены. И — новый выверт политических интересов. Огиньские — союзники Радзивиллов, таким образом, естественными союзниками Сологуба опять стали Сапеги!

А между тем трокская кастелянша подала аппеляцию королю, желая вернуть блудного мужа, якобы двоеженца. Дело дошло до Папы Римского…

Но дети у Яна Сологуба были только от Шимовской. А в родословных у него указаны всего два брака.

Переходить от Радзивиллов к Сапегам и обратно Яну Михалу пришлось еще не раз. Политиком он был прожженным. Если надо, срывал сеймики и сеймы, если надо, примирял магнатские коалиции. В результате его титулы очень внушительны: чашник замойский, ловчий Великого Княжества Литовского, великий подскарбий,

воевода брестский, бригадир войска Великого Княжества Литовского, маршалок Трибунала, староста речицкий...

Умер Ян Михал Сологуб в 1748 году. Кого из женщин, к которым он сватался, он действительно любил, а где был голый расчет — теперь сказать трудно. Но, наверное, до конца жизни помнил он тот «страмянны кубак», поднесенный ему прекрасной Еленой Шамовской.

ЗОДЧИЙ МРАЧНОЙ КРЕПОСТИ. ТЕОДОР НАРБУТ (1784–1864)

Бобруйская крепость, санаторий в Друскининкае, археологический музей в Вильно... У их истоков стоял один человек — Теодор Нарбут...

Он родился в 1784 году в имении Шавры бывшего Лидского уезда, сейчас это Вороновский район.

Сегодня нет того имения. Хотя были там и красивый усадебный дом, и въездные ворота, украшенные раритетами, добытыми хозяином усадьбы во время раскопок, и уникальная библиотека...

Род Нарбутов древний и славный. По легенде, три линии — Радзивиллы, Остики и Нарбуты — ведутся от жреца Лиздейки, сына князя Наримонта. Сам Теодор Нарбут в эту версию верил и любил писать свою фамилию так: ОстикНарбут.

Возможно, с легенды о родословной и началось увлечение маленького Теодора историей. Впрочем, это не помешало ему поначалу выбрать профессию самую что ни на есть техническую — военного инженера. В 1803 году Теодор Нарбут закончил петербургский кадетский корпус, ему присвоилось странное на современный слух звание «кондуктор первого класса» и началась первая работа — исследование Немана в группе гидрографа Энтельвейна.

А дальше — войны.

Вначале Теодор участвовал в войне России и Пруссии против Франции, потом — в русскошведской... В перерывах военный инженер занимался возведением крепостных сооружений, но и в боях побывал нешуточных. И контузило его так, что почти потерял слух, и руку прострелило. В рукопашном бою под Астраленкой получил штыковое ранение. Видимо, этого с Нарбута хватило. Больше в боях он не участвовал.

Начался один из крупнейших проектов его жизни — Бобруйская крепость.

Российское командование понимало, что нужно укреплять западные рубежи. Для этого было решено построить пять крепостей. Для одной из них присмотрел место Теодор Нарбут — на развалинах древнего замка в Бобруйске, над рекой Березиной.

Его проект был одобрен.

Бобруйская крепость считалась самой неприступной, самой оснащенной в Российской империи. Думал ли Теодор Нарбут, участвуя в ее строительстве, что строит и одну из самых страшных в империи тюрем? Именно в Бобруйскую крепость были брошены некоторые декабристы, а во время восстаний, бушевавших на территории Беларуси, грозная крепость становилась темницей для инсургентов.

Но и российский царь Александр II, который подписывал проект, вряд ли подозревал, что зодчий впоследствии будет строить планы по захвату этой крепости. А пока он ее строил и... делал раскопки.

Ведь во время возведения фортификационных сооружений земляных работ проводится много. Вот и разрыли рабочие курган, потом другой...

Это сейчас каждый школьник знает, что курган — древняя могила... А во время Теодора Нарбута об этом нужно было комуто догадаться и научно доказать. Нарбут увлекся раскопками. Знакомство с доктором Генертом из Быхова, книгособирателем, стало еще одним стимулом. В собрании Генерта находилась уникальная рукопись XIV века. Молодой инженер читал ее, как увлекательнейший роман. И, выйдя в отставку и поселившись в своем имении Шавры, всерьез занялся историческими исследованиями. Публикация «О курганах» положила начало научным работам. Правда, многие ученые обвиняли Нарбута в том, что он выдумывает первоисточники и много фантазирует. Похоже, не без того — Теодор очень увлекался легендами и преданиями да и специального образованиято не получил. Но все же его заслуги перед исторической наукой несомненны: он — автор девятитомной «Древней истории литовского народа», первого столь фундаментального исследования о совместной истории белорусского и литовского народов, о Великом Княжестве Литовском. Кстати, мало упоминаемый факт — за этот труд Николай I наградил Теодора Нарбута перстнем с бриллиантом.

Нарбут создал в Вильно археологический музей и археографическую комиссию. Параллельно не забывал и о хозяйстве, экономистом был неплохим. А еще в Друскининкае основал водолечебницу... Именно там теперь действует известный санаторий. И еще одна из его заслуг перед наукой — он опубликовал «Хронику Быховца».

Вот только вокруг нее разгорелся скандал... Рукопись была найдена учителем виленской гимназии Ипполитом Климашевским в библиотеке помещика Быховца из усадьбы Могилевцы Волковысского уезда. Впоследствии Быховец переслал ее Нарбуту, и тот ее

опубликовал. Описываются в хронике события до 1506 года, в том числе Грюнвальдская битва... Причем на хорошем белорусском разговорном языке и с позиций патриота Великого Княжества Литовского. Например, там утверждается, что под Грюнвальдом Тевтонский орден был разгромлен силами только княжества, а поляки «и сабли не вынимали», рассказывается, как жители Вильно не хотели принимать «латинскую веру», и что Витовт, как и Ягайло, вначале был православным. И, разумеется, непредвзятому читателю сразу понятно, что под термином «Литва» нужно понимать «Беларусь». Сразу пошли слухи, что «хроника» фальсифицирована Теодором Нарбутом: он прекрасно владел белорусским языком, занимался литературными переводами. К тому же рукопись таинственным образом исчезла сразу после опубликования, Ипполит Климашевский тоже пропал: он участвовал в восстании 1831 года и после уехал в эмиграцию. Но сегодняшние исследователи сходятся все же на том, что рукопись подлинная и написана в середине XVI века.

А как же «лирическая линия» сюжета? Любовь? Семья?

Хозяйство в Шаврах вела сирота, бедная шляхтянка, а по некоторым сведениям, и вообще крестьянка, Кристина. В одних исследованиях ее девичья фамилия называется как Пайздерская, в других — Садовская. Ее отец служил солдатом в армии Тадеуша Костюшко. Была Кристина младше хозяина почти на 20 лет. Именно она и стала его избранницей. Подарила ему девять (коегде говорится — 11) детей... Причем трое первых, Михал, Атон и Альдона, умерли в детстве.

Много лет Кристина пребывала в статусе сожительницы, дети, которые рождались, считались незаконными. Женился Теодор на Кристине только в 56летнем возрасте.

...Начало XIX века. Сожительство помещика с молоденькой служанкой, наверное, не было редкостью, но в данном случае она не находилась в статусе наложницы. Теодор признавал рожденных от нее детей, жил рядом с ней до конца дней, вероятно, у них были общие патриотические взгляды и настоящая любовь. Неосвященный брак в обществе того времени считался скандалом. То, что Теодор долго не женился, похоже, подтверждает нешляхетское происхождение сироты Кристины. Женитьба родовитого шляхтича, родни Радзивиллов, на безродной девушке — это тоже должен был быть скандал. Однако венчание состоялось перед самым восстанием 1831 года, в Варшаве уже шли сражения. Скорее всего, Теодор предвидел страшные испытания и хотел, пока есть возможность,

«узаконить» детей и возлюбленную. На верующих людей не могло не влиять и то, что дети, рожденные «во грехе», умирали один за другим.

В войне 1812 года Теодор Нарбут не участвовал. Хотя существует много версий почему. Официальная — изза болезней, старых ранений сидел себе в своих Шаврах. Другая версия — на самом деле он воевал на стороне Наполеона, был переводчиком при штабе Маро (все же знание десятка языков!). Третья — участвовал в войне на стороне русских войск и даже был награжден. Впрочем, наградили его действительно, но в начале 1812 года — за возведение Бобруйской крепости. Цитадель тогда была почти завершена, а Нарбут в связи с ухудшением здоровья подал в отставку.

Итак, 1812 год — темное пятно... Но восстание 1831 года — фрагмент не светлее. Вроде бы Нарбуту предложили присоединиться к инсургентам, но он отказался, опятьтаки сославшись на контузию, изза которой потерял слух. И есть гипотеза, что на самом деле он не самоустранился, а просто занялся тайной подготовкой к захвату возведенной им Бобруйской крепости. Во всяком случае, позицию свою он обозначил — за пасквиль на Россию в 1831 году Теодор Нарбут был арестован, но, поскольку доказательств его связей с восстанием не нашли, отделался штрафом.

А вот следующее восстание, 1863—1864 годов, стало для семьи роковым. Сам Теодор Нарбут был уже в преклонном возрасте, но его дети как раз подросли. Сын Людвик Нарбут, родившийся вскоре после того, как родители освятили свой брак, стал известным повстанческим командиром. Он погиб в бою. Кстати, в его отряде сражался молодой Франтишек Богушевич. Другой сын, Болеслав, после гибели брата командовал отрядом, был арестован, приговорен к смерти, но ввиду юного возраста смертный приговор заменили каторгой. Еще один сын, Франтишек Нарбут, учился на факультете права Петербургского университета, присоединился к мятежникам, после поражения восстания эмигрировал в Европу. Самый младший сын, Станислав, в свои одиннадцать лет был у повстанцев дозорным. Впоследствии он окончил Мюнхенский университет, стал врачом, много лет работал в Браславе, оставив о себе добрую память. Еще один сын, АлоизАлександр, оказался «по другую сторону баррикады»: когда началось восстание, он служил поручиком гренадерского полка в Петербурге. Но в 1864м подал в отставку, что неудивительно. Принимала участие в событиях и 24летняя Теодора Нарбут. Когда над ней нависла угроза ареста, ее матери Кристине удалось организовать дочери побег. Теодора уехала в Париж, долго жила там, поскольку была заочно приговорена к каторге, а умерла в Кракове в 20х годах

прошлого века, в доме престарелых. На родовом древе Нарбутов значатся еще дочери Амелия и Иоанна, но об их судьбе рассказать вам не могу.

Кристина и Теодор Нарбуты были признаны врагами империи. Плохо воспитали детей! Только Теодора уже не получилось наказать: когда пришли его арестовывать, он был парализован, и 26 ноября 1864 года, на восьмидесятом году своей жизни, умер. Его похоронили рядом с костелом в Наче, неподалеку от Шавров. А вот Кристине снисхождения не полагалось, хотя и она уже была немолода. Ее выслали в Пензенскую губернию.

Вернулась Кристина Нарбут в Шавры только в 1871 году (хотя часто пишут, что она пробыла в ссылке 20 лет). Добиралась где пешком, где на телеге... В разоренное гнездо приехал и сын Болеслав: на каторге он заболел чахоткой и был отпущен домой умирать. В 1889 году его похоронили на кладбище в Шаврах. Через десять лет рядом появилась могила Кристины Нарбут.

Что ж, в 1891 году количество «польских» ссыльных в пределах Российской империи доходило до 100 тысяч. Только представьте эту цифру! И примите во внимание, что это были люди образованные, граждански активные и в большинстве своем — с белорусских земель.

Усадьбу в Шаврах сровняли с землей. Сегодня там возле кладбища стоит валун с надписью: «Нарбутам — участникам восстания 1863 года. Потомки».

УТОПИСТ ИЗПОД ОШМЯН. ПАВЕЛ БЖАСТОВСКИЙ (1730 (1739 ?) –1828)

Во все времена были люди, мечтавшие о некоем всеобщем счастье, чудаки, пытавшиеся сделать чтото не для себя, а для других...

1791 год. Не самый благоприятный час для земель, входивших в Великое Княжество Литовское и Речь Посполитую... Существование самого государства под вопросом. А 4 апреля на сейме, главном законодательном органе ВКЛ, утверждается статут, то бишь Конституция, нового государства, расположенного... внутри Великого Княжества. А вот и президент этого странного государства — Павел Ксаверий Бжастовский. Убеждает, доказывает... Что ж, он опытный публицист и полемист... Но, конечно, чудак из чудаков, по дружному мнению шляхты. Род Бжастовских древний, богатый. Всякие персонажи в нем встречались. Один из Бжастовских заключал Андрусовское перемирие в 1667 году, другой в качестве епископа обрек на сожжение Казимира Лыщинского, белорусского философаатеиста.

Павел Бжастовский превзошел, пожалуй, известностью предков. С сейма он уходил полноправным правителем отдельного государства. И что с того, что государство это размером с его усадьбу Мерачь... И, собственно говоря, находится в ее границах.

Зато это полноценная демократическая президентская республика! Павловская Республика, или Павловская Речь Посполитая.

Как известно, многие философы пытались претворить в жизнь свои возвышенные идеи. Правда, до сих пор никому не удалось построить идеальное государство. Даже Платон потерпел поражение, хотя его ученик, тиран Сицилии Дионисий Младший, сам призвал его внедрять на практике блестящие идеи, наделив властью и деньгами... Но вскоре, оценив реформы, чуть бывшего учителя не казнил. Еле унес ноги основатель первой академии.

Павел Бжастовский был очень интеллигентным человеком прогрессивных убеждений. Чтобы получить высшее образование, поехал на три года в Рим. По возвращении его назначили великим писарем литовским. Должность не маленькая, как вы могли подумать,— одна из самых высоких в государстве. Ее занимали

князья, магнаты, родовитые и влиятельные лица вроде Сапегов. Но Бжастовский, судя по всему, мало значения придавал родовитости и богатству. Он увлекся философией СенСимона, Томаса Мора, Шарля Фурье, особенно уважал Жан Жака Руссо. Близки были ему взгляды физиократов — французской школы экономистов, сторонников «естественного порядка». Физиократы считали, что общество — единый организм, и главное — предоставить полную свободу действию «естественных законов», заниматься сельским хозяйством и отменить сословия. Бжастовский был не единственным последователем этой теории на наших землях. Подканцлер Великого Княжества Литовского Иоахим Литавор Хрептович, живший в одно время с Бжастовским, написал книги «Размышления о создании и распределении богатства» и «О естественном праве». Он тоже пытался осуществить на практике свои идеи — в собственных имениях Новогрудского воеводства Щорсы и Вишнево, о чем тогдашняя польская поэтесса Т. Глинская даже написала поэму «Щорсы». Да и сам Жан Жак Руссо имел шанс поэкспериментировать в Беларуси — его приглашал подскарбий Великого Княжества Литовского Тизенгауз. Руссо, кстати, очень понравились белорусские пейзажи — он даже мечтал провести последние дни жизни в Беловежской пуще. Как водится, и этот философский проект не удался, и великому французу пришлось спешно уезжать с Гродненщины, как в свое время Платону — из Сиракуз.

А вот Павел Бжастовский, или, как переводили его фамилию на белорусский язык, Берестовский, свои идеи воплотил. Хотя Павловская Республика получила официальный статус в 1791 году, провозгласил ее Бжастовский 10 марта 1767 года. В том же году, как приобрел Мерачь и ужаснулся бедности и забитости своих новых холопов. Итак, все граждане Павловской Республики провозглашались равными, каждый бесплатно наделялся землей, каждый мог быть выбран на любую должность. Законодательная власть передавалась двухпалатному сейму, исполнительная — министерствам. Как принято при демократии, все вопросы решались большинством голосов. Во главе стоял президент... Догадайтесь, кого граждане Павловской Республики выбрали на эту должность? Правильно, Павла Ксаверия Бжастовского. К тому же пожизненно. И саму Мерачь переименовали в Павлово.

Нетрудно представить, как окрестные шляхтичи насмехались над чудаком соседом. Хотя эксцентричных людей на нашей земле хватало всегда. Кто дорогу солью посыпает, чтобы на санях, запряженных медведями, летом проехаться, кто заставляет крестьян на латыни

изъясняться... Как говорили предки, «шляхціц на загродзе роўны ваяводзе». То есть в своих владениях что хочет, то и творит.

Но намерения новоявленного президента были тверды. Планы ясны. Вопервых, он освободил крестьян от панщины, заменив ее чиншем, специальным налогом. Министерство финансов имело банк, который впоследствии перешел на собственную валюту. Да, да, в Павловской Республике чеканились свои деньги! Правда, неизвестно, насколько они имели хождение за ее границами. А границы охраняли войска. У военных — эффектная униформа: черные папахи с красным верхом и белой окантовкой по краям, белые жупаны с латунными пуговицами, добротные сапоги со шпорами. Все своего производства. Войско было необходимо, потому что всякое государство имеет право объявлять войну и должно быть в состоянии себя защитить. В случае войны предусматривалась возможность сзывать ополчение.

Конечно, в демократической республике были бесплатное образование и медицинское обслуживание — то есть школа и больница. Ну и свой флаг и герб. Имелся и летописец — как и следует представителю этой профессии, он остался неизвестным. Но оставил текст «Павлово от 1767 до 1795, одним домашним приятелем описанное». Это произведение было напечатано в 1811 году в Варшаве и Вильнюсе на польском языке.

Согласитесь, столько лет существования такого государства — это уже достойный результат. И даже невероятный, учитывая, какие страсти кипели тогда на наших землях, разрываемых на части политическими группировками. Во время восстания 1794 года под руководством Костюшки крестьяне Павловской Республики выслали в повстанческие отряды 150 воинов, за свой счет снарядили две пушки...

Но жернова истории перемалывают даже драгоценные камни. Вскоре Бжастовский вынужден был продать имение... Правда, говорят, он поставил покупателям условие, чтобы прежний уклад жизни сохранился, чтобы продолжала действовать принятая в 1791 году Конституция Павловской Речи Посполитой. И фактически карманная республика просуществовала до 1824 года, пережив войну с Наполеоном. Только по указанию из СанктПетербурга крамола была ликвидирована, свободные граждане из Павлово переведены в состояние крепостных.

Павел Ксаверий Бжастовский пережил свое государство на три года. Он оказался в эмиграции, жил в Риме, Дрездене. Писал публицистику. Умер в возрасте 88 лет. Могила его не сохранилась.

Более того, не осталось и памяти о Павловской Республике. Историк Станислав Терехин пишет: «У канцы XIX стагоддзя адзін з выдаўцоў часопіса «Літва і Беларусь» віленскі літаратар І. Обст наведаў Паўлава, але, на яго вялікае расчараванне, ніхто, нават сівыя дзяды, нічога не маглі яму расказаць пра Паўлаўскую Рэспубліку... Толькі стары прыходскі святар успомніў, што ў яго да нядаўняга часу захоўвалася манета з гербам сялянскай рэспублікі, ды і тая дзесьці згубілася».

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ГРАФ. МИХАЛ ВАЛИЦКИЙ (1746–1828)

Если бы мы с вами могли перенестись в Минск середины XVIII века, в котором воеводой был Ян Август Гильзен, а буйный шляхтич Михал Володкович сорвал проповедь ксендза Облочинского, приведя на площадь перед кафедральным собором «медведей, обезьян и ряженых цыган», мы непременно гденибудь на улицах, в гуще любопытствующей толпы, приметили бы шустрого голубоглазого школяра Минского коллегиума Михала Мицкевича.

Уж тот «вьюноша» не преминул бы полюбоваться интересным зрелищем. И на место пробился бы самое выгодное.

Спустя много лет Фаддей Булгарин напишет о нем, что он «мог бы быть героем весьма занимательного романа, если бы жизнь его была вполне известна», а автор популярных романов Крестовский — что это «один из замечательных авантюристов, почти современник знаменитого Калиостро».

Юный Михал Мицкевич (вошедший в историю как граф Валицкий) родился в 1746 году в бедной шляхетской семье, и выпал на его долю век плаща и кинжала. Михал приходился родственником Фаддею Булгарину, поскольку даже воспитывался за счет фаддеевого богатого дяди, кравчего Бучинского. Минский коллегиум, потом — учеба в Могилеве... По достижении 18летнего возраста, как свидетельствует Булгарин, опекун вручил Михалу «бричку, четыре лошади, саблю, ружье, пару пистолетов; дал кучера и мальчика для прислуги; снабдил постелью, бельем и несколькими парами платья», а также дал 100 червонцев и несколько рекомендательных писем в Вильно и Варшаву.

Крестовский утверждает, что еще по обычаю молодому человеку для вразумления перед вступлением на самостоятельную жизненную стезю всыпали 100 плетей, уложив на ковер, как полагается шляхтичу.

Но, может быть, Крестовский просто плохо понял мемуары Булгарина, который уверяет, что как раз его родственник подобного напутствия и не получил.

Впрочем, нас интересует одно — честолюбивый талантливый молодой человек отправляется на завоевание мира!

О следующих 20 годах жизни Михала скажут: «Исчез, как камень, брошенный в воду».

От этого камня были, однако, вполне заметные круги.

Именно в этот период своей жизни Михал во всех тонкостях овладел искусством игры в бильярд и карты.

О, это были не просто игры! Это был образ жизни. Играли везде — в светских салонах и трактирах, магнаты и простые солдаты, в разрешенных местах и подпольно. В кураже даже не считали монет: обычной ставкой была «стопка» — рюмка, наполненная золотыми монетами.

Разумеется, поначалу у будущего графа получалось не все: во всяком случае, после приключений в Минске (где Михал, кстати, поработал вицерегентом в местных судах), Кракове и Варшаве он, проигравшись вдрызг, оказался в качестве маркера в трактире Лемберга, нынешнего Львова.

Волею случая туда явился известный магнат, земляк Михала князь Ф. Сапега. Был он чрезвычайно богат и чрезвычайно эксцентричен, поговаривали, что Эжен Сю именно с него списал образ князя Родольфа из «Парижских тайн».

Михал смог заинтересовать земляка своей особой, вероятно, продемонстрировал и блестящую игру. А еще он обладал тем, что более всего ценил тот век — умением остроумной и занимательной беседы.

Сапега взял Михала с собой в Вену, там помог с деньгами. И будущий граф Валицкий развернулся. Както в одном подозрительном трактире он метал банк. Вдруг в комнату вошел пожилой сухопарый человек с длинными усами и в венгерке. Он потребовал игры вабанк. Все ставки — на одну карту. Однако предъявить нужную сумму наличными отказался. Игроки стали возмущаться, но Михал Мицкевич заявил, что верит слову чести пришельца и готов играть против него один на один. Игра состоялась, гость проиграл. И пригласил Михала с собой, чтобы выплатить долг.

Чудаком оказался венгерский князь Эстергази, невероятно богатый и не менее эксцентричный, чем Сапеги. Он и стал новым опекуном Валицкого.

Вскоре вместе с Эстергази Михал едет в Париж. Мечта авантюриста! Более того, с помощью князя Михал получает доступ к королевскому двору. Но, уверяю вас, это совсем не просто! Для начала Валицкий знакомится в Париже с белорусским магнатом Веселовским, у которого учится придворным манерам. Активно занимается самообразованием. Но все равно мелкопоместный

шляхтич Мицкевич вряд ли мог быть принят королем. И на карточные выигрыши Михал откупает у воеводы Б. Валицкого право на фамилию и принадлежность к роду, у С. Солтыса — должность подстолия коронного. И наконец едет в Италию и обзаводится там настоящим графским титулом.

Так и появляется на свет «фантастический граф» Михал Валицкий. С совершенными манерами, щедрый и таинственный.

Путь наверх в ту эпоху лежал через салоны светских дам.

Валицкий знакомится с мадам Полиньяк, близкой подругой королевы МарииАнтуанетты. Голубоглазый литвин покоряет сердце мадам, и вскоре она представляет его своей венценосной подруге.

Валицкий делается постоянным партнером за карточным столом ветреной королевы. Какие еще роли он исполнял при дворе — про то ходит много домыслов. Говорили, что Валицкий был замешан в знаменитом деле об ожерелье королевы (вспомните роман Александра Дюма), и что был он любовником МарииАнтуанетты, и что исполнял секретные поручения королевской семьи. Впрочем, не исключено, что коекакие слухи впоследствии культивировал сам Михал. Точно известно одно: состояние Михала именно в период его придворных подвигов стало огромным. Ставки за королевским игорным столом были, как вы понимаете, немаленькие. К тому же настоящие королевы обычно не жалели бриллиантов. Вскоре коллекция драгоценностей Валицкого была чуть ли не самой богатой в Париже. Один из камней графа, сапфир, меняющий свой цвет с заходом солнца, был настолько популярен в обществе, что писательница мадам Жанлис сочинила о нем рассказ «Великолепный сапфир».

Французская революция положила конец легкомысленной и блестящей жизни двора МарииАнтуанетты. Валицкий возвращается на родину. Уже графом и миллионером. Можно предполагать, с какой иронией относились к графству карточного игрока родовитые шляхтичи! Однако король Станислав Понятовский титул Валицкого подтвердил, и Фаддей Булгарин это особо подчеркивает в мемуарах: родственник не был самозванцем! Король добро дал!

Теперь Валицкий может войти в роль благородного мецената и утонченного аристократа. Он переезжает в СанктПетербург, снимает первый этаж дворца Юсуповой, затем покупает собственный дом. Граф славится своими приемами и богатством. У него — обилие драгоценных вещиц, в том числе лучшая в Европе коллекция позолоченных табакерок, а еще уникальные предметы из сокровищницы французских королей. Например, двенадцать эмалированных табакерок, принадлежавших когдато Людовику XVI.

Как раз в это время вернулась из плавания кругосветная экспедиция Крузенштерна. Кому — географические открытия, а кому — возможность приобрести экзотические артефакты. Светские личности каждый день собирались поглазеть на аукцион, на котором продавались японский и китайский фарфор и прочие невиданные аксессуары. Как вы догадываетесь, Валицкий скупил очень много из привезенного на кораблях «Нева» и «Надежда».

Был ли он шулером? Разбогател на картах? Фаддей Булгарин родственника всячески обеляет, уверяя, что тот играл исключительно честно, просто ему везло. А состояние сделал на торговле драгоценностями. Просто в то время для аристократа считалось крайне неприличным заниматься торговлей. Вот Валицкий и распространял слухи о своем карточном благородном бизнесе.

Камешками Валицкий, конечно, приторговывал. Есть множество свидетелей, как к нему приходили с тайными делами известные ювелиры, да и камни — налицо. С другой стороны, тот же Крестовский, да и многие современники убеждены, что Валицкий был шулером высокого полета,— карточная школа Варшавы в то время славилась на всю Европу. Да и то сказать: когда Валицкий был, что называется, на пике формы, лучшие шулера не раз договаривались его обчистить. И что же? Он обыгрывал всех. А потом или возвращал деньги проигравшим, или пускал на благотворительность. Трудно представить, чтобы это мог проделывать ктото за счет одной только удачи.

Возможно, именно изза рискованных махинаций с драгоценностями Михал Валицкий опять перебирается на родину. Он покупает в Гродно дворец вицеадминистратора, потом неподалеку имение Озера. Тут создает образцовое хозяйство, суконную и бумажную мануфактуры. Строит «соломенный дворец» на берегу озера Белое. Возле которого, по свидетельству Крестовского, были ямы, где по несколько дней держали непокорных холопов. И вопли несчастных были аккомпанементом к панским забавам.

Под конец жизни большую часть своей коллекции драгоценных камней Валицкий подарил Виленскому университету. Там, кстати, за счет Михала обучались его бедные родственники, как когдато он сам. Для них же он купил дом, в котором они жили вместе с нанятым гувернером.

По меркам XVIII века Валицкий прожил долгую жизнь. Он ни разу не женился (как, впрочем, и Казанова), хотя красивых женщин вокруг него хватало. И, в отличие от упомянутых Казановы и Калиостро, наш

авантюрист смог построить благополучную жизнь на зыбкой почве эпохи.

Крестовский завершает свои рассуждения так: «Но... как бы то ни было, так или иначе, а всетаки шляхтич Валицкий с его фантастическим графством и шалыми миллионами является личностью крупной и достопримечательной».

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
БУКВЫ Ў.
АЛЕКСАНДР РЫПИНСКИЙ
(1811–1886)

Друг Пушкина, декабрист Кюхельбекер, Кюхля, человеком был странным — об этом еще Юрий Тынянов выразительно написал. Но в то же время дружескими чувствами к нему, прямодушному, стеснительному и отважному, проникались легко. Даже когда декабрист отбывал свое наказание в арестантских ротах в Динабурге (нынешний Даугавпилс), с ним подружились курсанты школы подхорунжих Александр Рыпинский и Тадеуш Скшидлевский, которые в той же крепости проходили службу. Вот Александр Рыпинский и станет героем этой истории.

Кюхля тоже проникся симпатией к молодым людям. Под их влиянием стал изучать польский язык, читал Немцевича, Одынца, Мицкевича. С помощью курсантов арестант налаживает переписку с товарищами, в том числе и с Александром Пушкиным. Когда Скшидлевского переводят на новое место службы, он через Рыпинского продолжает пересылать Кюхельбекеру новинки литературы.

Но Рыпинский, хотя и был в то время польским патриотом, осознает себя и белорусом. И путь его к статусу белорусского писателя долог и мучителен — как и для многих его современников. Рыпинский пишет стихи, пока на польском, помогает Кюхельбекеру в работе над трагедией «Шуйский»... И, конечно, мечтает о славе поэта.

Александр Рыпинский родился около 200 лет назад. Правда, насчет того, где именно, ученые во мнениях расходятся. Чаще всего место его рождения обозначают «деревня Куковячино Витебского уезда». Есть еще вариант — имение Стайки, которое принадлежало деду писателя, где он рос и где сформировалась его поэтическая натура. Судите сами: «У маёнтку майго дзеда, у Стайках, дзе я з дзяцінства гадаваўся, быў бярозавы гай на гары, якую звалі Гарадзішчам; пасярэдзіне яго расла вялікая яблыня, да якой я не раз бегаў па суніцы, якіх шмат было вакол. Але на маё няшчасце, тут, побач з яблыняй, вырасла аграмадная бяроза з нейкаю чорнаю ля тоўстае галіны нарасцю, цалкам падобнай на малпу, што нібыта мелася ўзлазіць туды. Мой Божа! Колькі разоў тая нарасць кідала мяне ў халодны пот... Рука шукала ў траве ягад, а вочы штохвілінна

пазіралі на тую злавесную бярозу, сочачы, ці не ссоўваецца праклятае страшыдла па мяне на дол?»

Как видите, Александр Рыпинский рос романтиком, его воображение покоряли белорусские легенды и предания. Еще во время учебы в Витебской гимназии он начал записывать песни и рассказы крестьян. Тетрадь с этими записями он носил в своем воинском ранце и потерял ее в вихрях военных событий.

Из Динабурга его вместе с однокурсниками послали на усмирение восстания в составе армии Дибича. По дороге они сбежали и присоединились к инсургентам. Рыпинский познакомился с легендарной Эмилией Пляттер, командиром инсургентов, они с друзьями даже посвятили воинственную даму в рыцари. В планах повстанцев среди прочего было взятие крепости в Динабурге и освобождение Кюхельбекера.

Когда восстание разгромили, Рыпинский вместе с однополчанами оказался в Пруссии. В России его отнесли в разряд преступников второй категории, которым грозило до 20 лет каторги. Но Пруссия повстанцев не выдала, им удалось уехать во Францию.

Так для нашего героя начались долгие годы эмиграции.

В Париже он общается с Мицкевичем, с которым его роднит любовь к Беларуси, много пишет сам, используя образы и мотивы белорусского фольклора. В Товариществе литовских и русских земель, в которое он входит с 1833 года, нужно заниматься литературной работой — писать о своей родине. Александр составляет семь тетрадей воспоминаний про восстание 1830—1831 годов, причем одна из них подписана «Александр Рыпинский, белорус». А на жизнь себе зарабатывает в качестве чертежника и рисовальщика. Даже открывает вместе с Ф. Ходькой, таким же поэтомэмигрантом, художественный магазин. Входит Рыпинский и в Польское литературное товарищество. На одном из его заседаний в 1839 году он зачитывает реферат «Белорусы. Немного слов о поэзии простого люда этой нашей польской провинции, о его музыке, песнях, танцах и т. д.». Как вы понимаете, автор ориентировался на настроение общества польских патриотов. Но, с другой стороны, сам себе в тексте противоречил, доказывая самобытность белорусского народа. Издал и книжку на польском языке «Беларусь», в которой в отдельном большом разделе помещались тексты белорусских народных песен, причем впервые систематизированные. И, кстати, именно Александр Рыпинский придумал самую национальную букву белорусского алфавита — «ў», памятник которой стоит в городе Полоцке.

В 1846 году, после пятнадцати лет эмигрантской жизни во Франции, Рыпинский переезжает в Англию. Объясняет этот переезд желанием изучить английский язык, чтобы содействовать переводу на него творчества польских писателей. Однако в Англию приезжает не как поэт, а как... фотограф. Искусство фотографии в то время только начиналось, в 1839 году французский художник Луи Дагерр продемонстрировал свои первые дагерротипы. Александр привозит оборудование для фотомастерской и начинает действовать. Параллельно занимается рисованием, преподает... Один из земляков оставил воспоминания о том, как навещал Рыпинского в пригороде Лондона: «Выпадкова на засаджанай ліпамі вуліцы я заўважаю дошку з дагератыпнымі партрэтамі. Набліжаюся і чытаю: “Alex Rypinski, Esquire. Робіць партрэты паводле свайго ўласнага і новага метаду на шкле, паперы etc. Дае ўрокі музыкі, малявання і моў. Польская і замежная друкарня”». Гость высказывает свою горечь по поводу того, что поэт должен разбрасываться талантами ради хлеба насущного.

В 1857 году Рыпинский получает английское гражданство.

Между тем Александр знакомится еще с одним эмигрантом, Игнатом Яцковским. И из этой встречи рождается одна из самых известных легенд белорусской литературы. Яцковский и Рыпинский становятся совладельцами книжного магазина и типографии, не в последнюю очередь для того, чтобы публиковать собственные сочинения. В книге бывшего новогрудского адвоката Игната Яцковского «Аповесць майго часу, або Літоўскія прыгоды» помещено воспоминание о встрече с талантливым деревенским юношей Павлюком Багримом, который писал прекрасные и грустные элегии на белорусском языке. Там же приведен и текст единственного сохранившегося стихотворения Павлюка «Зайграй, зайграй, хлопча малы...» В последнее время исследователи склоняются к мысли, что Павлюк Багрим — персонаж вымышленный, стихотворение придумал сам Яцковский... Может быть, и так. Но разве от этого ценность самого произведения умаляется?

А в сборнике произведений Рыпинского уже не только цитаты на белорусском, обращение к народному фольклору, но и баллада «Нячысцік» на белорусском. Это нехитрая история о мужике Миките, который в пост забивает кабана и за это оказывается наказан. Любопытно, что эпиграфы к балладе взяты из далматской рукописи Ю. Пальмотича и американских песен. Возможно, прибегая к мировому культурному контексту, Рыпинский, подобно и современным белорусским авторам, хотел избежать ощущения провинциальности.

Баллада переиздавалась несколько раз, но в России ее в печать не пустили. Профессор Срезневский в отзыве заметил, что книга не может быть издана, поскольку автор известен антигосударственными настроениями, а баллада написана на диалекте мужиков латинскими буквами, что может привести «к распространению грамоты латинской».

После того как была объявлена амнистия участникам восстания, Рыпинский продает типографию и возвращается на родину. Правда, Александр II приказывает установить за бывшим бунтовщиком строгий надзор. В 1858 году тот приезжает в имение брата Куковячино. В Беларуси уже появились интеллигенты, подобные Винценту ДунинуМарцинкевичу, которые осмысляют Беларусь не как часть Польши, а белорусский язык — не как диалект. Рыпинский знакомится с таким подвижником, соседом Артемом ВеригаДаревским, который писал о себе: «З беларушчынай не разбратаўся. Гэта мой ідэал. Можа, дарэмна на яе трачуся. Што ж рабіць — па Хомку шапка». Сохранилась записка Рыпинского к ВеригаДаревскому: «Іду, брат, патвойму, на мужыцкую свадзьбу». Александр активно собирает фольклор, сам пишет на белорусском — например, драматическую поэму «Адвячорак»... Восстание 1863 года в его биографии не отражается — то ли не сохранилось сведений, то ли власти постарались изолировать потенциального бунтовщика. Умер Александр, по разным источникам, или в 1886м, или в 1909м. Непростой оказалась судьба рукописей. Известно, что Рыпинский подготовил хрестоматию белорусской литературы. Список авторов насчитывал 55 персоналий. Книгу готовил к изданию профессор М. Пиотухович, но осуществить это издание не успел, был репрессирован и расстрелян в кровавом 1937 году. Рукописи исчезли. Историк и архивист Виталий Скалабан их нашел и в 1990 году опубликовал работу М. Пиотуховича «Рукапісы А. Рыпінскага», из которой мы и узнали о содержании исчезнувшего наследия.

ЛИТВИН С КОЛЫМСКОЙ ЗАИМКИ. ИВАН ЧЕРСКИЙ (1845–1892)

На берегу реки Колымы умирал человек.

Он давно был к этому готов, смерть не раз приближалась на расстояние удара... Ему вообще очень повезло, что смог дожить до 47 лет, в то время как столько друзей, юных повстанцев, легли в землю — кто в родную, кто в эту, сибирскую... Повезло, что смог столько совершить в жизни, хотя ему не дали ни получить нормальное образование, ни путешествовать туда, куда хотелось... Его уделом стала Сибирь, климат которой медленно убивал его.

Повезло и в том, что он, бесправный ссыльный, встретил любовь, создал семью... И теперь они были рядом — жена, преданная помощница, и двенадцатилетний сын Саша, записывающий под диктовку слова отца, у которого уже выпадает из рук карандаш.

Да, он чувствовал, что, возможно, едет умирать в эту последнюю экспедицию на Колыму, знал, что чахотка может обостриться... Но, наверное, такая смерть была ему милее, чем медленное угасание в столице империи. Не зря он так упорно стремился сюда, несмотря на предупреждения докторов.

Но смерть не должна стать помехой.

И умирающий составляет письмо в Императорскую академию наук и распоряжение: экспедицию надлежит продолжить, как и планировалось, до НижнеКолымска, руководство возьмет на себя вдова, Мавра Павловна Черская.

На распоряжении дата: 25 мая 1891 года. И подпись: Иван Черский.

Ивану Черскому предстояло прожить еще месяц, увидеть, как ломается лед на суровой сибирской реке, и умереть на корабле, в притоке реки Колымы с характерным названием Прорва. И вспоминать, вспоминать родную Беларусь...

И оставить запись: «Тут умирает литвин...»

На самом деле Черского звали Ян Станислав Франц. Родился он в имении Сволна Дриссенского уезда Витебской губернии, в семье шляхтича Доминика Черского герба «Равич». На этом гербе изображена дева, сидящая на медведе. Согласно древней легенде, один английский король оставил свое недвижимое имущество и корону сыну, а все движимое имущество — дочери. Сын решил

обойти завещание и впустил в спальню к сестре часть ее наследства — любимого медведя покойного короля. Однако принцесса укротила зверя и выехала из спальни на его спине. Девиз герба: «превращение Конфузии в Викторию», то есть поражения — в победу.

Ян Черский герба «Равич» родился в 1845 году таким слабеньким, что его крестили не в костеле, а дома. А через десять лет умер отец. Яна и его старшую сестру Михалину поднимала на ноги мать, Ксения из Кононов. Дети получили хорошее домашнее образование. Ян играл на фортепиано, неплохо рисовал, знал несколько иностранных языков. Потом отправился в Виленскую гимназию, затем — в Шляхетский институт. Настроения там были самые революционные. И когда вспыхнуло восстание 1863 года, 18летний Ян надел инсургентский мундир. Причем он был сторонником «ЛітоўскаБеларускага Чырвонага Жонду» — наиболее радикальной группировки, возглавляемой Кастусём Калиновским.

Разгром восстания стал культурной катастрофой для Беларуси. Тысячи и тысячи талантливых, образованных молодых людей оказались за пределами родины, став знаменитыми учеными, общественными деятелями в других странах... Ян Черский оказался в их числе. Хотя поначалу его судьба представлялась сломанной вовсе. Его лишили дворянства и выслали в Омск, в штрафной батальон. Бессрочная солдатская служба — за четыре недели, проведенные в повстанческом отряде... Имения Черских конфисковали, матери и сестре Яна пришлось искать убежища у друзей...

Кстати, изначально Черского должны были сослать еще дальше — в Благовещенск, он выкупил себе Омск за пять золотых монет. Шесть тысяч верст по этапу, в кандалах... Но по дороге в Омск Ян познакомился с геологом Александром Чекановским, тоже ссыльным. Общение с ним разбудило в юноше интерес к геологии. Чекановский восторженно рассказывал об Индии, куда собирался поехать с экспедицией...

Но вокруг была Сибирь.

Здесь Черскому доведется провести двадцать два года.

В Омске ждет нелегкая солдатская служба. По иронии судьбы Черскому приходится охранять так называемый Мертвый дом — страшную каторжную казарму, где за десять лет до прибытия юного ссыльного сидел Федор Достоевский.

Все свободное время юноша тратит на самообразование. Ему разрешили пользоваться библиотекой, и Черский изучает антропологию, астрономию, теорию Чарльза Дарвина... Читает по ночам при огарке свечи, прячется с книгами в заброшенной бане.

Ему помогает землякссыльный, библиотекарь В. Квятковский, человек энциклопедической эрудиции. Еще одна счастливая встреча — с известным омским географом Р. Потаниным, под руководством которого Черский составляет географические карты и профили Иртыша, изучает окрестности города.

Муштра и параллельно усиленные занятия наукой приводят к болезни — Черский попадает в госпиталь. Его признают негодным к солдатской службе.

Но происходит невероятное. За несколько лет ссыльный рекрут превращается в настоящего исследователя. Когда в 1869 году в Омск приезжает академик А. Миддендорф, ему представляют самородка. Коллекция раковин пресноводных моллюсков, собранная Черским, оказалась настолько уникальной, что Миддендорф решил: нельзя дать пропасть такому таланту. Подобные люди необходимы — Сибирь мало исследована...

Ссыльного освобождают от обязательной жизни в казарме. Но поступить в Казанский университет не разрешают и жить в европейской части России — тоже. Наконец с помощью академика Миддендорфа Черский получает возможность переехать в Иркутск и становится писарем, библиотекарем и консерватором музея Сибирского отдела Географического общества. Весной 1873 года он возглавляет научную экспедицию на Нижнюю Тунгуску и Оленёк, ему поручают провести детальные геологические исследования районов Восточных Саян... Карта, составленная Черским, производит фурор на форуме в Венеции. Но настоящую славу приносят исследования озера Байкал. На ссыльного ученого сыплется дождь наград: малая серебряная и малая золотая медали Географического общества, золотая медаль имени Ф. П. Литке...

В Иркутске случается еще одна счастливая встреча. У хозяйки квартиры, которую снимает Ян Черский, две дочери — Оленька и Мавра. Молодой квартирант учит девочек грамоте. Мавра оказалась особенно любознательной... Простая девочка из Сибири, она смотрела на ученого квартиранта, худощавого высокого блондина в очках, как на принца... Он был старше ее на пятнадцать лет. Как писали, «из этой девушки православной веры, которая еле умела читать и писать, Черский вскоре смог «создать» натуралистку с выдающимися способностями к наблюдению и умению делать научные выводы».

В 1878 году Мавра и Ян поженились, через год у них родился сын Александр. Мавра Павловна сопровождала мужа в экспедициях, помогала в исследованиях. Не все было гладко... Както во время большого пожара сгорел дом Черских в Иркутске. Других

политзаключенных освободили, а за Яном начали усиленно следить: состоялось покушение на императора Александра II, а Черский — «чырвонажондавец»... Ухудшилось и его самочувствие, какоето время он был вынужден работать в молочной лавке, зарабатывать на жизнь, рисуя портреты...

Академия наук наконецто добилась для Черского права свободного передвижения. Он приехал с семьей в СанктПетербург. Его ждали слава и популярность. Но, по мнению биографов, в городе ему было «душно». До академии дошли слухи, что в Сибири в очередной раз нашли труп мамонта. Как эти животные туда попадали?

Тогдато Черский и напросился в свою последнюю экспедицию. Незадолго до этого удалось навестить Беларусь. И за полярный круг его сопровождал еще один родственник — сын сестры Михалины Г. Дуглас.

...Черского похоронили на левом берегу Колымы. Мавра Павловна продолжила экспедицию. Затем доставила исследовательские материалы в Иркутск, коллекции и записи мужа передала в Петербурге Семену ТяньШаньскому.

Картами, составленными Черским, пользовались вплоть до 1950х годов. Его именем названы поселок Черский на Колыме в Якутии, два горных хребта в Сибири, берег на озере Байкал в Баргузинском заповеднике и берег реки Иртыш и другие объекты. Имя Черского носят Иркутское товарищество белорусской культуры и проезд в Москве. О нем написаны книги... В 1962м, например, вышел том авторства А. И. АлданаСеменова в знаменитой серии ЖЗЛ.

Но так ли безоблачно «посмертное существование»? Когда Мавра Черская после смерти мужа оказалась в СанктПетербурге, для нее и сына провели сбор средств. Но Черская отказалась от пожертвований, попросив передать их для помощи учащейся молодежи. Академия выхлопотала вдове небольшую пенсию. На нее Мавра Павловна отдала сына в петербургскую гимназию, а сама переехала в Витебск. Там удалось купить участок земли с разрушенными домами. Постепенно отстроив их с помощью глухого родственника мужа и взяв кредит, Мавра Павловна выменяла фольварк Казимирово в Оршанском уезде.

И тут грянула революция. 23 сентября 1919 года был подписан декрет «Об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные посты в царском и буржуазном строе». В список помещиков попала и Мавра Павловна. Ей пришлось доказывать свои заслуги и заслуги мужа... Фольварк отняли, оставив «трудовую норму». Только в 1930 году президиум ЦИК

БССР принял решение восстановить М. Черскую в избирательных правах и праве на пенсию. Но самое страшное, что случилось: в 1921 году сын Александр был убит на Командорских островах, где работал директором зверофермы. Тайна его смерти до сих пор не раскрыта.

В 1935 году Мавра Черская с невесткой и внуком переехала в РостовнаДону. Там воспитанница великого ученого, несмотря на возраст, вела кружки юных любителей географии, читала лекции, занималась географическими фондами музея. Умерла она в 1940 году в доме престарелых ученых в Таганроге.

В СИЯНЬЕ КРАСНОГО КОСТЕЛА. ЭДВАРД ВОЙНИЛОВИЧ (1847–1928)

«Не прышэлец ні з Усходу, ні з Захаду, а з таго люду, што радзімую зямлю беларускую сахой рэзаў». Это строки из воспоминаний человека, которого Столыпин называл «минским Бисмарком». Да-да, среди белорусов были не только «паны сахі і касы», но и паны вполне реальные, олигархи и бизнесмены, как мы бы сегодня сказали. Род Войниловичей, записывающих в предки воина XIV века Войнилу, был знаменит и богат... Представитель его в десятом колене Эдвард Войнилович соединял в себе кровь трех знаменитых белорусских родов — Войниловичей, Ваньковичей и Монюшко. В своем завещании Эдвард Войнилович писал: «Род наш ни перед кем шапки не снимал. Когда почти вся шляхта былого Новогрудского воеводства копила свои богатства из крошек с радзивилловского стола и из заложников вышла в хозяева, мы ни единой пяди земли от них не взяли. Во всем обширном округе Савичи, пожалуй, единственное имение — непослерадзивилловское».

В Савичах, одном из имений Войниловичей, хранился любопытнейший родовой архив. В том числе памятная книга Vade mecum, мемуары полковника Гаврилы Войниловича, под знаменами которого служил пан Володыевский... Вспомнили «Потоп» Генрика Сенкевича и его героев? Именно из савичевского архива Сенкевич и брал необходимые ему исторические сведения.

Вот как современник Войниловича, Януш Ивашкевич, написавший предисловие к изданию его воспоминаний, вышедших в 1931 году, описывал его, председателя Минского земельного товарищества: «Большой зал Товарищества шумел, как пчелиный улей. Среди однотипных представителей Товарищества эффектно выделялось красивое лицо Председателя с великолепными усами и красивыми, умными глазами, как будто сошедшего со старинного портрета XVIII столетия, недоставало только делии (плаща, подбитого мехом) или кунтуша».

Эдвард Войнилович представлял Западные губернии в Государственной думе Российской империи, куда избирался трижды, Столыпин предлагал ему место министра сельского хозяйства. Более тридцати лет исполнял обязанности мирового судьи. Но известность его связана прежде всего с одним зданием — минским костелом

Святых Сымона и Алены. Както я сравнила этот храм, который иногда называют еще и Красным костелом, с рыцарем в тяжелых средневековых латах, который стоит на страже города.

Красный костел подарил городу легенду...

...В богатой и набожной семье Эдварда и Олимпии Войниловичей жили двое детей — Сымон и Алена. Но в город пришел мор. Первым заболел и умер Сымон. Родители очень грустили о нем, тосковала и старшая сестра Алена, которой должно было исполниться девятнадцать лет. Девушка хорошо рисовала, даже продавала свои рисунки и на вырученные деньги покупала подарки для бедняков. Но вот заболела и она... Молилась, чтобы не оставить одних отца и мать... И однажды во сне ей явилась Богородица. На ладони она держала модель прекрасного храма. Небесная гостья сказала Алене, что та вскоре уйдет в мир иной. А чтобы ее родители утешились, им нужно построить такой храм. В нем родители будут ощущать, что вновь воссоединяются со своими детьми... Алена нарисовала храм и умерла. А родители построили костел Сымона и Алены. Некоторые минчане даже усматривают символику в башнях храма: якобы большая символизирует Алену, меньшая — Сымона.

А что говорят факты? Да, в основе истории храма — трагедия и вера семьи Войниловичей. Смерть двенадцатилетнего Сымона — это конец рода. Последний наследник мужского пола... Про Алену же Войнилович говорил так: «Господь сохранил мне мою дочь, достоинства характера и мышления которой были для меня явным знамением Божьего милосердия над моей головой, это не позволяло мне пасть под тяжестью апатии и сомнений».

Но «дитя его духа» Алена в 1903 году тоже умерла. Войнилович сделал запись: «С когдато сильного дерева моего рода опадала ветвь за ветвью, пока не остался один я, как ствол, приговоренный к вымиранию, как громом пораженный, которого уже ни одна весна не сможет возродить,— так хотел Бог».

Эдвард Войнилович предложил городу построить костел в память своих умерших детей с тем условием, что строительство осуществится исключительно на его личные средства, в проектирование и возведение никто не станет вмешиваться.

Войниловичу хотелось, чтобы храм одинаково сочетался и с православной, и с католической традицией, чтобы всяк, независимо от конфессии, мог в нем молиться и вспоминать Сымона и Алену. Войнилович был против конфессиональной розни. Он спонсировал постройку не только костелов, но и церквей, и синагоги в Клецке.

Знал, что предки были православными, только в XVIII веке, когда проводилась политика окатоличивания шляхты, перешли к костелу.

Ему попалась на глаза иллюстрация с изображением костела в Ятросине под Познанью, построенного по проекту Т. Пайздерского. Войнилович съездил к архитектору в Варшаву... И работа началась. Правда, Пайздерский как иностранец не имел права официально производить работы — вместо него значился другой человек...

Эдвард и Олимпия Войниловичи денег на постройку храма не жалели. Специальный красный кирпич привозили из Ченстоховой, черепицу — из Влацлавки. Колонны и алтарь возводились из розового песчаника и келецкого мрамора. Похоже, средств на все задумки не хватило... Тем не менее в 1909 году на звонницу костела были подняты три колокола — «Михал», «Эдвард» и «Сымон». Костел принял под свои своды первых прихожан...

А потом грянули война и революция...

Об отношениях Эдварда Войниловича с белорусским возрожденческим движением говорят разное... Были попытки представить его исключительно как польского патриота, относящегося к Краю, то бишь Беларуси как части Польши. Войнилович действительно воспитывался в среде польского патриотизма: мать всегда внушала ему, что отдать жизнь за родину — высшая честь. В Слуцкой гимназии вместе с одноклассниками по ночам изготовлял из старых напильников, пилочек для ногтей кинжалы и пики, ученики носили заколки с белым орлом в галстуках и запонки с изображением Костюшко и Замойского. Пришлось совсем юным в отсутствие родителей пережить наезд жандармов, которые собрались секвестрировать их имение... С другой стороны, как человек от природы умный и справедливый, Войнилович на всю жизнь усвоил, что такое так называемое «прогрессивное общественное мнение». Он видел, как «пальму первенства в общественных заслугах отдавали агитаторам и демонстрантам, а людей, более глубоко мыслящих и далеко вперед смотрящих, чем эмиссары «Народного правления», ставили к столбу общественного порицания». Войниловича возмущало, что «борцы за патриотическую чистоту» разбивали окна графу Эмерику Чапскому, ставшему директором лесного департамента, а Ежи Могильницкому, сосланному впоследствии на каторгу, «не давали покоя «создатели общественного мнения», которые и в дальнейшем распивали чаи с баранками во время конфискации его имения».

Когда Эдвард Войнилович стал членом Государственного совета от Минской губернии, советником губернского земства, депутатом Госдумы, статским советником и частым гостем царских приемов с

целым набором имперских наград, ему тоже пришлось наслушаться о своем коллаборационизме. Но он всегда ставил условие: никаких указок ни из Петербурга, ни из Варшавы. Только собственные принципы.

С другой стороны, Эдвард Войнилович поддержал создание Белорусской Народной Республики, участвовал в заседаниях ее правительства. «Валодаючы беларускай мовай гэтак жа добра, як і польскай, і стала ўжываючы яе ў стасунках з вясковымі працаўнікамі ў сваёй гаспадарцы, я некалькі дзесяцігоддзяў падтрымліваў сталы кантакт з усімі праявамі беларускага руху перадусім у Менску, дзе сустракаўся з Луцкевічам і Кастравіцкім, пазней у Вільні і Петраградзе з Іваноўскім, Шыпілам і г. д. Беручы ў беларускіх згуртаваннях сякітакі матэрыяльны ўдзел, урэшце мусіў з іх штораз выходзіць, бо распачатая ў іх праца, спачатку ў кірунку самапазнання і нацыянальнага адраджэння — «Лучынка», «Саха», «Загляне сонца і ў наша аконца» — напрыканцы заўжды прымала сацыялістычныя кірунак і лозунгі, якім, насуперак сваім перакананням, служыць я не мог».

Да, социализм Эдварда Войниловича, аристократа и землевладельца, никак не прельщал. Он мог отдать все силы на создание Союза минских крестьян, который защищал владения сельчан от реквизиций, связанных с военным временем... Но когда теми же крестьянами разорялись его собственные имения — понятно, отнюдь не радовался.

Владения Войниловича оказались на территории советской Белоруссии. Ему пришлось искать приюта у родни в Польше. В конце концов осел в Быдгоще. «Такие обломки судьбы, как в настоящее время и я, обычно гибнут в забвении даже прежде, чем уйдут из жизни. Иное время требует и людей иных, и хотя в свои 78 лет еще вполне способен заниматься общественной деятельностью, совсем не удивляюсь тому, что я оказался на обочине, так как мне трудно было бы пригнуться, приспособиться к существующим настроениям. Я никогда не смог бы изменить прошлым идеалам».

Он умер в 1928 году в том же Быдгоще, где еще успел построить приют для сирот.

В 60х годах прошлого века костел Святых Сымона и Алены порывались снести: как же, главная площадь столицы советской республики — и тут же бросающийся в глаза «рассадник опиума для народа»... К счастью, прекрасный храм удалось отстоять.

11 июня 2006 года в нем был перезахоронен прах его основателя.

Белорусский поэт Виктор Шнип так написал в балладе об Эдварде Войниловиче:

Не прышэлец з Усходу ні з Захаду ён,
А з тутэйшага люду, які гонар мае,
Над якім неба светлага велічны звон
Звонам вечным для светлай нас долі яднае.
Звон праз душы людскія з малітвай плыве,
На касцёле крыжуецца і на царкве,
Каб мы помнілі вечна — на нашай зямлі
І багатыя людзі, як людзі, жылі,
І жыў ён, і любіў белы свет, і бярог
У сабе, як агонь, да Айчыны любоў,
І вяртаўся дадому з край свету, і Бог
У душы яго жыў, як жыве ў сэрцы кроў.
І пакінуў ён нам Божы свет і святло,
І што будзе, што ёсць, што праз вечнасць прайшло,
Дзе Чырвоны касцёл, як агонь, што застыў,
Каб прайшлі праз яго ўсе, хто хоча прайсці
І ачысціць душу, каб сказаць: «Я пражыў
Так, як трэба было жыць мне ў гэтым жыцці...

ХРАНИТЕЛЬ ВИТЕБСКОЙ СТАРИНЫ. АЛЕКСЕЙ САПУНОВ (1851–1924)

Уже при жизни о нем много писали. Сегодня почитатели не жалеют громких слов вроде «витебский Гомер»... Но давайте просто попытаемся по штрихам из биографии представить его — не бронзовую фигуру основателя белорусской археографии, а человека... Алексея Парфеновича Сапунова.

Если бы я писала сценарий для фильма, начала бы, наверное, с такой сцены... Декабрь 1919 года. Витебск. Старый ученый озябшими пальцами держит письмо от друга из Петрограда. Пишет Бронислав ЭпимахШипила, блестящий этнограф, создатель легендарного товарищества «Загляне сонца і ў наша аконца». Он издавал Янку Лучину и Янку Купалу, в его квартире каждую субботу собиралась белорусская молодежь, где получала пищу не только духовную, но и материальную... А теперь ЭпимахШипила просит: «Глыбокапаважаны Аляксей Парфёнавіч! Да гэтага часу змагаўся я з голадам, які лютуе тут, у Пеклагладзе, але больш сіл не стае, і вымушаны звярнуцца да Вас, глыбокапаважаны Аляксей Парфёнавіч, з пакорлівай просьбай: уратуйце ад страшэннай смерці галоднай — дашліце па пошце якіхнебудзь пару фунтаў чорных хлебных сухароў, якінебудзь фунцік гароху, бобу або круп, наклаўшы на пасылку плацёж або паведаміўшы пісьмова яе кошт, а я без затрымкі адашлю грошы з удзячнасцю...»

Алексей Сапунов устало закрывает слепнущие глаза — катаракта, давшая о себе знать еще в молодости, когда приходилось проводить сутки над расшифровкой летописей, прогрессирует... Не слишкомто сытно живется и в Витебске. Но другу необходимо помочь — и посылка будет отослана...

Так же помогут и самому Сапунову. Спустя два года Алексей Парфенович запишет в дневнике: «Дзякуючы толькі 4м асобам мы з жонкаю не загінулі (літаральна!) ад голаду і холаду». К тому времени будут проданы бесценные книги из личной библиотеки, коллекции каменных молотков и хрусталя... Даже уникальный том Статута ВКЛ 1588 года издания... Когдато профессор купил его за 100 рублей золотом — огромная сумма! Теперь этот «клад белорусского народа», как он его называл, ушел в библиотеку недавно созданного Белорусского университета за куда более скромную сумму. Но, даже умирая от голода и холода, настоящий ученый драгоценную книгу мог

передать только в нужные руки... Он не знает, что в годы грядущей войны Статут будет утрачен, всплывет в Америке, затем окажется в Белорусской библиотеке им. Ф. Скорины в Лондоне...

Осколок прошлой эпохи... Подобные эпитеты Алексею Сапунову приходилось в то время слышать в свой адрес не раз. «Красных профессоров» нельзя наштамповать за один год. Поэтому привлекались научные авторитеты из «бывших». К старым кадрам отношение было неоднозначным...

Вот только в среде той академической науки Алексей Сапунов в свое время тоже был чужеродным — «выскочкой», выходцем «из мужиков»... Родился в 1851 (по другим источникам — в 1852м) году в местечке Усвяты Витебской губернии, отец был небогатым купцом, а мать — крестьянкой. Впрочем, и дед по отцу был крепостным крестьянином, который выкупился на волю.

Отец будущего историка владел маленькой мастерской по выделке кож. Алексей Сапунов, уже будучи профессором и владельцем усадьбы, посыпал дорожки в своем саду дубовой корой, которую, как известно, применяют при выделке кож — объяснял гостям, что это родной ему запах. Соседом по усадьбе был Илья Репин, которому Сапунов передал свою влюбленность в родную Витебщину.

Отец и отвез маленького Алексея в витебскую Александровскую гимназию. Это случилось как раз накануне восстания 1863 года... Как начинающий гимназист тогда выглядел, сохранилось в его «Деле»: «Лет 13, рост 2 аршина, лицо белое, волосы светлорусые, брови русые, глаза голубые, нос и рот умеренные, подбородок круглый». События восстания прошли мимо юного гимназиста. Но нрава тот был несмиренного... Например, частенько забирался с приятелями в архив Полоцкой духовной консистории, чтобы воровать бумагу для изготовления воздушных змеев. Особенно ценились бумаги с печатями.

Сколько раз потом ученый Алексей Сапунов с сожалением вспоминал о бесценных документах, улетевших в небо!

Когда Алексей учился в гимназии, умер его отец. Доучиться удалось, но пришлось заниматься репетиторством, различными подработками... Отказаться от образования молодой человек и не мыслил и, воспользовавшись правом на стипендию для таких, как он, неимущих детей разночинцев, поступил в Петербургский университет на историкофилологический факультет. Уже первая его работа — по хронике Адама Бременского XI века — была ценной... Только закончить ее вовремя не успел изза болезни глаз. Молодому ученому самое место на кафедре... Но нужно было отрабатывать казенную

стипендию, и Алексей Сапунов оказался в Витебске на должности учителя гимназии. Вместо истории достались уроки классических языков. Зато уже через год устроилась личная жизнь — Алексей женился на одной из четырех дочерей городского головы, Юлии Садокиевне Волкович.

Вряд ли мы вспоминали бы о преподавателе Витебской гимназии, если б он ограничился карьерой и устройством семейного быта. Но он был одержим историей. Историей родного края. Ни в гимназии, ни в университете о Беларуси отдельно не говорили. «Калі я пачаў заняткі па гісторыі роднага краю, то папросту апынуўся ў безвыходным становішчы: з чаго пачаць? Якія ж крыніцы? Якія дапаможнікі? І нямала часу згублена было дарэмна ў пошуках, так бы мовіць, навобмацак таго, што было патрэбна»,— с сокрушением вспоминал Сапунов.

Он ездит в экспедиции, работает с первоисточниками в архивах, завязывает переписку с единомышленниками... Постепенно в нем выспевает белорусскость, рушатся стереотипы о «Западном крае», привитые в университете... Начальство недовольно — учитель занимается посторонними делами, да еще замешанными на «сепаратизме»! Одна за другой появляются публикации — о Полоцком Софийском соборе, о Борисовых камнях, о той Беларуси, которую не хотел знать академический мир. Сапунов пишет историю Витебска... Первый том «Витебской старины» проспонсировала теща автора. Всего же таких томов вышло пять.

Усердный ученый получает должность архивариуса Витебского центрального архива древних актов, затем ему предлагают место в Московском университете... Место не совсем почетное — помощника инспектора студентов. Зато работа не занимала много времени, можно было сидеть в архивах, посещать Археологическое общество и Общество истории и древностей... Четыре года в Москве Сапунов называл лучшими в своей жизни.

Еще один эпизод биографии: депутатство в III Государственной думе. Наивно было бы представлять Сапунова, в общемто человека системы, ходившего на приемы к императору, революционером и возрожденцем. Но все же именно он с горечью произнес с думской трибуны в 1909 году: «Усе, нават самыя нязначныя народнасці, імкнуцца да «самавызначэння»; за імі ўсе прызнаюць права на гэта. Толькі адна народнасць, народнасць беларуская, не смее і думаць пра гэта»,— именно он с этой трибуны назвал себя крамольным словом «белорус».

Впрочем, работа в Думе быстро стала Сапунову в тягость. Он возвращается в Витебск и продолжает научные исследования. «Радзіміцкая Беларусь б'е чалом беларускаму Нестару за доблесную 25гадовую службу абяздоленай радзіме»,— написал этнограф Евдоким Романов, поздравляя коллегу с юбилеем творческой деятельности.

Первая мировая война... Потом революция... Алексей Сапунов становится «совслужащим». Он готов взяться за любую работу: разруха, а рядом новая жена, Мария Ипатьевна Толоцкая, младше его на 18 лет (с Юлией Волкович Сапунов развелся в 1918 году). 67летний ученый едет в экспедицию по архивам Витебской губернии. Переносит все ужасающие условия путешествия. Продолжает читать лекции, но их сокращают до минимума... «Я быў такі шчаслівы, што на старасці гадоў дажыў да адраджэння Беларусі, калі ні «сепаратызм», ні «сімпатыі да Беларусі» не сталі ўжо лічыцца крамольнымі. Але тут здарылася яшчэ горшая бяда! Калі я канстатаваў факт малога знаёмства шырокіх мас з назваю «Беларусь», то апынуўся ледзь не ворагам адраджэння дарагой бацькаўшчыны: мне не дазволена было чытаць у Педагагічным інстытуце лекцыі па гісторыі Беларусі, дзеля якой я, у меру маёй моцы і магчымасцяў, працаваў больш за 40 гадоў і гісторыю якой я выкладаў на працягу 10 гадоў»,— пишет Сапунов. О бедственном положении полуослепшего ученого бьет тревогу на страницах газеты «Савецкая Беларусь» его бывший ученик, историк Михась Мелешко: «Патрэбна гэтаму заслужонаму старыку, убеленаму сівізной, найхутчэйшая дапамога ад беларускага грамадзянства, адкідываючы яго ўласныя погляды ў мінулым на жыццё і ацэніваючы яго ўклады ў навуковую скарбніцу Беларусі».

Вырезку со словами ученика Сапунов вклеивает в свой альбом и делает надпись: «Конец увенчивает дело».

Белорусские власти назначили Сапунову пожизненную персональную пенсию в 100 рублей. На следующий день после появления указа ученый умер. Пенсию в половинном размере оставили вдове. Своих детей Сапунов не имел, но у него все время был ктото на воспитании, документы зафиксировали, что у вдовы остался «приемный сын крестьянского происхождения». Какоето время Сапунов помогал осиротевшему племяннику Леше. Сам был человеком глубоко религиозным, его же племянник стал православным священником, получил приход в Крыму, в 1930м был выслан на Урал, на спецпоселение. Потом долгие годы служил в церкви города Шадринска Курганской области. Служил он молебны и за своего покойного дядю.

БЕЛОРУС
НА КРАЮ СВЕТА.
ЭДУАРД ПЕКАРСКИЙ
(1858–1934)

Помните, как Владимир Короткевич в «Колосьях под серпом твоим» описывает обряд «дядькованья»: в знатных семьях старшего сына отдавали на несколько лет на воспитание в крестьянскую семью, чтобы вырос неизбалованным, узнал цену хлеба и полюбил свою землю. Это не красивая легенда — обряд существовал, во всяком случае, шляхтич Карл Пекарский, потеряв жену, своего старшего сына Эдуарда отдал на воспитание крестьянам.

Правда, объясняли это не столько приверженностью традициям, как бедностью семьи.

Потом мальчика взяла к себе тетя. Она жила в скромном домике в Минске. Жила тем, что выращивала в саду и огороде, да еще сдавала подвал на постой солдатам. Так что шляхетский сын Эдуард вырос во вполне демократической среде... К тому же тетя рассказывала ему о восстании Кастуся Калиновского, давала читать поэмы Адама Мицкевича, а когда молилась, пропускала словапрошения о здоровье русского царя. Понятно, какие установки возникли у мальчика.

Затем его отправили учиться в Мозырскую гимназию, а жил он в свободное время в усадьбе Барбарово двоюродного деда Ромуальда Пекарского. Жилось гимназисту там несладко, жена деда все время упрекала того, что тратится на мальчишку. Когда Мозырскую гимназию превратили в шестилетку, Эдуард доучивался в Минске, затем вместе с несколькими одноклассниками перевелся в Таганрогскую гимназию, где назначили директора с хорошей репутацией...

В Таганрог юный Эдуард Пекарский приехал уже с явными революционными задатками. Но подпольщиков арестовывают... Самое неприятное, что в предательстве подозревают Пекарского. Это так поражает Эдуарда, что он уезжает из Таганрога в Чернигов. Здесь становится участником кружка В. Варзара, помимо учебы в гимназии, устраивается в сапожную мастерскую и ведет пропагандистскую работу. А в гимназии распространяет нелегальные издания. В общем, гимназист из него не очень... Хотя в математике способ ности обнаружил выдающиеся.

Эдуард поступает в Харьковский ветеринарный институт и работает в кружке Дмитрия Буцинского. В любом учебном заведении есть преподаватели талантливые и не очень, прогрессивные и

консерваторы... Против неугодных профессоров студенты бунтуют. Пекарский с друзьями воюет с преподавателем сравнительной анатомии Журавским. Выливается это в бойкоты лекций, митинги, вплоть до банальных потасовок. Разумеется, под все подводилась политическая подкладка. Бунтовщиков стали арестовывать. Пекарский становится нелегалом. На какоето время устраивается писарем в КняжеБогородицкое управление Тамбовского уезда, затем перебирается в Смоленскую губернию, затем — в Москву. Здесь молодого революционера выслеживают и арестовывают.

Говорят, никому не даются испытания, которые он не сможет вынести... Более того — там, где, казалось бы, жизнь заканчивается, судьба ломается, может начинаться нечто новое. 12 января 1881 года Московский военноокружной суд приговорил «государственного преступника» Э. Пекарского вместе с лицами, имевшими отношение к убийству агента полиции Н. Рейнштейна, к 15 годам каторжных работ. «Принимая во внимание молодость, легкомыслие и болезненное состояние» Пекарского, каторгу заменили ссылкой на поселение «в отдаленные места Сибири с лишением всех прав и состояния».

Тогда 23летнему Эдуарду Пекарскому, наверное, казалось, что жизнь закончена. Он очутился в Якутии, в поселке Игидейцы. В первую зиму чуть не умер от голода и холода — спасали якуты. А с весны пришлось браться за непривычную работу: ссыльному выделили кусок земли, который он должен был обрабатывать. Пришлось учиться косить траву, пахать, сеять. Вскоре у Пекарского было уже четыре коровы, бык, пара телят, конь... Эдуард построил дом из обтесанных бревен. Наверное, более слабый, менее духовно устремленный человек решил бы, что и существующих занятий достаточно... Но Эдуард Пекарский хотел занять работой — настоящей, тяжелой — и свой ум. Он стал учить якутский язык, его увлек местный фольклор, заворожили песни. В одной из статей Эдуард Пекарский прочитал, что в якутском языке всего три тысячи слов. Но он понимал, что это не так, язык значительно богаче. И начал работу по составлению словаря. Этот огромный труд занял 45 лет.

Приходилось писать на обрывках бумаги, на оборотных сторонах использованных листов. Даже свечек не было — долгую зиму он вынужден был читать и писать при огне печурки. Но этот тяжелый труд был и спасительным. Многие ссыльные не выдерживали, ломались. Сошел с ума и умер краевед Иван Худяков, который тоже пытался собирать якутский фольклор. Та же участь постигла ссыльного Алексея Сиракова. Александр Павлов, петербургский рабочий, застрелился. Товарищ Пекарского по харьковскому кружку

А. Бовбельский повесился. А ссыльного Петра Алексеева, который жил в 18 верстах от Пекарского, убили соседи.

Но в больших делах человек не бывает одинок.

Однажды революционер Эдуард Пекарский познакомился с необычной личностью — православным священником Димитрианом Поповым. Тот тоже составлял словарь якутского языка. На момент их знакомства отец Димитриан собрал более тысячи слов, в то время как Пекарский успел записать только четыре сотни. Отец Димитриан передал молодому человеку все свои наработки и впоследствии помогал с материалами.

Пекарскому стали помогать в сборе материалов и другие ссыльные. В 1896 году он в соавторстве с Асмоловским написал свою первую статью «Якутский род до и после прихода русских». Статья была, как ни странно, достаточно верноподданническая: в ней доказывалось, что вхождение в Российскую империю было благотворным для якутов. На публикацию обратил внимание петербургский губернатор, заинтересовались власти и словарем, составленным ссыльным. Лингвистсамоучка наладил связь с ВосточноСибирским отделом Географического общества и выслал туда первую редакцию своего словаря, в котором было около 20 тысяч слов и много фольклорных записей. Наверное, юношеский максимализм Пекарского поубавился, во всяком случае, в 1898 году его словарь был издан на средства сибирского золотопромышленника А. Сибирякова, то есть «классового врага».

Эдуард Пекарский провел в Сибири 14 лет. Теперь он мог вернуться в европейскую часть империи — правда, не в столичные города. Но ученый пишет отцу: «Ранее окончания печатания словаря мне нечего и думать о возвращении на родину, если даже и будет получено на то разрешение, ибо нельзя бросить работу, на которую потрачено тринадцать лет лучшей поры жизни».

Пекарскому разрешают поселиться в Якутске, от Академии наук он получает небольшую ежегодную стипендию в 400 рублей. Эдуард служит в канцелярии окружного суда, заведует библиотекойчитальней, входит в совет сельскохозяйственного общества. В 1902 году после съезда якутской интеллигенции именно Пекарский готовит к печати его материалы.

Только в 1905 году по ходатайству Академии наук с Эдуарда Пекарского снимают ограничение в переездах и он оказывается в Петербурге. Здесь бывшего ссыльного устраивают в этнографический отдел Русского музея, затем — в музей антропологии и этнографии при Академии наук. Пекарский продолжает работу над якутским

словарем, выходят новые его редакции, а также восемь выпусков трехтомного издания «Образцы народной литературы якутов». Ученый получает Золотую медаль Русского географического общества. Он ратует за создание школ на якутском языке, утверждает, что якутская культура богата и самобытна...

В Беларусь Пекарский вернулся в 1906 году. Повидался с родней, устроил бедствующего брата Осипа на работу в акцизное ведомство. Когдато от опасного родственника открещивались, теперь он мог благодетельствовать. Вновь Пекарский решил поехать в Белоруссию только в 1924 году, захотел навестить имение деда Барбарово. Но эта поездка изза огромной занятости ученого не удалась.

В Якутии белоруса Эдуарда Пекарского помнят и чтут. Както он получил оттуда письмо: «Дорогой Одубар Хаарылабыс! (*Так на своем языке звали Пекарского якуты.*) Вы прибыли, считаясь преступником, в нашу отдаленную и несчастную страну, что было несчастьем для Вас и счастьем для нас...»

Похоронен «отец якутской литературы», членкорреспондент Академии наук СССР, белорус из Игуменского уезда Эдуард Пекарский на Смоленском кладбище в СанктПетербурге.